ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Н.А. Кожанов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАНА: ЦЕЛИ, МАСШТАБЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ

Москва
2011

Научное издание

Н.А. Кожанов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАНА:
ЦЕЛИ, МАСШТАБЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ

М., 2011. 268 стр.

Научный редактор – С.Ф. Сутырин, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой Мировой экономики Санкт-Петербургского Государственного Университета.

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89394-221-7

ISBN 978-5-89394-221-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Причины введения санкций в отношении ИРИ 9

Глава 2. Коллективные санкции 14
2.1. Резолюции ООН 14
2.1.1. Резолюции №1696, 1737 и 1747 14
2.1.2. От резолюций №1737 и 1747 к резолюциям №1803 и 1835 23
2.1.3. Предпосылки принятия резолюции №1929 30
2.1.4. Резолюция №1929 33
2.2. Решения Европейского совета 37
2.2.1. От экономического сотрудничества к первым санкциям 39
2.2.2. Европейский совет и резолюции СБ ООН №1737, 1747 и 1803 48
2.2.3. Санкции Европейского совета 2010 г. 57

Глава 3. Экстерриториальные санкции США 70
3.1. Американское санкционное законодательство накануне подписания Б.Обамой закона о новых односторонних санкциях 2010 г. 70
3.2. Причины введения США новых экономических санкций в 2010 г. 73
3.3. Американские экономические санкции 2010 г. и последствия их применения 79

Глава 4. Режим односторонних санкций в отношении ИРИ 84
4.1. Великобритания и страны Британского Содружества Наций 84
4.2. Франция и Германия 92
4.3. Италия и Испания 101
4.4. Швейцария и страны Восточной Европы 103
4.5. Арабские страны Ближнего Востока 107
4.6. Страны Дальнего Востока (Япония, Южная Корея и Китай) 115
4.6.1. Япония 116
4.6.2. Южная Корея 119
4.6.3. Китай 122

Глава 5. Влияние санкций на экономику ИРИ 129
5.1. Макроэкономическая ситуация в ИРИ 129
5.2. Влияние санкций на нефтеперерабатывающую отрасль экономики ИРИ 134
5.3. Нефтегазодобывающий сектор экономики ИРИ и режим экономических санкций 139
5.4. Финансовый сектор экономики ИРИ в условиях применения санкций 142

Глава 6. Экономические санкции и иранская политическая элита 150
6.1. Санкции как инструмент влияния на расстановку политических сил в Иране 150
6.2. Иранская оппозиция и санкции 2010 г. 154
6.3. Санкции и процесс формирования иранской экономической элиты 158
6.4. К вопросу о способности экономических санкций повлиять на подходы иранской оппозиции к проблеме ИЯП 165
6.5. Руководство ИРИ и экономические санкции 170
6.5.1. Действия правительства ИРИ накануне принятия санкций 170
6.5.2. Реакция руководства ИРИ на санкции 2010 г. 174
6.5.3. К вопросу о возможных разногласиях внутри иранского руководства, вызванных принятием санкций 2010 г. 177
6.5.4. Санкции и государственная программа реформ 180

Заключение 186

Примечания 191

Библиография 223
Официальные документы 223
Литература 225
Периодика 230

Summary. Economic Sanctions against Iran: Aims, Scale and Possible Consequences 232

Об авторе 237

ВВЕДЕНИЕ

История применения экономических санкций насчитывает много сотен лет. Самые ранние прецеденты их использования относятся к периоду Древнего Мира. В частности, по мнению некоторых авторов, первым документально подтвержденным случаем ввода санкций одним государством в отношении другого является указ Перикла от 432 г. до н. э., запрещающий Афинскому союзу вести торговлю с городом-полисом Мегары. Предполагалось, что эта мера либо вынудит мегарцев сдаться, либо ослабит их до такой степени, что они будут не в силах оказывать сопротивление.[1] Характерно, что первый же известный случай применения экономических санкций дал результат, обратный ожидавшемуся: вместо скорейшего покорения, казалось бы, обреченного на голодную смерть города они привели к началу в 431 г. до н. э. Пелопонесской войны, итогом которой, как известно, стало поражение Афинского союза.[2]

Несмотря на не совсем удачный первый опыт использования санкций, упоминания об их применении встречаются во все последующие исторические периоды. При этом весьма показательно, что по мере приближения к современности количество случаев их использования возрастает. Прошедший XX век можно назвать периодом наиболее активного применения санкций как инструмента внешней политики.

В то же время, несмотря на накопленный человечеством исторический опыт и неоднократные попытки его обобщения, единого универсального определения экономических санкций (насколько это удалось установить автору) не существует. Впрочем, встречающиеся формулировки указанного понятия, хотя до некоторой степени и отличаются друг от друга, все же совпадают в главном: все они сходятся на том, что внешнеэкономические санкции (лат. sanctio – строжайшее постановление) выступают мерами принуждения экономического характера, которые применяются одним государством (или группой государств) по отношению к физическим или юридическим лицам другого государства (или группы государств) с целью до-

биться от них изменения каких-либо экономических, политических или социальных аспектов функционирования.[3]

Философия применения подобных мер достаточно проста: санкции ведут к экономическим потерям, что сказывается на населении страны, находящейся под их воздействием. Тем самым провоцируется недовольство в отношении выбранной ее правительством политики, приведшей к подобной ситуации. В свою очередь, это вынуждает руководство данного государства идти на уступки с целью отмены введенных в его отношении мер. Возможен также несколько иной вариант, при котором санкции накладываются с целью ограничить доступ того или иного государства к определенным видам финансовых и материальных ресурсов с целью ослабить возможности режима по развитию и реализации неких программ.[4]

Сами по себе указанные меры вводятся в отношении государства, чья деятельность не соответствует предъявляемым к нему требованиям (в ряде случаев речь идет о наказании той или иной страны за совершенное международное правонарушение). По своей сути экономические санкции могут принять форму полного или частичного запрещения экономических связей со странами-виновницами (то есть эмбарго), либо предоставления им относительно худших условий экономического взаимодействия (отмена режима наибольшего благоприятствования и торговых преференций, введение запрета на предоставление кредитов, а также, как вариант, поднятие процента по ним и так далее).[5]

Санкции могут применяться отдельным государством, группой стран или международными организациями, имеющими соответствующие полномочия.[6] На основании этого исследователи делят санкции на следующие группы: «односторонние» (применяемые одной страной) и «коллективные/многосторонние» (вводимые несколькими странами или участниками).[7] Также в отдельную категорию следует вычленить «экстерриториальные санкции» – ограничительные меры, установленные законодательством одной страны в отношении другого государства, но подразумевающие принуждение к их соблюдению физических и юридических лиц третьих стран. Наиболее часто они используются правительством Соединенных Штатов.

Главной причиной формирования современной системы санкций в отношении Ирана многие эксперты называют ядерные исследования Тегерана, вызвавшие серьезные опасения

у международного сообщества. В соответствии с этой точкой зрения поводом для принятия мер против ИРИ стали первоначально прозвучавшие осенью 2002 г. обвинения в отношении Тегерана по поводу работ над ядерным оружием под видом создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла (ЯТЦ). За этим последовали: выход Ирана из режима моратория на ядерную конверсию (август 2005 г.) и обогащение (январь 2006 г.), отказ от исполнения Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (февраль 2006 г.), а также ввод в строй в августе 2006 г. предприятия по выработке «тяжелой воды» в Араке. В этой связи 23 декабря 2006 г. СБ ООН принял первую (№ 1737), а 24 марта 2007 г. – вторую санкционную резолюцию (№ 1747) по Ирану.

По мнению ряда аналитиков, эти и последующие резолюции СБ ООН должны были ликвидировать возникшую в регионе серьезную угрозу режиму ДНЯО. Не исключалось (и не исключается), что Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ и Иордания, подогретые нагнетаемой вокруг иранской ядерной программы (ИЯП) истерией, а также опасаясь дальнейшего развития ситуации по сценарию, при котором в руках у иранцев окажется атомная бомба, не будут дожидаться, когда США предоставят ближневосточному региону «ядерный зонтик», и вполне могут начать создавать свой собственный военный атомный потенциал.[8] Экспертами также отмечалось, что возникновение на Ближнем и Среднем Востоке новой «ядерной» державы значительно дестабилизировало бы ситуацию, активизировало деятельность поддерживаемых Тегераном политических группировок в Палестине, Ливане, аравийских государствах, а также усилило бы ирано-израильские трения.[9]

В этом плане применение санкций полностью укладывается в их интерпретацию ООН как инструмента для проведения «превентивных действий в связи с угрозами для международного мира и безопасности, ... когда страны, отдельные лица и повстанческие группы нарушают международные нормы и когда отсутствие реакции ослабляло бы эти нормы, ободряло бы других нарушителей или истолковывалось бы как согласие».[10] Главной движущей силой здесь должен выступать Совет безопасности, который определяет источник угрозы и принимает соответствующую санкционную резолюцию, служащую не только обязательным к исполнению документом, но и своеобразной дорожной картой для выработки решений на уровне

национальных правительств. В случае с Ираном это означает наличие в решениях ООН двух групп мер – императивных и рекомендуемых. Исполнение последних зависит исключительно от воли каждого государства в отдельности и, в теории, означает, что односторонние санкции должны вводиться исключительно после принятия СБ ООН очередной резолюции и только в оговоренных ею рамках.

Однако подобная трактовка причин и предпосылок формирования современной системы санкций, а также механизма ее функционирования не совсем соответствует действительности. Прежде всего следует отметить те случаи, когда меры в отношении Ирана принимались государствами (в первую очередь США) в одностороннем порядке до соответствующих решений СБ ООН и превышали определенные ими границы. Не находят своего объяснения и причины, по которым именно ИРИ была «вознаграждена» за свои исследования в атомной сфере столь масштабной системой санкций. Между тем в регионе целый ряд государств (в некоторых случаях с куда менее стабильными правительствами) получил доступ к ядерному оружию в обход режима ДНЯО без адекватных штрафных мер.

В предлагаемой Вашему вниманию работе дано описание существующего в отношении ИРИ санкционного режима, а также проведен первичный анализ его влияния на экономическую и политическую ситуацию в стране.

Глава 1.
ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ИРИ

С нашей точки зрения, **угроза нарушения ДНЯО является первой**, но не самой важной и единственной причиной формирования существующей системы санкций. Скорректировать понимание ситуации и найти ответ на возникшие вопросы позволяет тот факт, что имеющийся санкционный режим в отношении ИРИ начал формироваться не в 2003–2006 гг., после обострения ситуации вокруг ИЯП, а в 1979 г. с возникновением продолжающегося по сей день кризиса в ирано-американских отношениях.

Дипломатические связи между Ираном и США были установлены в 1883 г. и на протяжении последующих почти ста лет отличались исключительным динамизмом, достигнув своего апогея в 1950–1970-х гг., когда американское посольство в Тегеране фактически напрямую вмешивалось во внутрииранские дела. В этот период в Иране функционировали более 500 американских компаний, в том числе пять крупнейших нефтяных монополий, а количество военных и гражданских специалистов США, работавших здесь, приблизилось к 40 тыс. человек.[11] Исламская революция 1979 г. в Иране, в результате которой власть в стране перешла к шиитскому духовенству, определила изменения, происшедшие во внешней и внутренней политике данного государства в последней четверти XX – начале XXI вв. Опираясь на романтические революционные лозунги, руководство ИРИ во главе с аятоллой Р. Хомейни, а позже и его преемником аятоллой С.А.Хаменеи, попыталось построить общество социальной справедливости. При этом была поставлена задача, опираясь на исламские религиозные принципы, создать такую теорию государственного развития, которая могла бы выступить альтернативой использовавшимся предшествующим режимом западным доктринам. Следствием этого стало обострение отношений Тегерана с бывшими внешнепо-

литическими партнерами и союзниками шахского правительства (в первую очередь с США и Израилем).

Исламские лидеры взяли курс на активное свертывание американского присутствия в стране. В частности, были аннулированы договор 1959 г., позволявший Вашингтону вмешиваться в иранские внутренние дела, и большинство из двух тысяч двусторонних коммерческих контрактов. В начале ноября 1979 г. иранские студенты с одобрения властей захватили посольство США в Тегеране и удерживали 52 его сотрудника в качестве заложников в течение 444 дней. В результате в апреле 1980 г. Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Тегераном.

Превращение Ирана (в противовес всем изначальным планам США по «приручению» исламского режима) из стратегического регионального экономического и политического партнера Соединенных Штатов в их оппонента, угрожающего другому союзнику Вашингтона – Израилю, не могло остаться безнаказанным. В отношении ИРИ впервые были применены санкции. 14 ноября 1979 г., воспользовавшись своим правом, оговоренным в Законе об экономических полномочиях на случай чрезвычайной международной ситуации от 28 октября 1977 г. (ЗЭПСЧМС), президент США Дж.Картер объявил чрезвычайное положение в отношениях с Ираном. С тех пор срок действия данного указа продлевается ежегодно. В соответствии с ЗЭПСЧМС после объявления чрезвычайного положения глава Белого дома может налагать ограничения или запрещать практически любые внешнеэкономические сделки между гражданами США и Ирана. В последующие годы американский санкционный режим в отношении ИРИ дополнялся новыми законами и постановлениями (подробнее об этом будет сказано позже), принятие которых периодически чередовалось с попытками Вашингтона наладить диалог. Главной целью Белого Дома было, используя метод «кнута и пряника», вернуть контроль над Ираном – одним из наиболее емких региональных рынков сбыта и обладателем внушительных нефтегазовых ресурсов, страной, которую при шахе американцы называли «еще одним штатом».

Эффективность этих действий, впрочем, оказалась невелика, что объяснялось не только сопротивлением иранских консерваторов и мощного американского произраильского лобби, уверенного в нецелесообразности установления дружественных контактов с «опасным исламистским режимом». Важ-

ным недостатком выбранной стратегии было отсутствие нужной поддержки санкционному давлению со стороны других государств. В 1990-х гг. страны-члены ЕС четко обозначили свое нежелание лишаться ради Соединенных Штатов тех возможностей, которые давал им открывшийся в результате произошедших в ИРИ внутриполитических изменений доступ к иранскому рынку и энергетическим ресурсам страны. Поэтому обострение после 2002 г. ситуации вокруг ИЯП пришлось американцам как нельзя кстати. Теперь США смогли не только аргументировано выдвигать обвинения в отношении ИРИ, но и попытаться обязать через существующие международные институты своих не всегда сговорчивых партнеров (а в некоторых случаях и оппонентов) оказывать необходимое давление на Тегеран. Кроме того, потенциальное наличие у ИЯП военной составляющей заставило некоторые государства европейского и ближневосточного региона серьезнее подойти к ситуации, ощутив угрозу собственным интересам в случае превращения Ирана в государство, обладающее ядерным оружием и средствами его доставки.

В этой ситуации консолидация сил в вопросе санкционного давления создавала все условия для более эффективного применения в отношении ИРИ системы угроз и уступок (иными словами, «кнута и пряника»). Тегеран уже не просто боролся с «большим сатаной», как называла в 1980-х гг. США иранская пропаганда, а был формально противопоставлен мировому сообществу. Американцы, предварительно апробируя в индивидуальном порядке различные санкционные меры, предлагали их использовать другим странам, легализуя и продавливая свои инициативы (не без поддержки европейцев) через СБ ООН, чьи решения, как отмечалось ранее, выступали своеобразной «дорожной картой». Наращивая санкционное давление на ИРИ, Вашингтон одновременно ненавязчиво показывал Тегерану и пути выхода из создавшейся ситуации. Имеется в виду ряд жестов администрации Б.Обамы в конце 2008 – первой половине 2009 гг. Перед иранцами также были примеры Ливии и американского партнера Пакистана. Решение ИЯП и снятие санкций в этом контексте непосредственно ассоциировалось с налаживанием политических (а вслед за ними и экономических) отношений с США, что дает возможность назвать **существующий неурегулированный кризис в ирано-американ-ских отношениях второй (и, с нашей точки зрения, самой главной) причиной**

формирования санкционного режима в отношении ИРИ. Последний используется Вашингтоном в качестве «кнута» (как это произошло в 2010 г.) при провале очередной попытки предложить иранцам «пряник».

Третьим фактором, способствующим принятию новых мер в отношении ИРИ (как на международном уровне, так и в одностороннем порядке), **является борьба между сторонниками силового решения проблемы ИЯП и их противниками**. Периодически в политических и экспертных кругах США, ЕС, Израиля, арабских стран Персидского залива нагнетается истерия относительно предполагаемой военной составляющей ИЯП.[12] По оценкам некоторых экспертов, частый отказ от ранее принятых решений, невыполнение требований МАГАТЭ и политическая бравада М.Ахмадинежада вызывают подозрения относительно наличия у Ирана разработок в сфере ядерного оружия. С их точки зрения, руководство ИРИ лишь имитирует переговорный процесс с международным сообществом, отвлекая внимание от настоящих целей ИЯП. На военную составляющую названой программы якобы указывает появившаяся информация о новых ядерных заводах на территории страны, достигнутый уровень обогащения в 20% и озвученные весной 2010 г. иранским руководством заявления о проведении испытаний 5 ракет в ходе военных учений в Ормузском проливе.

К сожалению, набирающая силу истерия подогревает желание некоторых стран решить проблему ИЯП военным путем. В частности, сохраняется потенциальная угроза нанесения Израилем воздушного удара по ядерным объектам ИРИ. Понимая, что указанный шаг приведет к эскалации конфликта на Ближнем Востоке и полному выходу ситуации из-под контроля, противники военного варианта прикладывают определенные усилия для сдерживания радикально настроенных по отношению к вопросу решения ИЯП политических групп в Израиле и США. Самым эффективным средством в этом вопросе оказываются именно санкции, которые, по мнению экспертов ООН, «представляют собой необходимую середину между войной и словами. Целевые санкции[13] играют полезную роль в плане оказания давления на руководителей и элиту с минимальными гуманитарными последствиями, представляют собой менее дорогостоящую альтернативу другим вариантам и могут быть приспособлены к конкретным обстоятельствам. Изолируя нарушителей международных норм и законов, даже скромные связанные

с санкциями меры (включая спортивные эмбарго) могут служить важной символической цели. Угроза санкций может быть мощным средством сдерживания и предупреждения».[14] Иными словами, пока остается возможность для применения хоть сколько-нибудь теоретически эффективных санкций, использование военного варианта решения проблемы (включая проблему ИЯП) является неоправданным как с политической, так и с экономической точки зрения, что позволяет сдерживать сторонников радикальных мер.

Глава 2.
КОЛЛЕКТИВНЫЕ САНКЦИИ

2.1. Резолюции ООН

Как уже отмечалось, процесс принятия Советом Безопасности ООН санкций в отношении ИРИ был спровоцирован политикой официального Тегерана в вопросе развития его ядерной программы. После прихода к власти в 2005 году президента М.Ахмадинежада Иран вышел из режима моратория на ядерную конверсию (август 2005 г.) и обогащение (январь 2006 г.), отказался от исполнения Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (февраль 2006 г.). В августе 2006 г. было введено в строй предприятие по выработке «тяжелой воды» в Араке, там же продолжалось строительство исследовательского тяжеловодного реактора. Иран не представил ответа на предложенный «шестеркой» стран (Россия, США, Китай, Великобритания, Франция, Германия) в июне 2006 г. пакет инициатив[15] и отказался принять основное условие для начала переговоров по его содержанию – заморозить работы по ядерному обогащению. После этого доводов в пользу непринятия в отношении ИРИ санкционных мер у членов Совбеза ООН уже не осталось.

2.1.1. Резолюции №1696, 1737 и 1747

Прологом к введению санкций ООН в отношении Ирана стала одобренная 31 июля 2006 г. на 5500-м заседании Совбеза резолюция № 1696. По своей сути она не накладывала никаких ограничений на международное сотрудничество с ИРИ, а лишь являлась своеобразным предупреждением Тегерану относительно возможных негативных последствий в том случае, если он продолжит развитие ИЯП в прежнем ключе. Вовлеченные в процесс урегулирования ситуации страны, включая членов СБ ООН, с одной стороны, придерживались строгих правил, в соответствии с которыми нарушителю сложившегося

порядка следовало сперва вынести предупреждение, а лишь потом наказать. С другой стороны, помня опыт работы с предыдущим – более мягким иранским правительством под руководством С.М.Хатами, «шестерка» все еще сохраняла надежду на то, что выражение общей обеспокоенности иранской политикой в отношении ядерной программы и демонстрация готовности в случае необходимости применить санкции могут заставить команду действующего президента М.Ахмадинежада пойти на уступки.

В целом резолюция СБ ООН №1696, ссылаясь на многочисленные доклады Генерального директора МАГАТЭ и резолюции Совета управляющих (СУ) Агентства по ИЯП (включая резолюцию СУ МАГАТЭ GOV/2006/14), отмечала, что Тегеран так и не смог прояснить ситуацию по целому ряду аспектов своих ядерных разработок, касающихся, в том числе, и их возможного применения в военных целях, что не позволяет международным институтам сделать вывод «об отсутствии в Иране незаявленных ядерных материалов или деятельности». Далее документ подтверждал, что Иран так и не предпринял шагов, которые были предписаны ему Советом управляющих МАГАТЭ, для укрепления доверия. Вместо этого Тегеран возобновил и расширил масштабы деятельности, связанной с обогащением, заявив о своем решении приостановить сотрудничество с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола.[16]

В результате, члены Совбеза ООН подтвердили свою озабоченность относительно тех угроз режиму нераспространения, которые создает ИЯП, и потребовали от Ирана без дальнейшего промедления предпринять шаги, предписанные Советом управляющих МАГАТЭ в резолюции GOV/2006/14. Речь идет о приостановке всей деятельности, связанной с обогащением и переработкой урана, включая исследования и разработки, что поставило бы всю иранскую ядерную программу под контроль со стороны Агентства. Одновременно ко всем государствам был обращен призыв, чтобы они, действуя на основе национального законодательства и норм международного права, проявляли бдительность и предотвращали передачу любых средств, материалов, предметов и технологий, которые могли бы содействовать деятельности Ирана, связанной с его ракетной и ядерной программами.[17]

В свою очередь, на основании резолюции СБ ООН №1696 Генеральный директор МАГАТЭ был обязан к 31 августа 2006 г.

представить доклад о том, осуществил ли Иран полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, упомянутых в названной резолюции, а также о процессе выполнения ИРИ всех шагов, предписанных СУ МАГАТЭ. В случае невыполнения Тегераном требований к вышеупомянутой дате Совебез высказывал намерения принять санкционные меры на основании статьи 41 главы VII Устава ООН.[18]

Сигналы, поданные СБ ООН, не были услышаны в Тегеране, и в этой связи 23 декабря 2006 г. Совет Безопасности принял первую (№ 1737), а 24 марта 2007 г. – вторую санкционную резолюцию (№ 1747) по Ирану.

Резолюция №1737:

1. **обязывала** все государства принять необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах – независимо от страны происхождения – всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия;[19]

2. **постановляла**, что все государства также примут необходимые меры для предотвращения предоставления Ирану любой технической помощи или профессиональной подготовки, финансовой помощи, инвестиций, брокерских или иных услуг и передачи финансовых ресурсов или услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием запрещенных предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, связанных с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработкой систем доставки ядерного оружия;[20]

3. **призывала** все государства проявлять бдительность в отношении въезда на их территории или транзитного проезда через нее физических лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, и постановляла в этой связи, что все государства должны уведомлять соответствующий комитет ООН о въезде на их территорию или транзитном проезде через нее физических лиц, попавших в санкционный список, а также указанных Советом

Безопасности, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов, товаров, оборудования, материалов и технологий;[21]

4. **рекомендовала** всем государствам проявлять бдительность и предотвращать специализированное обучение или профессиональную подготовку граждан Ирана на своей территории или своими гражданами по дисциплинам, которые способствовали бы чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и разработке систем доставки ядерного оружия;[22]

5. **указывала**, что все государства заморозят денежные средства, другие финансовые активы и экономические ресурсы, имеющиеся на их территории на дату принятия настоящей резолюции или в любой последующий период и находящиеся в собственности или под контролем физических или юридических лиц, указанных в выработанных ООН санкицонных списках, а также других физических или юридических лиц, которые, как установлено Советом Безопасности или Комитетом, участвуют в чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и в разработке систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому поддержку, или физических или юридических лиц, действующих от их имени или по их указанию, или предприятий, находящихся в их собственности или под их контролем, в том числе с использованием незаконных средств, и постановляла далее, что все государства должны обеспечивать, чтобы никакие денежные средства, финансовые активы или экономические ресурсы не предоставлялись их гражданами или какими-либо физическими или юридическими лицами на их территории таким физическим или юридическим лицам или в их интересах.[23]

В целом первые санкции ООН оказались достаточно ограниченными и узконаправленными. По своей сути они касались непосредственно поставок материалов и технологий для ИЯП, а также финансовых активов тех физических и юридических лиц, которые были связаны с ядерной или ракетной программами Тегерана. При этом в «черный список» СБ ООН, прилагавшийся к резолюции № 1737, попало лишь 10 юридических и

12 физических лиц. Кроме того, существовал ряд оговорок, позволявших обходить наложенные запреты. В частности, в Иран можно было экспортировать запрещенные к ввозу предметы и технологии, если в каждом конкретном случае соответствующие структуры ООН определяли, что такая поставка, продажа, передача или предоставление помощи явно не будут способствовать разработке ядерных и ракетных технологий, и при условии, что контракты по ним включают в себя надлежащие гарантии в отношении конечного пользователя, а также Иран берет на себя обязательство не использовать такие предметы в ИЯП.

Меры, вводимые касательно финансовых активов, не применялись в отношении денежных средств или экономических ресурсов, которые были необходимы для покрытия основных расходов (включая оплату продуктов питания, аренду жилья и ведение прочей хозяйственной деятельности), оплаты чрезвычайных затрат, являлись предметом судебного, административного или арбитражного удержания или решения. Государства могли разрешать пополнение счетов за счет процентов или других поступлений, причитающихся по ним, а также выплат по контрактам, соглашениям или обязательствам, которые возникли до даты, когда указанные счета попали под действие положений резолюции, при условии, что такие проценты и иные поступления и выплаты будут также заморожены.

Применяемые в отношении лиц из санкционного списка меры не должны были препятствовать произведению выплат по контрактам, заключенным до включения такого физического или юридического лица в список, при условии, что контракт не связан с какими-либо запрещенными предметами, материалами, оборудованием, товарами, технологиями, помощью, профессиональной подготовкой, финансовой помощью, инвестициями, брокерскими или иными услугами, способствующими развитию ИЯП. При этом средства для платежа не предоставлялись непосредственно на руки физическому или юридическому лицу, указанному в резолюции № 1737.

Резолюция СБ ООН №1747 несколько расширяла возможности применения санкционных мер.[24] Прежде всего был расширен санкционный список. В него добавили 13 юридических и 15 физических лиц. Были значительно ограничены возможности в области военно-технического сотрудничества с ИРИ. Страны должны были проявлять бдительность и осмотритель-

ность в отношении прямой или косвенной поставки, продажи или передачи Ирану со своей территории или их гражданами, или с использованием морских и воздушных судов под их флагом любых боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем, как они определяются для целей Регистра обычных вооружений ООН, а также при предоставлении ИРИ любой технической помощи или профессиональной подготовки, финансовой помощи, инвестиций, брокерских и других услуг, при передаче финансовых ресурсов или услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием таких предметов, в целях предотвращения дестабилизирующего накопления вооружений. Самому Ирану запрещалось прямо или косвенно поставлять, продавать или передавать с его территории или его гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под его флагом любые вооружения или связанные с ними материальные средства. В этом уже видно явное влияние США, традиционно настойчиво продвигавших тезис о поддержке Тегераном террористических групп, в том числе, за счет поставок им вооружений.[25]

Вмешательство США проявилось и в другом пункте резолюции СБ ООН №1747, в котором странам и международным финансовым институтам предлагалось не брать на себя новые обязательства по предоставлению правительству ИРИ субсидий, финансовой помощи и льготных кредитов, за исключением тех, которые предусмотрены для гуманитарных целей и целей развития.[26] Несмотря на то, что это указание носило рекомендательный характер, сторонниками более жесткого давления на Тегеран был использован уже упоминавшийся принцип «дорожной карты». То есть те же Соединенные Штаты, неоднократно настаивавшие в ходе переговоров со своими партнерами на необходимости сокращения имевшихся у иранцев возможностей доступа к внешнему финансированию, могли в качестве аргумента использовать тот факт, что эти действия санкционированы ООН. Страны, которые шли на указанные меры, также могли ссылаться на легитимность своих шагов. Характерно, что именно с принятием резолюции №1747 в 2007 г. иранские финансовые институты стали испытывать значительные трудности с ведением дел с банками ЕС и некоторых других стран (например, Японии).

В то же время созданный резолюциями № 1737 и 1747 санкционный режим по-прежнему отличался значительной мягкостью. Санкции Совбеза имели ограниченное применение, касались только ядерной и ракетной программ ИРИ и практически не затрагивали экономическую сферу. Указанные выше рекомендательные меры имели лишь косвенное влияние, а список физических и юридических лиц, чьи активы подвергались замораживанию, был ограничен и фактически не касался «флагманов» иранской экономики. Большинство государств (в том числе и страны-члены ЕС) не желали по причине складывавшейся вокруг ИЯП ситуации портить отношения с Тегераном. С одной стороны, в 2006–2007 гг. она не была столь угрожающей, и большинство аналитиков не предполагало, что к 2010 г. Тегеран окажется в состоянии выйти на уровень производства, определяющий границу между низкообогащенным ураном (НОУ) и высокообогащенным ураном (ВОУ). С другой стороны, многие члены мирового сообщества не хотели упускать возможности по налаживанию экономического сотрудничества с крупной региональной энергетической державой, являющейся к тому же еще и емким рынком сбыта. Предполагалось, что для ИРИ окажутся достаточными меры, оговоренные в резолюциях, желающим же оказать более жесткое давление косвенно предлагалось самостоятельно принять решение на национальном уровне в обозначенных в документе ООН рамках. Кроме того, в решении Совбеза обозначались те уступки, на которые было готово пойти мировое сообщество в случае улучшения ситуации, складывающейся вокруг ИЯП.

В частности, Тегерану предлагалась помощь в развитии мирной ядерной энергетики и разработке технологий по созданию реакторов на легкой воде, а пакет экономической поддержки по объему значительно превосходил санкционные меры. Так, ИРИ предлагалось расширить доступ к международной экономической системе, рынкам и капиталам путем оказания ей практической помощи в целях ее полной интеграции в международные структуры, включая ВТО, и создания основы для увеличения притока в Иран прямых инвестиций и расширения торговли с ним (например, на основе заключения соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с Европейским союзом). В случае изменения иранских подходов к реализации ИЯП резолюция СБ ООН №1747 обещала рассмотреть возможности отмены ограничений на экспорт в ИРИ воздушных

судов для гражданской авиации, введенных для производителей из Соединенных Штатов и европейских стран.[27] Другие меры экономического поощрения предусматривали:[28]

1. налаживание долгосрочных партнерских отношений в области энергетики между Ираном и Европейским союзом и другими заинтересованными партнерами на основе осуществления конкретных практических мер;
2. содействие модернизации телекоммуникационной инфраструктуры Ирана и улучшению доступа к Интернету, в том числе путем возможного снятия соответствующих экспортных ограничений, введенных Соединенными Штатами и другими субъектами;
3. сотрудничество в сфере высоких технологий и других областях, подлежащих согласованию;
4. содействие развитию сельского хозяйства в Иране, в том числе на основе возможного предоставления доступа к сельскохозяйственной продукции, технологиям и сельскохозяйственной технике Соединенных Штатов и европейских стран.

Как показало дальнейшее развитие событий, сформированный в первую очередь США и ЕС пакет экономических предложений (как и сами резолюции СБ ООН) не дал ожидаемого эффекта. Несомненно, Тегеран испытывал потребность в зарубежной помощи для развития своего энергетического сектора, сельского хозяйства, телекоммуникационной отрасли и сферы высоких технологий, а также улучшения своего авиационного парка. Однако в ИРИ с 1979 г. была принята доктрина самообеспеченности, которая считалась политической и экономической основой борьбы против «зависимости от империализма». Она была официально закреплена в качестве элемента государственной политики в конституции Ирана, принятой в 1979 г.

Основной задачей руководства ИРИ в области экономического развития, согласно этому документу, является удовлетворение потребностей иранского общества в промышленных и сельскохозяйственных товарах независимо от их характера исключительно за счет внутренних ресурсов.[29] Достижение самообеспеченности, с точки зрения великих аятолл Х. Монтазери и А. Хаменеи,[30] могло означать, что исламская модель государства не только жизнеспособна, но и может быть использована другими странами. В этом смысле указанный принцип религиозные и политические деятели ИРИ считали не просто за-

логом победы, но и основой для дальнейшего распространения идей исламской революции,[31] мысль об экспорте которой была заложена и в конституции Ирана.[32] Восприятию самообеспеченности как ключевого принципа доктрины экономического развития ИРИ способствовало и агрессивное окружение страны в 1980-х гг.

В этот период перед правительством ИРИ стояла задача создать такую экономическую систему, которая могла бы безболезненно перенести прекращение импорта необходимых товаров из-за рубежа, что у руководства этой страны до определенной степени фактически получилось.[33] Сельское хозяйство, добывающая и перерабатывающая промышленность, а также ВПК развивались не только в условиях ирано-иракской войны, но и в 1990-е гг., когда давление на ИРИ не ослабевало. По этой причине предложение о сотрудничестве в обмен на уступки в вопросе ИЯП, получившей в период президентства М. Ахмадинежада статус национальной идеи, не выглядело слишком убедительным. Опыт мирного времени также показывал, что Тегеран способен получить помощь у других, более гибких в отношении его ядерных исследований стран (например, КНР и Россия), да и сами европейцы становились сговорчивее, как только понимали, что могут лишиться доступа к энергетическим ресурсам исламской республики.

С нашей точки зрения, не был учтен и этнопсихологический аспект. Факт того, что оппоненты Тегерана уравновешивали свои вроде бы подкрепленные жесткими мерами требования предложениями об уступках, переводил общение по ИЯП в плоскость торга. А в условиях, когда при незначительном наказании обещались значительно большие послабления, у иранского руководства возникало ощущение слабости противника, подкрепленное явным отсутствием (как это будет показано далее) единства в рядах оппонентов. В ИРИ явно исходили из того, что смогут реализовать свои планы относительно ядерной программы, а затем получить обещанные уступки без привязки к своей позиции и ее пересмотру. Как показывает исторический опыт (можно вспомнить в качестве примера ситуацию с царскими концессиями, безвозмездно отданными РСФСР в 1921 г., что до сих пор негативно влияет на ряд аспектов российско-иранских взаимоотношений), слабых и необоснованно щедрых на Среднем Востоке не уважали и считали необязательным и ненужным с ними

договариваться. В этом ключе угроза ООН применить «маленький кнут», сопровождаемая демонстрацией «большого пряника», как показало дальнейшее развитие ситуации вокруг ИЯП, имела эффект, обратный ожидавшемуся.

2.1.2. От резолюций №1737 и 1747 к резолюциям №1803 и 1835

К началу 2008 г. в Иране на предприятии в г. Натанзе имелось около 3000 центрифуг типа П-1 (18 каскадов по 164 устройства), работавших, правда, на минимуме своей мощности. Иранцам удалось создать два варианта прототипа новой, в 2–2,5 раза более производительной центрифуги ИР-2,[34] которые были продемонстрированы главе МАГАТЭ М.Эль-Барадею в ходе его визита в Иран в январе 2008 г.

В докладе гендиректора МАГАТЭ по Ирану от 22 февраля 2008 г. сообщалось, что большинство проблем,[35] обозначенных в согласованном в августе 2007 г. документе «О понимании между ИРИ и МАГАТЭ относительно модальностей решения остающихся вопросов», касающихся прошлого ИЯП, нерешенными больше не являются. Помимо того, Тегеран демонстрировал более активное сотрудничество с Агентством, предоставляя дополнительную информацию сверх обязательств по Соглашению о гарантиях, благодаря чему улучшилась информированность МАГАТЭ о заявленной ядерной деятельности Ирана. При этом серьезную озабоченность Агентства попрежнему вызывала тема «предполагаемых исследований» (вопросы, связанные с возможными военными аспектами ИЯП – проект «зеленая соль», эксперименты с «быстрыми» детонаторами и бризантными взрывчатыми веществами, проектирование боевой части ракеты, входящей в плотные слои атмосферы, которые, как настаивают иранцы, не имеют отношения к ИЯП). Отмечалось также, что, вопреки решениям СУ МАГАТЭ и СБ ООН, Иран продолжал заниматься обогащением урана и сооружением тяжеловодного реактора.

В этих условиях 3 марта 2008 г. Совет Безопасности ООН 14 голосами (воздержалась Индонезия) принял третью санкционную резолюцию по поводу ИЯП – №1803, несколько ужесточившую режим в отношении ИРИ.[36] В частности, был расширен санкционный список иранских лиц и организаций, ко всем государствам адресован призыв при наличии веских оснований досматривать в своих портах и аэропортах грузы, перевозимые

в Иран или из него самолетами авиакомпании «Иран Эйр Карго» и судами компании «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн». Также государства должны были предотвращать поставку в ИРИ нужных для развития ИЯП материалов и технологий независимо от страны их происхождения. Вводился строгий запрет на въезд из Ирана или транзитный проезд через территорию стран физических лиц, указанных в санкционном списке. И самое главное – были расширены возможные экономические санкции, одобренные ООН.[37] Их применение производилось все по тому же принципу «дорожной карты». Однако новые меры уже несколько вышли за рамки аспектов, напрямую связанных с ИЯП (хотя косвенная связь все же сохранялась). Эти инициативы во многом стали первым шагом по более широкому распространению санкционного режима на экономику ИРИ.

Так, государствам предлагалось «проявлять бдительность» при принятии новых обязательств в отношении государственной финансовой поддержки торговли с Ираном, включая предоставление экспортных кредитов, гарантий или страхования своим гражданам или юридическим лицам, занимающимся такой торговлей, во избежание того, чтобы такая финансовая поддержка способствовала распространению ядерной деятельности или разработке систем доставки ядерного оружия. Предполагалось, что страны будут сдержаны в отношении деловых связей финансовых учреждений, находящихся на их территориях, со всеми банками, базирующимися в Иране, в частности с банками «Мелли» и «Садерат», а также их зарубежными филиалами и отделениями, во избежание того, чтобы такие деловые связи способствовали развитию ИЯП.[38]

Одновременно с принятием резолюции СБ ООН № 1803 было озвучено заявление министров иностранных дел «шестерки», в котором подтверждалась приверженность руководства их стран переговорному решению проблемы ИЯП и признавались права Ирана в области мирного использования атомной энергии, а также декларировалось, что когда доверие мирового сообщества к ИЯП будет восстановлено, отношение к ней будет такое же, как и к программам любого другого неядерного государства-участника ДНЯО.

В ответ Тегеран, охарактеризовав резолюцию как «технически и юридически необоснованную» и представляющую собой «очередной удар по доверию к СБ ООН», заявил об отказе вести переговоры по ИЯП с кем-либо, кроме МАГАТЭ, и о сво-

ем твердом намерении продолжать реализацию своих ядерных планов.[39] 8 апреля 2008 г. в ходе празднования в Иране «Национального дня ядерных технологий» было объявлено о начале установки на предприятии в Натанзе еще порядка 3000 центрифуг, освоении производства «тяжелой воды» для строящегося реактора в Араке, а также «легкой воды» для создаваемого иранцами самостоятельно реактора «Иран-360». К началу мая в Натанзе имелось около 3500 центрифуг, в т.ч. каскад из 10 центрифуг ИР-2 и 2 центрифуги ИР-3.

В ходе обсуждения пакета позитивных стимулов для Ирана на встрече «шестерки» в Шанхае 16 апреля 2008 г. американцы блокировали включение в него любых формулировок, касающихся гарантий безопасности Ирану. Российское предложение о том, что в ходе последовательного снятия озабоченностей вокруг ИЯП на определенном этапе за Тегераном может быть признана возможность проведения некоторых обогатительных НИОКР, было отвергнуто американцами и французами.

Во время визита в Иран и.о. Секретаря Совета безопасности России В.А.Соболева 27–30 апреля 2008 г. иранцы впервые после принятия резолюции СБ ООН заявили о своей готовности к переговорам с «шестеркой» без предварительных условий на основе комплексного подхода, в общем контексте укрепления безопасности и стабильности, для чего ими готовится пакет предложений. При этом иранцы продолжали настаивать, что от своего права на ядерное обогащение они не откажутся ни при каких обстоятельствах.

2 мая 2008 г. в Лондоне министры иностранных дел «шестерки» окончательно согласовали обновленный пакет предложений Ирану. В документ (по сравнению с пакетом 2006 года) были добавлены предложения о техсодействии Ирану, в том числе в вопросах развития мирной атомной энергетики. Предполагалось, что по мере того, как будет восстанавливаться доверие международного сообщества к ИЯП, получит заметное развитие сотрудничество Ирана и стран «шестерки» в сфере региональной безопасности, взаимодействия по Афганистану, сотрудничества в нефтегазовой сфере, а также в области чрезвычайного реагирования, транспортной инфраструктуры, образования. Предложения сопровождались письмом за подписью министров иностранных дел «шестерки» на имя руководителя внешнеполитического ведомства ИРИ М.Моттаки. При

этом имелось в виду, что полноформатные переговоры по пакету начнутся после приостановки Ираном, хотя бы на период переговоров, обогатительных работ.

Стремясь создать более благоприятный фон вокруг ИЯП, иранцы дали согласие на сотрудничество с МАГАТЭ по прояснению вопросов, касающихся «предполагаемых исследований». В первой половине мая Иран с этой целью посещали зам. Гендиректора Агентства О.Хейнонен и директор регионального департамента гарантий Г.Накартц. Ощутимого прогресса, однако, зафиксировано не было.

В середине мая 2008 г. Иран выдвинул свой пакет предложений, передав его, в частности, Генеральному секретарю ООН Пан Ги-Муну и Верховному представителю ЕС по внешней политике Х.Солане. Пакет состоял из трех разделов: вопросы политики и безопасности, экономический блок, ядерная проблематика. Предложения были сформулированы в самом общем плане, причем наиболее актуальный вопрос – проблема ИЯП – в документе не затрагивалась.

В докладе М.Эль-Барадея по ИЯП от 26 мая 2008 г. резюмируется, что хотя МАГАТЭ имело возможность продолжать осуществлять проверку непереключения заявленного ядерного материала на военные цели, поводом для серьезной озабоченности продолжают оставаться «возможные военные аспекты ИЯП» (в прежних редакциях – «предполагаемые исследования»), разъяснение которых имеет решающее значение для оценки характера прошлого и настоящего ИЯП. Ирану предлагалось без задержки предоставить всю запрашиваемую Агентством информацию, в т.ч. и по фактически появившимся новым вопросам. Так, от Тегерана потребовали больше информации об обстоятельствах приобретения документов по металлическому урану, разъяснения по закупкам и проведению НИОКР военными организациями и компаниями, по производству ядерного оборудования и его компонентов предприятиями иранской оборонной промышленности.[40]

Иранцы восприняли доклад болезненно. Особое недовольство в Тегеране вызвало требование доступа на объекты, где военные осуществляют эксперименты с обычными взрывчатыми веществами. Подчеркивалось, что многие обвинения основаны на сфальсифицированных документах, которые при этом Ирану даже не предоставлялись, а были продемонстрированы в копиях либо в электронной форме. Иранцы предъя-

вили Секретариату Агентства претензии в несоблюдении требований конфиденциальности: после инспекций некоторых иранских объектов целый ряд зарубежных фирм отказался поставлять на них оборудование, а сотрудники этих объектов потом оказывались в санкционных списках.

14 июня 2008 г. Х.Солана, которого сопровождали представители «шестерки» (за исключением США), передал министру иностранных дел Ирана М.Моттаки обновленный пакет предложений шести стран. Состоялась также беседа Х.Соланы с секретарем Высшего Совета Национальной Безопасности (ВСНБ) ИРИ С.Джалили. Встречи с М.Ахмадинежадом и спикером меджлиса А.Лариджани были сорваны из-за неуклюжих шагов западников, демонстративно отказавшихся от контактов с иранским президентом.

2 июля 2008 г. заместитель М.Эль-Барадея О.Хейнонен заявил о продолжающемся в Иране вводе в эксплуатацию новых каскадов центрифуг, 3 тысячи которых, по его словам, должны были быть развернуты в ИРИ к сентябрю 2008 г. Он также отметил ведущиеся в стране эксперименты с центрифугами ИР-2 и ИР-3 и решимость Тегерана создать до конца года первый ТВЭЛ. При этом, по словам О.Хейнонена, существует и ряд положительных тенденций. В частности, темпы ввода в строй новых центрифуг значительно сократились, а установленные в последнее время каскады практически не используются.

4 июля 2008 г. иранцы передали ответ М.Моттаки министрам иностранных дел «шестерки» и Х.Солане. Его суть – иранцы готовы вести переговоры по тем положениям, которые являются общими для иранского пакета и пакета «шестерки». По итогам состоявшегося в тот же день телефонного разговора Х.Соланы с С.Джалили была достигнута договоренность об их встрече, которая состоялась в Женеве 19 июля 2008 г. В ней также приняли участие представители стран «шестерки», включая американца В.Бернса. На итоговой пресс-конференции стороны вели себя достаточно сдержано, стараясь не касаться наиболее острых вопросов (прежде всего «двойной заморозки»), и давали лишь весьма общие, хотя и выдержанные в позитивном ключе характеристики результатов встречи. С.Джалили отметил наличие определенных трудностей, с которыми пришлось столкнуться переговорщикам, что, по его словам, не помешало участникам выработать необходимый

подход для конструктивного поиска решения существующей проблемы.[41]

Практически сразу же после женевских переговоров правительство ИРИ вновь достаточно ясно дало понять о своем намерении продолжать ядерные разработки. 26 июля 2008 г. М.Ахмадинежад заявил, что в его стране были успешно развернуты новые каскады центрифуг, что стало, по его словам, еще одним шагом вперед к реализации широкомасштабных планов Тегерана по развитию отечественной электроэнергетики. При этом Иран якобы не только увеличил количество аппаратов до 4000, но и намеревается активизировать процесс ввода в строй новой модели марки IR-2 вместо используемой Р-1.[42]

7–8 августа 2008 г. для проведения переговоров с представителями Организации Атомной Энергии Ирана (ОАЭИ) Тегеран посетил О.Хейнонен. По итогам его встреч с Г.Агазаде был согласован трехэтапный план действий. Предполагалось, что на первой стадии его реализации Секретариат Агентства совместно с представителями ИРИ проведет систематизацию имеющейся информации с целью определения того, какие еще сведения Иран должен предоставить для формирования МАГАТЭ исчерпывающих выводов по ИЯП. Руководству ИРИ также предоставлялось право привести неопровержимые доказательства для опровержения используемых в работе Агентства документов, которые Иран считал сфальсифицированными. На втором этапе Тегеран должен был предоставить МАГАТЭ дополнительную информацию, необходимую для урегулирования вопроса о «предполагаемых исследованиях». После этого планировалось, что Секретариат Агентства проведет анализ полученных данных и задаст уточняющие вопросы.

Руководство США не стало дожидаться итогов реализации данной программы и ввело 12 августа 2008 г. новые санкции в отношении Ирана. В соответствии с ними министерство финансов Соединенных Штатов на основании распоряжения президента № 13382 от 29 июня 2005 года заморозило активы и ввело запрет на любые финансовые операции целого ряда подконтрольных или связанных с ОАЭИ организаций.

Явно не оправдал иранских ожиданий и последовавший через неделю после введения Вашингтоном новых санкций очередной визит О.Хейнонена. Говоря о его итогах, министр

иностранных дел ИРИ М.Моттаки фактически признал, что оставшиеся вопросы по ядерному досье считаются закрытыми лишь в Тегеране, и выразил сомнение в том, что Агентство признает их таковыми в ближайшее время.

Действительно, в своем докладе 15 сентября 2008 г. М.Эль-Барадей, одобрительно отметив продолжающееся сотрудничество Тегерана и МАГАТЭ, указал на сохраняющуюся неясность вокруг «предполагаемых исследований», а также констатировал, что руководство ИРИ не приостановило деятельность, связанную с обогащением, испытанием центрифуг нового поколения и строительством реактора IR-40.[43]

С учетом выступления главы Агентства СБ ООН одобрил 27 сентября 2008 г. новую резолюцию №1835 по ИЯП. Данный документ, хотя и не вводил новых санкций, подтверждал действие принятых ранее решений Совбеза и призывал ИРИ придерживаться налагаемых резолюциями требований.[44]

Реакция иранских политических кругов на новую достаточно мягкую резолюцию была неоднозначна. В Тегеране широко тиражировалось заявление постпреда ИРИ при МАГАТЭ А.А.Солтание,[45] в котором иранский дипломат акцентировал намерение Тегерана и далее продолжать свое сотрудничество с Агентством. При этом, по его словам, важно, чтобы данный международный орган не предпринимал в отношении Ирана мер, выходящих за рамки Устава и Соглашения о гарантиях. Особенно это важно сейчас, когда Запад и в первую очередь США стремятся «навязать» Агентству свое видение ситуации, а также «принудить» руководство ИРИ подписать Дополнительный протокол. Ратификацию последнего, как заявил А.А.Солтание, в соответствии с международным правом в Тегеране считают добровольным шагом. В то же время в Иране существует целый ряд политиков, не только критикующих резолюцию № 1835, но и призывающих «ограничить бесполезное сотрудничество» с МАГАТЭ, а также осторожнее относиться к действиям КНР и России.

Своеобразной реакцией официального Тегерана на принятие резолюции №1835 и ужесточение режима односторонних санкций стало направленное С.Джалили 6 октября 2008 г. послание Х.Солане. В нем иранцами выражалось недоумение по поводу «логически необоснованного» давления, оказываемого на ИРИ, в то время как она выражает свою готовность продолжать конструктивный диалог.

17–18 октября 2008 г. Иран посетил заместитель министра иностранных дел России С.А.Рябков, проведший переговоры по ядерной тематике с секретарем ВСНБ ИРИ С.Джалили и его заместителем А.Багери. В ходе бесед до представителей ИРИ настойчиво доводилось мнение Москвы относительно необходимости активизации иранской стороной диалога с «шестеркой». В частности, признавалось весьма правильным шагом направление письма С.Джалили Х.Солане. Однако в ответ иранцы лишь обвинили в бездействии европейцев, указав на свою готовность в любой момент сеть за стол переговоров.

7 ноября 2008 г. секретариат ВСНБ объявил о получении ответа Х.Соланы на направленное ему 6 октября 2008 г. письмо С.Джалили. В нем констатировалось желание «шестерки» продолжить переговорный процесс по ИЯП, а также отмечался конструктивный характер предшествующих встреч, в том числе и с участием А.Бакери.

2.1.3. Предпосылки принятия резолюции №1929

2009 г. в истории ИЯП стал годом неоправдавшихся ожиданий. 8 апреля 2009 г. в Лондоне состоялась встреча представителей МИД пяти стран – постоянных членов СБ ООН и Германии, в ходе которой обсуждалась ситуация вокруг иранской ядерной программы (ИЯП). По ее итогам участники приняли совместное заявление, содержащее обращенное к властям ИРИ приглашение начать прямые переговоры с «шестеркой». Данная инициатива шести стран, по нашему мнению, во многом была связана с изменениями в подходах США к урегулированию проблемы ИЯП. Решение Белого Дома в полном объеме участвовать в переговорном процессе и подключиться к работе в рамках возможных будущих встреч с представителями ИРИ свидетельствовало о желании некоторых сил в Вашингтоне сместить акценты при выстраивании своей политики в отношении Тегерана с санкционного инструментария на переговорный механизм. Не исключалось, что именно ядерная проблематика (а не иракская или афганская, как это предполагалось ранее) могла стать отправной точкой для налаживания прямого диалога между ИРИ и США. При этом на тот момент политологи исходили из того, что после 8 апреля 2009 г. дальнейшее развитие событий зависит исключительно от реакции Тегерана на инициативу «шестерки».

Во многом обнадеживали и положительные оценки результатов лондонской встречи, озвученные президентом ИРИ М.Ахмадинежадом, который подтвердил готовность Ирана сесть за стол переговоров при условии «справедливого и равноправного отношения» ко всем участникам процесса.[46] Схожие заверения прозвучали и от секретаря ВСНБ ИРИ С.Джалили в ходе его телефонного разговора с Х.Соланой. Председатель комиссии меджлиса по национальной безопасности и внешней политике А.Боруджерди даже поспешил предложить заменить термин «шестерка» на «семерку». Впрочем, окончательный ответ на инициативу представителей «шестерки» Тегераном еще не был дан. Иранцы питали большую надежду на то, что озвученная идея стала следствием изменившегося подхода европейцев к ИЯП и выработки ими более реалистичной позиции. В данной ситуации руководство ИРИ взяло паузу, чтобы подробнее изучить предложение и принять соответствующее решение.

Однако параллельно с этим на следующий день после лондонской встречи представителей «шестерки» в Иране состоялось празднование Дня ядерных технологий. Основные мероприятия, посвященные данному событию, проходили 9 апреля 2009 г. в провинции Исфаган, где М.Ахмадинежад в сопровождении руководителя ОАЭИ Г.Р.Агазаде, секретаря ВСНБ ИРИ С.Джалили, постпреда при МАГАТЭ А.А.Солтание и ряда депутатов меджлиса принял участие в пуске первого иранского завода по производству ядерного топлива. Сообщалось, что он будет ежегодно вырабатывать до 40 тонн топлива, необходимого для функционирования строящихся тяжеловодного реактора в Араке и 360-мегаваттного реактора на легкой воде в Дарховейне.[47]

По словам М.Ахмадинежада, ввод в эксплуатацию указанного предприятия поднял Иран на новый уровень развития атомной энергетики за счет создания внутри страны замкнутого ядерного топливного цикла. Кроме того, президент проинформировал население ИРИ об успешных испытаниях двух новых типов центрифуг, в разы превосходящих по эффективности ранее используемые образцы.[48] Их установка на обогатительном заводе в Натанзе, с точки зрения Г.Р.Агазаде, позволит обеспечить Иран в ходе реализации пятого пятилетнего плана экономического развития (2010–2015 гг.) топливом для производства 2500 МВт электроэнергии. В соответствии со стратегией развития атомной отрасли ИРИ в ближайшие пять лет

предполагается увеличить количество работающих в Натанзе центрифуг с 7 до 50 тыс., повысить производительность Исфаганского центра по конверсии урановой руды до 1000 тонн сырья в год и построить ряд АЭС мощностью 5 тыс. МВт. Предполагается также, что к 2025 г. 10% потребностей Ирана в электроэнергии будет удовлетворяться за счет АЭС общей мощностью в 20 тыс. МВт.[49]

Пуск первого в стране завода по производству ядерного топлива и ввод в эксплуатацию новых видов центрифуг повышенной производительности позиционировался официальными лицами ИРИ не только как крупный технологический прорыв, но и как значительный политический успех. В ходе выступления по случаю праздника президент Ирана неоднократно подчеркивал, что Тегеран вопреки санкциям и оказываемому давлению смог сделать еще один шаг в своем развитии и укреплении национальной независимости. Он также призвал иранский народ не останавливаться на достигнутом и продолжить движение по пути, который «позволит ИРИ занять достойное место на международной арене».[50] В интервью немецкому изданию «Шпигель» М.Ахмадинежад вновь обвинил Запад в нагнетании обстановки вокруг ИЯП (в том числе через СБ ООН и МАГАТЭ) и фактическом провале предыдущих попыток урегулировать ситуацию вокруг ядерного досье.[51]

К сентябрю 2009 г. многим экспертам стало очевидно, что происходивший между ИРИ и «шестеркой» в течение года обмен пакетами предложений был фактически еще одной уловкой Тегерана для затягивания времени. Иранские инициативы были пространными и бессодержательными, в них о самой ИЯП не говорилось ни слова. Без комментариев остались вызывающие серьезную озабоченность МАГАТЭ и «шестерки» темы «предполагаемых исследований» (вопросы, связанные с возможными военными аспектами ИЯП, – проект «зеленая соль», эксперименты с «быстрыми» детонаторами и бризантными взрывчатыми веществами, проектирование боевой части ракеты, входящей в плотные слои атмосферы), продолжение на территории ИРИ обогатительной деятельности и сооружение тяжеловодного реактора ИР-40 в Араке. Кроме того, Верховный руководитель ИРИ С.А.Хаменеи, президент М.Ахмадинежад, а также постоянный представитель Ирана при МАГАТЭ А.А.Солтание в августе 2010 г. неоднократно заявляли о том, что на предстоящих переговорах с Западом их страна будет обсуждать

любые прописанные в пакете предложений международные вопросы, за исключением самого иранского ядерного досье, которое они считают закрытым и неподлежащим рассмотрению.[52] Все более тревожные новости стали поступать относительно постепенного наращивания иранцами объемов низкообогащенного урана в начале осени 2009 г. При этом у ряда экспертов сложилось полностью оправдавшееся позднее представление, что существовавший четырехпроцентный уровень обогащения не являлся пределом производственных возможностей Тегерана. По их мнению, несмотря на низкое качество используемых в тот момент в Натанзе центрифуг П-1 и временную остановку развертывания новых каскадов (по разным версиям, у иранцев не хватало комплектующих или отсутствовало необходимое политическое решение), получить оружейный уран Тегеран мог и с существующими мощностями.[53]

Внушала опасения и неубедительность иранских ответов на ряд существующих вопросов, включая будущее урана, обогащенного в Натанзе, и цель строительства тяжеловодного реактора Ир-40 в Араке. Также вызывала определенную настороженность достаточно слабая реакция официального Тегерана на некоторые инициативы по расширению международного сотрудничества в области развития ИЯП (предложения о создании на территории России запасов низкообогащенного урана и иностранной помощи при строительстве Ир-40). В этой ситуации 24 сентября 2009 г. была принята резолюция №1887, косвенно напомнившая иранцам о предъявляемых к ним требованиях в рамках соблюдения режима ДНЯО.[54]

Определенные надежды возлагались на проект по обмену наработанного в Иране НОУ на топливо для исследовательского реактора в Тегеране. Однако в октябре 2009 г. руководство ИРИ фактически отвергло его. После выхода же в начале 2010 г. Ирана на уровень обогащения в 20% судьба новой санкционной резолюции оказалась предрешена.

2.1.4. Резолюция №1929

9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1929 о ситуации, складывающейся вокруг иранской ядерной программы (ИЯП).[55] В отличие от двух своих предшественников (резолюции №1835 от 2008 г. и № 1887 от 2009 г.) этот документ не ограничивается простой констатацией неконструктивного подхода Тегерана к решению существующей про-

блемы. Произошло то, чего так долго добивались европейцы и американцы: отмечая потенциальную угрозу режиму ДНЯО и беря за основу меры, оговоренные в резолюциях №1737 (2006 г.), №1747 (2007 г.) и №1803 (2008 г.), члены Совбеза большинством голосов (Бразилия и Турция проголосовали против, Ливан воздержался) ужесточили существующий режим санкций.

Прежде всего новый документ вводит эмбарго на поставку в ИРИ танков, бронемашин пехоты, крупнокалиберных артиллерийских систем, боевых самолетов, военных кораблей, ударных вертолетов, ракет или ракетных систем. Странам также запрещается поставлять Тегерану запасные части к указанным видам техники и проводить обучение иранских представителей соответствующих родов войск. Далее в резолюции говорится, что Иран не должен быть вовлечен в качестве инвестора или пайщика в любую деятельность на территории третьих стран, связанную с добычей урана, использованием и производством ядерных материалов, а также разработкой соответствующих технологий. Кроме того, члены СБ ООН постановили, что Иран не должен «предпринимать какой-либо деятельности, связанной с баллистическими ракетами, способными доставлять ядерное оружие, включая пуски с применением баллистической ракетной технологии». Совбез призвал государства принять все меры по недопущению передачи технологии или оказания технической помощи Ирану, связанной с такой деятельностью. Среди прочего речь идет о технологиях, связанных с баллистическими ракетами, способными доставлять ядерное оружие. В связи с этим резолюция также ужесточает меры по досмотру грузов, следующих в ИРИ и из нее (в случае необходимости государство имеет право изъять и уничтожить опасный груз, а также отказаться предоставлять топливо и обслуживать иранское транспортное средство).

Опираясь на предыдущие резолюции Совбез расширил список лиц и компаний (добавилось около 40 новых имен и названий), к которым применяются ограничительные меры. Прежде всего в него попали университет «Малек Аштар» при министерстве обороны ИРИ, руководитель Исфаганского центра ядерных технологий ОАЭИ Ирана Дж.Рахики, связанные с Корпусом Стражей Исламской Революции (КСИР), якобы контролирующим ход развития ИЯП, корпорация «Хатам-оль-анбия» и Иранская морская судоходная компания (IRISL), а также их дочерние предприятия.

Наконец, в резолюции № 1929 были намечены ранее лишь кулуарно обсуждавшиеся пути экономического давления на Иран. Прежде всего государствам рекомендовалось «проявлять бдительность» при операциях с иранскими банками, выдаче разрешения на деятельность представительств финансовых институтов из ИРИ на своей территории или, наоборот, при открытии филиалов собственных финансовых структур в Иране. Кроме того, признавая, что доступ к разнообразным и надежным источникам энергоресурсов имеет кардинальное значение для устойчивого роста и развития любой страны, члены Совбеза отметили в резолюции возможность существования взаимосвязи «между доходами Ирана, генерируемыми в его секторе энергетики, и финансированием ... распространения ядерной деятельности». В документе особо подчеркивается, что «химическое технологическое оборудование и материалы, необходимые для нефтехимической промышленности, имеют много общего с оборудованием и материалами, необходимыми для ... [организации] ядерного цикла».

Сразу после принятия новой резолюции в международных политических и экспертных кругах развернулась неутихающая до сих пор полемика относительно того, каким образом следует оценивать решение Совбеза. С одной стороны, часть аналитиков, воодушевленных высказываниями постоянного представителя США при ООН С.Райс о «зубастости» означенных в резолюции санкций, посчитала названный документ несомненным шагом вперед в урегулировании проблемы ИЯП.[56] С их точки зрения, решение Совбеза было долгожданным переходом к практическим мерам по сдерживанию в рамках ДНЯО «зарвавшегося» Тегерана. С другой стороны, слышны и голоса оппонентов, утверждающих, что 9 июня 2010 г. стало еще одним днем поражения западной дипломатии. Американцам, мол, конечно, удалось «продавить» сквозь сопротивление России и КНР санкционную резолюцию, задекларировать в ней причастность КСИР к ИЯП и обратить внимание международного сообщества на возможные рычаги экономического давления на Тегеран. Тем не менее Москва до сих пор имеет возможности поставить ИРИ зенитно-ракетные комплексы «С-300», в «черный список» из принадлежащих КСИР компаний попала лишь «Хатам-оль-анбия» с ее дочерними предприятиями, а наиболее чувствительные меры, которые были бы способны остановить развитие нефтеперерабатывающего, нефтехими-

ческого, нефте- и газодобывающего секторов Ирана равно как отрезать Тегерану доступ к международной финансовой системе, были выхолощены до простых «пожеланий». Более того, не удалось американцам объединить и международное сообщество: Бразилия и Турция, разыгрывая свою игру в рамках претензий на региональное лидерство, открыто проголосовали «против», а Ливан, опасающийся активизации деятельности поддерживаемых Ираном «Хизбаллы» и «Амаль», воздержался. В целом, как отмечают критики резолюции, «гора родила мышь». Причем не в первый раз.

Подтвердить опасения экспертов относительно слабой эффективности новой резолюции могли и звучавшие из Тегерана заявления. Президент ИРИ М.Ахмадинежад открыто назвал решение СБ ООН «использованным носовым платком», а официальный представитель иранского МИДа Р.Мехманпараст – «ошибочным и незаконным шагом».[57] Официальный Тегеран в традиционном для себя ключе попытался представить события 9 июня 2010 г. чуть ли не очередной победой своей дипломатии. В частности, Р.Мехманпараст поблагодарил Бразилию, Турцию и Ливан за их решение, а также посчитал действия названных государств символом происходящих в мире изменений, доказывающих правильность выбранного его страной пути. Эта мысль была незамедлительно подхвачена депутатами меджлиса. С точки зрения заместителя главы парламентской комиссии по вопросам национальной безопасности и внешней политики Э.Каусари, резолюция № 1929 будет способствовать привлечению еще большего количества стран на сторону ИРИ, а сам Тегеран должен пересмотреть свою дипломатическую линию, в том числе в сторону сокращения контактов с МАГАТЭ.[58]

При этом оптимизм иранцев все же оказался преждевременным. Концентрируясь на тексте документа, как критики его содержания, так и сторонники зачастую упускали из вида главное. Для США и их союзников в этом вопросе была важна не эффективность санкций, а сам факт принятия документа. Он на международном уровне легитимизировал последующие индивидуальные меры, направленные против самого уязвимого места Ирана – экономики (в особенности по ее энергетическому, нефтехимическому и финансовому секторам). Судя по всему, на Западе не осталось сомнений относительно того, что объединить все мировое сообщество (или хотя бы Совбез

ООН) для давления на Иран не удастся. КНР и Россия, несмотря на уговоры, по-прежнему не готовы к решительным шагам, оберегая свои экономические и политические интересы, да и другие игроки (пусть и регионального значения) пытаются получить в сложившейся ситуации собственные политические дивиденды. В этих условиях единственно правильным шагом была бы активизация под предлогом международного одобрения действий, осуществляемых на уровне отдельных государств. Принятый 9 июня 2010 г. СБ ООН документ не только дает США и членам ЕС такое право на инициативу, но и подсказывает, где она должна быть реализована. В этом плане, последствия для ИРИ могут быть весьма катастрофичными.

Представители Государственного Департамента США сразу после принятия резолюции № 1929 заявили, что решение Совбеза является лишь первым шагом.[59] Остальные меры будут приняты на национальном уровне. В частности, на 17 июня 2010 г. была запланирована встреча десяти стран-членов ЕС для обсуждения перспектив введения новых односторонних санкций. И в этом плане одобренный СБ ООН документ открыл новые возможности, создав законодательную базу для всех последующих действий американцев и европейцев.

2.2. Решения Европейского совета

26 июля 2010 г. Европейский совет ввел новые санкции в отношении ИРИ. Как и предполагалось ранее, принятый документ не только подтверждал исполнение предусмотренных резолюцией СБ ООН № 1929 мер, но и значительно расширял их список. Международное экспертное сообщество поспешило отметить, что по своей жесткости решение ЕС не уступает подписанному американским президентом Б.Обамой 1 июля 2010 г. закону о введении новых односторонних санкций в отношении Ирана и в случае его добросовестного применения на практике способно серьезным образом затруднить развитие иранской экономики.[60] В первую очередь, предусмотренные Европейским советом действия могли нанести значительный ущерб ее энергетическому, финансовому и транспортному секторам, а также внешней торговле ИРИ.

Ранее Евросоюз единодушно принимал санкции, выходящие за рамки требований резолюций ООН в отношении Ирана,

фактически[61] лишь однажды – 23 июня 2008 г. Тогда они, впрочем, имели сильно ограниченную сферу применения: была приостановлена деятельность лондонского филиала одного из крупнейших банков ИРИ – банка «Мелли», а также заморожены счета и активы 15 частных иранских компаний и некоторых высокопоставленных чиновников, связанных с ракетной и ядерной программами Тегерана. В остальном Европейский совет до 2010 г. обычно констатировал (иногда со значительным опозданием) свою верность резолюциям № 1737, 1747 и 1803 СБ ООН, предусматривавшим некоторые санкции в отношении ИРИ.[62]

Ситуация изменилась 26 июля 2010 г.: принятый в этот день Европейским советом документ может оказать на Иран более ощутимое влияние, чем последняя резолюция СБ ООН и действия США. Согласно статье 29 Договора о Европейском Союзе, все его члены обязаны проводить свою национальную внешнюю политику в рамках выработанных Советом решений, и, таким образом, новый режим санкций в отношении ИРИ ввели 27 стран.[63]

Тот факт, что новые антииранские меры ЕС являются наиболее масштабным примером применения коллективных санкций против ИРИ за пределами ООН, сам по себе несет для Тегерана важное политическое послание. Оно недвусмысленно сигнализирует руководству Ирана, что его несговорчивость и неоправданная бравада не только смогли объединить европейцев в вопросе применения санкций, но и максимально сблизили позицию Брюсселя в вопросе их применения с американской. Если на момент обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы (ИЯП) к 2002–2004 гг. отношения Евросоюза с ИРИ аналитиками характеризовались как «критически настроенный диалог»,[64] то теперь, по подсчетам некоторых экспертных организаций, только по числу попавших под действие санкций иранских юридических и физических лиц (181 и 69 соответственно) ЕС значительно обошел США (113 и 23) и Совбез ООН (76 и 41).[65]

Помимо жесткости европейских санкций необходимо подчеркнуть и их потенциальную чувствительность для Тегерана, в отличие от подобных мер, принимаемых Соединенными Штатами. Дело в том, что торгово-экономические отношения между Ираном и США были сведены к минимуму еще в 1980-х гг. и экономически повлиять на ИРИ Вашингтон мог только через

придание своим санкциям экстерриториального статуса (то есть принудив к их исполнению физические и юридические лица из третьих стран).[66] В отличие от этого Евросоюз в течение долгого времени имел тесные связи с Ираном, выступая в качестве одного из ведущих партнеров в сфере внешней торговли и инвестиций.[67] Поэтому угроза полного разрыва отношений с европейскими компаниями или сокращения возможностей для сотрудничества с ними была весьма болезненно воспринята иранцами.[68]

2.2.1. От экономического сотрудничества к первым санкциям

Позиция ЕС в вопросе применения санкций в отношении ИРИ прошла несколько этапов. Изначально определяющим в этом вопросе был настрой Евросоюза на конструктивное общение с Ираном, которое с середины 1990-х гг. строилось на принципе двойного (или «критического») подхода. С одной стороны, Брюссель продолжал критиковать Тегеран за имеющее место (в европейском понимании) ущемление демократических прав и свобод. С другой, – налаживал диалог по вопросам борьбы с наркотрафиком, обеспечения региональной безопасности, решения проблемы беженцев, а также подавая сигналы о своей готовности активно развивать торгово-экономическое сотрудничество с особым упором на совместные проекты в энергетическом секторе.[69]

Начиная с 1995 г. прагматичная позиция тогдашнего иранского президента А.А.Хашеми-Рафсанджани дала возможность иранцам начать активный разговор с Евросоюзом, делая акцент на необходимости налаживания торгово-экономического сотрудничества. В 1997 г. после избрания президента С.М.Хатами, взявшего курс на либерализацию как во внешней, так и во внутренней политике, диалог по линии Иран – ЕС получил дальнейшее развитие. В 1998 г. в ходе контактов еэсовцев с иранским руководством была достигнута договоренность о рассмотрении возможности взаимодействия в наиболее важных и перспективных отраслях экономики (прежде всего в энергетике). На регулярной основе в формате проводимых дважды в год встреч иранских представителей с «тройкой» ЕС (Великобритания, Франция, Германия) проходила сверка позиций по ключевым вопросам. В отдельных областях были сформированы совместные рабочие группы: в 1999 г. создана рабочая

группа по энергетике, в 2000 г. – рабочая группа по торговле и инвестициям. В 1999 г. Иран стал наблюдателем в программе «ИНОГЕЙТ» с обещанием в перспективе вступить в эту программу в качестве полноправного члена.[70] Статус наблюдателя ИРИ получила и в программе «ТРАСЕКА».[71]

В докладе Европейской комиссии (КЕС) о состоянии ирано-европейских отношений в 2001 г. в главе, посвященной интересам Евросоюза, отмечалось: «У ЕС существуют политические и экономические причины развивать более тесные отношения с Ираном. ... Иран является важным источником нефти и газа, занимает стратегическую позицию и обладает собственными устойчивыми интересами в сопредельных регионах (например, в Центральной Азии). В будущем он может стать значимым региональным экономическим партнером, с ощутимыми возможностями для развития торговли и осуществления инвестиций».[72]

Такой настрой полностью исключал применение каких-либо санкционных мер без крайней необходимости. Более того, он шел вразрез с политикой, проводимой США. Так, когда американцы в 1997 г. попытались применить собственные санкции в отношении французской «Тоталь» за ее участие в совместном с российским «Газпромом» и малазийской «Петронас» проекте по развитию 2-го и 3-го блоков месторождения Южный Парс, Евросоюз обратился с жалобой в ВТО. В итоге после переговоров Вашингтон (в обмен на укрепление сотрудничества с Брюсселем по вопросам нераспространения ядерного оружия и контртерроризма) согласился снять свои требования и впредь не применять санкции в подобных вопросах к компаниям из ЕС.[73]

Как отмечают аналитики, благодаря этому случаю с 1999 г. в иранском энергетическом секторе практически «безнаказанно» со стороны американцев действовал целый ряд европейских компаний. В их числе уже упоминавшаяся «Тоталь» (договор о развитии нефтяных месторождений Доруд и Балаль), итальянская «Эни» (решение об участии в разработке нефтяных месторождений Доруд, Балаль, Дарховейн, 4-го и 5-го блоков газового месторождения Южный Парс), норвежские «Норск Гидро» и «Статоил Гидро», а также англо-голландская «Роял Датч Шел».[74] В большинстве ситуаций, европейские компании, покидавшие иранский рынок, говорили лишь о боязни угрозы применения санкций со сто-

роны США, но не более того. При тщательном рассмотрении подобных дел оказывалось, что каждый раз решение о выходе было принято под давлением собственного правительства, с которым, в свою очередь, договорились американцы.[75] Однако это происходило нечасто: позиции США и стран ЕС по вопросам экономического давления на ИРИ начали сближаться только после 2004–2005 гг.

В конце 1990-х гг. европейцы всячески стимулировали Тегеран к сотрудничеству. Так, правозащитная проблематика попрежнему декларировалась, но ситуация вокруг конкретных случаев, как правило, не нагнеталась (особенно если Тегеран делал некоторые шаги в сторону укрепления демократических свобод).[76] Испортить налаживающийся диалог не смогли ни жесткое подавление студенческих волнений в Иране в 1999 г., ни предполагаемая причастность чиновников из ИРИ к убийству иранского диссидента в Германии. Вместо этого в 1990-е гг. европейцы (к которым присоединились и японцы) провели реструктуризацию долгов Тегерана более чем на 16 млрд. долл. США.[77] Особое негодование американцев вызвал факт продажи Ираном в 2002 г. европейским финансовым институтам государственных облигаций на сумму 500 млн. долл. США.[78] Не последнюю роль ЕС сыграл и в вопросе предоставления ИРИ кредитов Всемирного банка в 1993, 2000, 2003–2005 гг., опять же идя против воли Соединенных Штатов.[79]

Действия ЕС в период президентства С.М.Хатами, несомненно, находили позитивный отклик и у самих иранцев. В условиях постоянного ужесточения санкций со стороны США (вплоть до причисления ИРИ к «оси зла»), а также озвучиваемых американской администрацией обвинений в адрес Тегерана в спонсорстве международного терроризма и разработке национальной ракетной и ядерной программ, иранская внешнеполитическая элита со всей очевидностью стремилась заручиться поддержкой европейцев на международной арене. Развитию диалога с ЕС в 1997–2002 гг. способствовало и ухудшение внутриэкономического положения Ирана, замедлившее проведение рыночных социально-экономических реформ.[80] В такой ситуации весьма выгодным для ИРИ было стремление европейских стран увеличить объем инвестиций в различные сферы иранского хозяйства (в первую очередь в энергетику). На этом фоне в 2000–2003 гг. Тегеран начал подавать Брюсселю еще более настойчивые

сигналы о своем стремлении к укреплению связей в рамках подготовки заключения Соглашения о торговле и сотрудничестве с ЕС.[81]

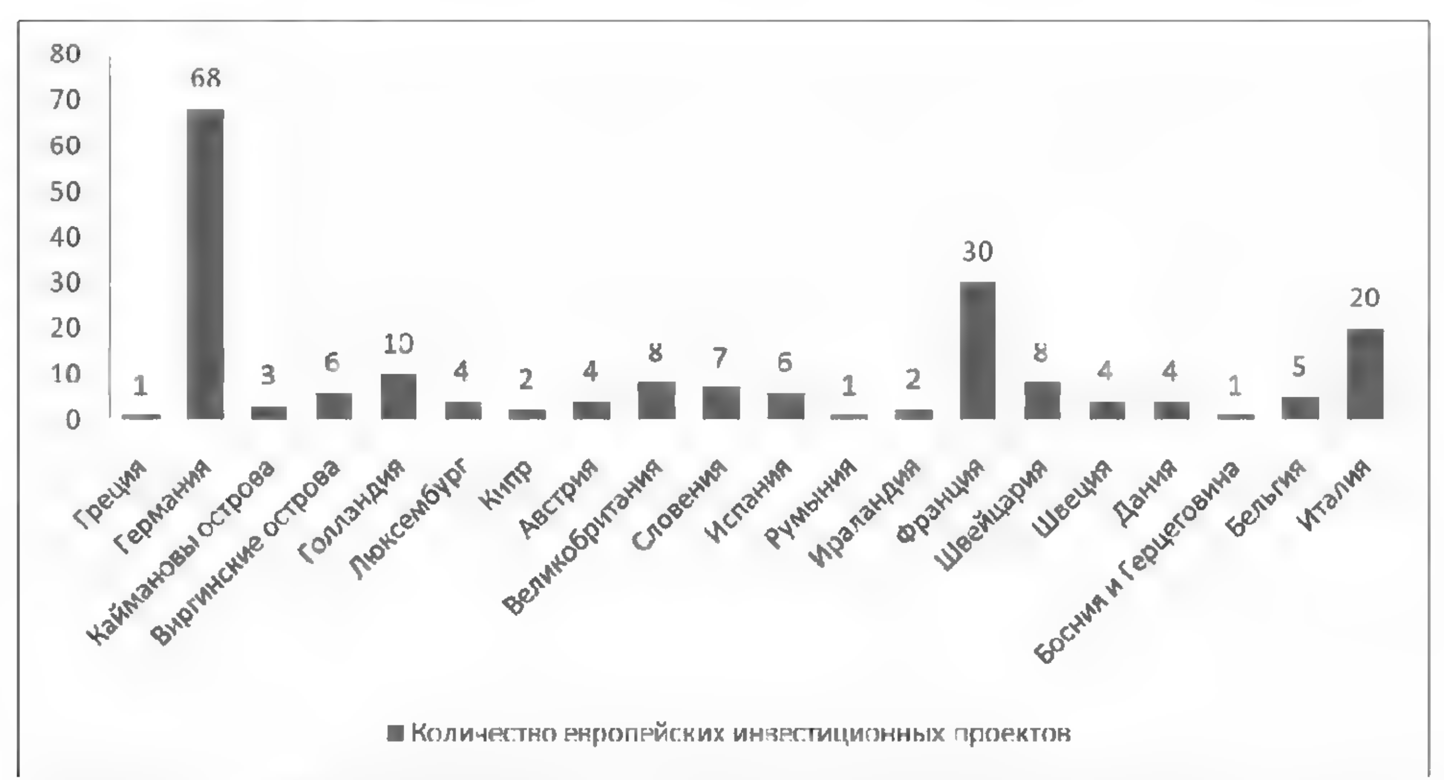

Рисунок 1. Распределение инвестиционных проектов (за исключением нефте- и газодобычи), реализовывавшихся в ИРИ в 1993–2008 гг. с участием европейских государств по странам (по данным Организации развития торговли Ирана).[82]

К 2003 г. ЕС фактически поставил под угрозу созданный Вашингтоном режим экономических санкций в отношении Ирана, который и без того имел противников в самих Соединенных Штатах. В порядке достойной компенсации за свою роль «противовеса» американцам европейцы рассчитывали на сотрудничество Тегерана в значимых для них экономических и политических вопросах. Ситуация для европейского бизнеса складывалась весьма благоприятно: он укреплял свои позиции в стране, на чьих рынках для него не было достойных конкурентов. Иран был закрыт для американских корпораций, а сотрудничавшие с ним компании из других стран не могли быть на тот момент серьезными конкурентами ни с финансовой, ни с технологической точки зрения. (Рис. 1, 2). Так, только на долю Германии, Франции и Италии в 1993–2008 гг. приходилось 118 инвестиционных проектов (Рис. 1). Объем накопленных инвестиций этих трех стран в экономику ИРИ за названный период составил 4,3 млрд. долл. США (Рис. 2).

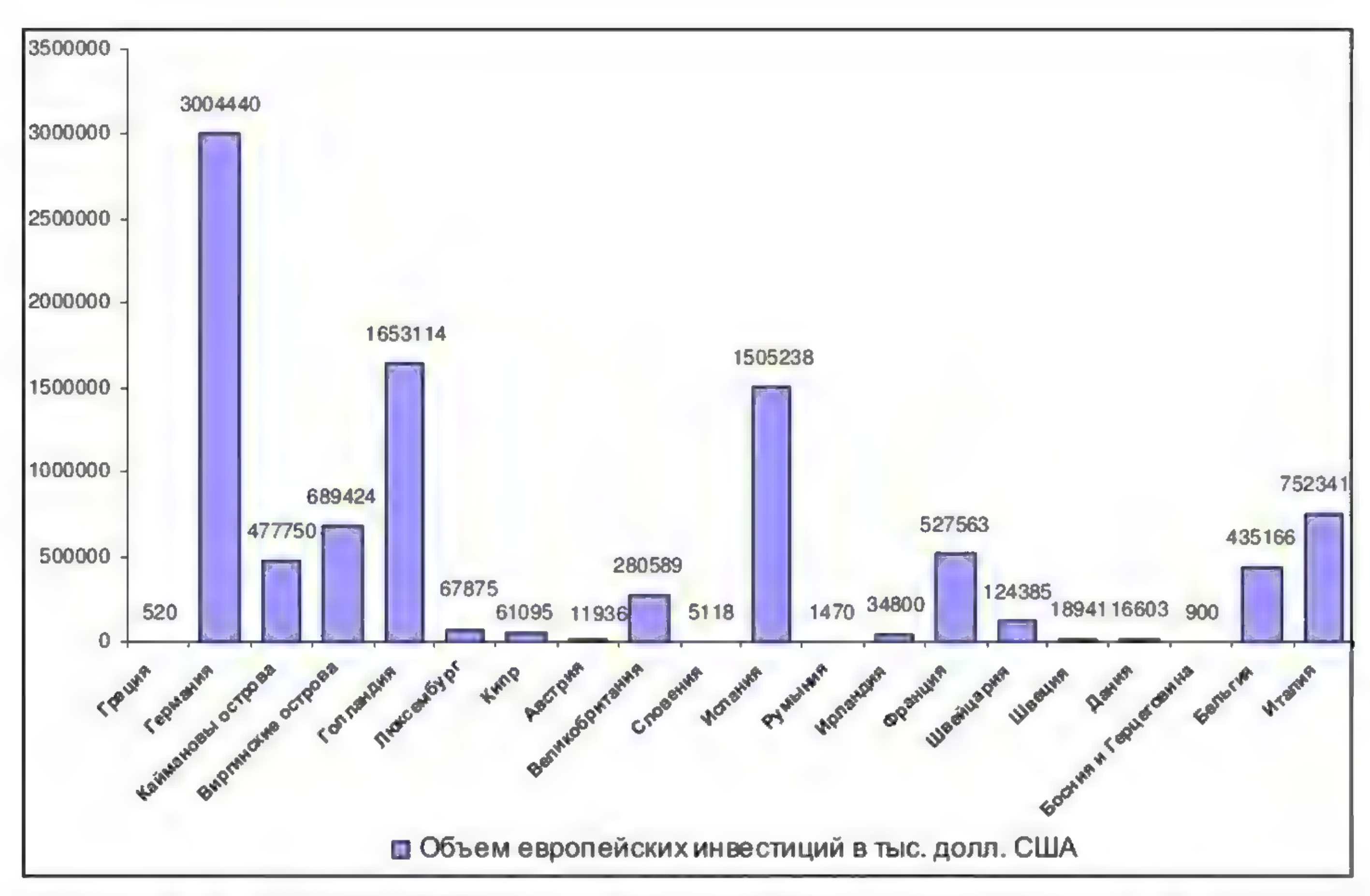

Рисунок 2 Распределение европейских инвестиций в экономику ИРИ (за исключением нефте- и газодобычи) в 1993–2008 гг. (тыс. долл. США) по странам (по данным Организации развития торговли Ирана).[83]

Неблагоприятные для ЕС изменения в ситуации произошли осенью 2002 года, когда США обвинили иранцев в работах над ядерным оружием под видом создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла (ЯТЦ) для обеспечения топливом будущих АЭС. Вопрос о соблюдении Ираном соглашения о гарантиях[84] был вынесен на рассмотрение Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). В ходе расширенных и интенсивных инспекций, проведенных на иранских ядерных объектах в последующие годы, выяснилось, что Иран в течение последних 18 лет допустил ряд серьёзных нарушений соглашения с МАГАТЭ о контроле над ядерной деятельностью. Тем не менее, никаких признаков наличия военных ядерных разработок инспекторы не обнаружили.

Полученные инспекциями данные, вызвавшие серьёзную озабоченность Агентства, нашли отражение в нескольких докладах Генерального директора МАГАТЭ М.Эль-Барадея, посвященных иранской ядерной программе (в июне, сентябре и ноябре 2003 года). Они стали основой для решений Совета Управляющих (СУ) МАГАТЭ (заявление Председателя Совета

от 19 июня 2003 г., резолюции от 12 сентября и 26 ноября 2003 года). 24 февраля 2004 года был опубликован очередной доклад М.Эль-Барадея. В нем фиксировались все факты обнаружения незаявленного оборудования и материалов.

Последовавшие за этим сообщением новые доклады главы МАГАТЭ от 1 июня и 1 сентября 2004 г. указывали на то, что вокруг ИЯП складывается серьезная и весьма опасная ситуация для соблюдения режима, созданного Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Также отмечалось, что, несмотря на демонстрируемую представителями ИРИ готовность к сотрудничеству, по-прежнему остаются непроясненными два главных вопроса – о происхождении загрязнения компонентов иранских центрифуг высокообогащённным ураном и о масштабах импорта, производства и использования самих центрифуг (имелась в виду модель П-2). В дополнение ко всему 31 октября 2004 г. иранский Меджлис абсолютным большинством голосов (247 из 290) принял закон, который предписывал правительству продолжать работы по созданию в стране ЯТЦ, включая обогащение урана.

Понимая, что возникшая проблема может создать трудности для развития торгово-экономических отношений с ИРИ, и стремясь защитить свои интересы, ЕС через европейскую «тройку» и при участии Верховного представителя Евросоюза по внешней политике и безопасности Х. Соланы попытался рядом шагов удержать Иран от конфронтации с международным сообществом, а также нейтрализовать попытки США драматизировать ситуацию вокруг ИЯП и передать иранское «ядерное досье» на рассмотрение СБ ООН. Так, 15 ноября 2004 г. представители ИРИ и ЕС заключили в Париже соглашение, которое легло в основу их дальнейших переговоров по достижению более широкой договоренности, учитывающей политические и экономические интересы Ирана и устраняющей любые сомнения в отношении мирной направленности его ядерной программы. Действуя по системе «кнута и пряника», европейцы в обмен на немедленную приостановку Ираном всей ядерной деятельности оговорили перед Тегераном его право на развитие мирной атомной энергетики в соответствии с ДНЯО, а также возможности широкомасштабного сотрудничества в ряде областей. Согласно Парижскому соглашению 13 декабря 2004 года в Брюсселе состоялась первая встреча специального руководящего комитета по началу переговоров европейской «тройки» с Ираном. Итогом её работы стало создание трёх рабочих групп – по

торгово-экономическим вопросам, по ядерной проблематике и политическим вопросам.

Последовавшие в 2005 г. переговоры с ЕС и «тройкой» привели к тому, что Брюссель в обмен на изменение позиции ИРИ в вопросе ИЯП пошел на ряд «авансовых» уступок. Европейцы смогли добиться от США согласия на запуск переговорного процесса по вступлению Ирана в ВТО и начало поставок запчастей для самолетов иранской гражданской авиации. Они также обязались оказать поддержку российско-иранскому сотрудничеству в области сооружения энергетических реакторов, поставок ядерного топлива и обращения с ним. Кроме того, в 2005 году Еврокомиссия выделила 1,2 млн. евро для осуществления программ по снижению наркозависимости среди населения Ирана. Еще 1,2 млн. было выделено на нужды мероприятий по контролю за наркотрафиком из Афганистана и 750 тыс. евро – для поддержки соответствующих программ ООН, нацеленных на решение проблемы афганских беженцев.[85]

При этом обращает на себя внимание, что европейцы не только спешили вернуть ситуацию в прежнее состояние хрупкого равновесия для обеспечения своих интересов, но и выиграть для себя ряд новых преференций. Хотя предложения «евротройки» в торгово-экономической сфере и требовали большей конкретики, они все равно преследовали цель максимального проникновения и закрепления в нефтегазовом секторе Ирана, где пока отсутствовали американские конкуренты. Даже развитие ситуации вокруг ИЯП не смогло заставить представителей ЕС отказаться от намерения сделать Иран одним из главных поставщиков природного газа на европейский рынок.[86]

В первой половине 2005 г. надежда на возможные подвижки в вопросе решения «ядерной» проблемы еще сохранялась: с 14 по 17 февраля 2005 г. министр иностранных дел ИРИ К.Харрази посетил с рабочим визитом Венгрию, Люксембург и Германию. В центре внимания находились вопросы, связанные с ирано-европейским ядерным диалогом. В ходе проведенных встреч иранец неоднократно подчеркивал, что ситуация вокруг ИЯП при участии ЕС будет решена в положительном ключе.[87] 25 мая 2005 г. в Женеве прошла встреча представителей Ирана с «евротройкой». По ее итогам Тегеран принял решение подождать с возобновлением работ по конверсии урана[88] до конца июля 2005 г. Европейцы же пообещали представить иранцам

в конце июля – начале августа 2005 г. свои развёрнутые предложения по дальнейшему развитию сотрудничества с ИРИ.

Поворотным моментом в этой ситуации стала победа на состоявшихся 24 июня 2005 г. президентских выборах в Иране М.Ахмадинежада, обусловившая значительные перемены во внешнеполитическом курсе Тегерана. 1 августа 2005 г. Иран, не дожидаясь получения пакетных предложений «тройки», объявил о возобновлении работы предприятия по конверсии урана в Исфагане. Это мотивировалось недовольством по поводу переговорной позиции «евротройки», в том числе и тем, что она отвергает право Ирана на создание собственного ядерного топливного цикла, включая обогатительное производство. Представленный европейцами 5 августа 2005 г. обещанный документ не был богат конкретикой и содержал ряд жёстких требований. Тегеран расценил это как «оскорбление» и ущемление его суверенитета и законного права на мирное использование атомной энергии, которым он обладает в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия.

24 сентября 2005 г. СУ МАГАТЭ принял новую резолюцию по Ирану. В ней было зафиксировано, что иранские упущения по выполнению Соглашения о гарантиях фактически представляют собой нарушение статьи XII.C Устава МАГАТЭ, то есть являются «несоблюдением обязательств по ДНЯО». Руководство ИРИ, однако, после этой резолюции не изменило своей жёсткой позиции и продолжило нагнетать обстановку. 21 декабря 2005 г. в Вене прошла встреча представителей «тройки» и ИРИ. С иранской стороны было заявлено, что Тегеран планирует возобновить обогащение урана на своей территории, для чего у него выработан определенный график. При этом никаких дополнительных добровольных мер, демонстрирующих прозрачность своей «ядерной» деятельности, Иран не планировал.

3 января 2006 г. иранцы направили официальную ноту в Секретариат МАГАТЭ с уведомлением о намерении возобновить с 9 января 2006 г. те научно-исследовательские опытно-конструкторские работы в области мирного использования атомной энергии, которые были ранее заморожены. Несмотря на резкую реакцию «евротройки», 10 января 2006 г. иранцы в присутствии инспекторов МАГАТЭ начали демонтаж пломб с центрифуг. В этот момент, с точки зрения экспертов, европейцам стало окончательно понятно, что развитие ситуации пошло по иному сценарию, отличному от того, который разыгрывался ранее при президенте М.Хатами.

Сейчас трудно с точностью утверждать, как развивались бы события, если бы на выборах 2005 г. к власти в Иране пришел не М.Ахмадинежад, а А.А.Хашеми-Рафсанджани. Однако вполне возможно, что переговоры с «евроторойкой» продолжились бы в более конструктивном ключе с сохранением приостановки работ по обогатительной деятельности. А.А.Хашеми-Рафсанджани и М.Хатами, безусловно, связывали дальнейшее развитие ИРИ с проведением комплексных рыночных экономических реформ, тем более, что 26 мая 2005 г., на заседании Генерального совета Всемирной Торговой Организации было принято решение о принятии Ирана в ВТО в качестве наблюдателя.[89] В этой ситуации иранские прагматики и реформаторы могли продолжить торг.

М.Ахмадинежад занял несколько иную позицию. Его агрессивные выпады в отношении Израиля и США ухудшили внешнеполитическое положение ИРИ. Запад, в свою очередь, уже не мог использовать в полную силу экономический рычаг давления на Тегеран (обещая расширение торгово-экономического сотрудничества в обмен на компромисс в вопросе ИЯП). Дело в том, что программа нового президента, особенно на первых порах, строилась на отрицании ряда шагов своих предшественников и популистских лозунгах, не всегда учитывающих экономические интересы страны (включая развитие торгового сотрудничества с Евросоюзом).[90] В результате М.Ахмадинежад проявил меньшую заинтересованность в неконфронтационном диалоге с ЕС, чем М.Хатами. Действия нового правительства ИРИ давали определенную свободу действий и США, чье не всегда взвешенное вмешательство могло нанести серьезный ущерб экономическим интересам европейцев. В этой ситуации Евросоюз был вынужден менять тактику.

12 января 2006 г. в Берлине прошла встреча министров иностранных дел «евротройки», по итогам которой было принято совместное заявление. В нём указывалось, что из-за неконструктивных действий Тегерана дальнейшие переговоры с «тройкой» невозможны и именно по этой причине европейцы приняли решение созвать внеочередную сессию СУ МАГАТЭ с целью подготовить передачу иранского вопроса в СБ ООН. 16 января 2006 г. в Лондоне прошли консультации представителей «евротройки», России, США и Китая относительно возможных шагов по Ирану. Однако долгосрочной стратегии у европейцев, судя по всему, выработано не было. Проговаривались только два шага: заявление председателя СБ ООН, а

в случае отсутствия надлежащего сотрудничества со стороны Ирана – резолюция, делающая требования МАГАТЭ обязательными. Стоит подчеркнуть, что европейцы в весьма осторожных выражениях впервые заговорили и о санкциях. Способствовал этому и общий ход событий: в феврале 2006 г. Иран отказался от исполнения Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.[91]

В результате уже в феврале-марте 2006 г. англичане в контактах с российской стороной аккуратно высказывались о том, что теоретически применение мер по отношению к Ирану возможно.[92] Причем их главной целью, с нашей точки зрения, была защита экономических интересов ЕС в ИРИ: введение санкций, по мере ухудшения ситуации вокруг ИЯП, все больше становилось неизбежным и могло в том случае, если этот процесс возглавили бы американцы, нанести серьезный удар по торгово-экономическим планам европейцев. Единственно правильным решением для «евротройки» было взять инициативу в свои руки. Что, собственно, и произошло.

2.2.2. Европейский совет и резолюции СБ ООН №1737, 1747 и 1803

В июне 2006 г. Иран не представил ответа по существу на предложенный «шестеркой» мировых держав (Россия, США, Китай, Великобритания, Франция, Германия) «пакет позитивных стимулов» и отказался принять основное условие для начала переговоров по его содержанию – заморозить работы по ядерному обогащению. 31 июля 2006 г. СБ ООН принял резолюцию №1696 по иранской ядерной программе на основе проекта, внесённого «евротройкой» и согласованного в шестистороннем формате. Как орган, ответственный за поддержание международного мира и безопасности, Совбез ООН решил принять меры по статье 40 Устава ООН (принятие мер в целях предотвращения ухудшения ситуации). В этой связи в резолюции содержится призыв к Ирану до 31 августа 2006 г. приостановить всю деятельность, связанную с обогащением и химпереработкой урана, включая научно-исследовательские опытно-конструкторские работы (НИОКР).

В ответ Тегераном в августе 2006 г. было введено в строй предприятие по выработке «тяжелой воды» в Араке, где продолжалось строительство исследовательского тяжеловодного реактора. В этой связи 23 декабря 2006 г. СБ ООН принял

в отношении него первую (№ 1737), а 24 марта 2007 г. – вторую санкционную резолюцию (№ 1747). По своей сути, все одобренные Совбезом документы можно считать «европейскими». В случае резолюции №1696 «евротройка» выступила ее инициатором (что соответствовало изначальным планам послать Тегерану сигнал перед применением жестких мер). В резолюциях № 1737 и 1747 интересы ЕС были максимально соблюдены. Обе они не касались чувствительных для европейцев экономических вопросов и были намного мягче того, что хотели бы видеть в Вашингтоне. Фактически документы отражали именно те меры, на которые могли пойти европейцы на уровне законодательства ЕС.

Так, внутри Евросоюза в основе правовой базы, позволявшей применить санкции в отношении ИРИ, до июля 2010 г. лежало постановление Европейского совета №2007/140/CFSP от 27 февраля 2007 г. по Общей внешней политике и политике безопасности.[93] Впоследствии к нему был принят ряд дополнений, наиболее важными из которых можно считать постановления №2007/246/CFSP от 23 апреля 2007 г.[94] и №2008/652/CFSP от 7 августа 2008 г.

Постановление №2007/140/CFSP от 27 февраля 2007 г. предусматривало:

Запрет на поставку, продажу, передачу, транзит через территорию ЕС и транспортировку на морских и воздушных судах под флагом Евросоюза предметов, способных внести вклад в развитие программ ИРИ в сфере ракетостроения, средств доставки ядерного оружия, тяжеловодной и обогатительной деятельности, а также процессов регенерации ядерного топлива.

Запрет на техническую помощь и инвестиции для развития указанных сфер, а также учебную подготовку иранских граждан для этих программ.

1. Запрет на въезд или транзит через территорию ЕС иранских лиц, внесенных в списки причастных к реализации ядерной и ракетной программ Тегерана, а также поставкам необходимых для их выполнения товаров и комплектующих.
2. Заморозку активов и прочих «экономических ресурсов» иранских физических и юридических лиц, внесенных в список причастных к реализации ядерной и ракетных программ Тегерана, а также к поставкам необходимых для их выполнения товаров и комплектующих.

Решение Европейского совета №2007/246/CFSP от 23 апреля 2007 г. в связи с принятием резолюции СБ ООН №1747 дополняло предшествующий законодательный акт:

1. Запретом на поставки оружия, амуниции, военной техники, оборудования, комплектующих и запчастей для них.
2. Указанием странам-членам не предоставлять иранскому правительству новых грантов, финансовой поддержки и льготных кредитов, в том числе через международные финансовые организации. Исключение составляли средства, необходимые для гуманитарных нужд и нужд развития.

Более жестким оказалось решение Европейского совета №2008/652/CFSP от 7 августа 2008 г., которое, ориентируясь на резолюцию СБ ООН №1803:

1. Расширяло круг деятельности, вовлеченность в участие и обеспечение которой вело к применению санкций. Теперь запрещалось оказывать поддержку не только иранским программам в сфере ракетостроения, средств доставки ядерного оружия, тяжеловодной и обогатительной деятельности, процессов регенерации ядерного топлива, но и любой другой деятельности, вызывающей обеспокоенность МАГАТЭ. Все это было связано с растущей озабоченностью США и «евротройки» возможной военной компонентой ИЯП.
2. Указывало, что государства-члены должны проявлять сдержанность при принятии новых обязательств в отношении государственной финансовой поддержки торговли с Ираном, включая предоставление экспортных кредитов, гарантий или страхования своим гражданам или юридическим лицам, занимающимся такой торговлей, во избежание того, чтобы такая финансовая поддержка способствовала развитию иранской ядерной и ракетной программ.
3. Предписывало государствам-членам проявлять осторожность по отношению к взаимодействию собственных финансовых институтов с иранскими банками (особое внимание обращалось на банк «Садерат»[95]), их филиалами и дочерними структурами в ЕС и за его пределами, а также финансовыми институтами, организованными иранцами в третьих странах или принадлежащими им. В частности, европейским банкам вменялось в обязанность проверять свое взаимодействие с указанными структурами (в том числе, исходя из законов, принятых в отношении борьбы с отмыванием денег и терроризм-

мом); требовать от иранцев предоставлять полную информацию по транзакциям (иначе отменять операцию); в течение пяти лет сохранять информацию по транзакции; немедленно информировать национальную структуру, занимающуюся финансовой разведкой (Financial Intelligence Unit).

4. Обязывало филиалы и дочерние структуры банка «Садерат» уведомлять местные власти о движении средств в течение пяти рабочих дней с момента проведения операции.
5. Давало право национальным властям в соответствии с их законодательством и при наличии на то причин проводить досмотр грузов, перевозимых компаниями «Иран Эйр Карго» (Iran Air Cargo) и «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн» (Islamic Republic of Iran Shipping Line, IRISL), а также обязывало затребовать у этих компаний предварительную расширенную информацию о грузах, ввозимых на территорию ЕС или вывозимых из Евросоюза.

Анализ введенных с 2007 по 2009 гг. санкций позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего все меры были приняты на основе соответствующих резолюций СБ ООН. В этом смысле решения Совбеза использовались Брюсселем в качестве своеобразной «дорожной карты», т.е. все шаги ЕС отражали исключительно те решения, которые были приняты Организацией, и не предполагали вмешательства в какие-либо дополнительные сферы (в отличие от действий американцев). Европейцы проявили инициативу только в двух случаях. Во-первых, в июне 2008 г. и ноябре 2009 г. Европейским советом был последовательно расширен ооновский «черный список» иранских физических и юридических лиц, подпадающих под санкции (постановления Европейского совета № 2008/479/CFSP от 23 июня 2008 г.[96] и №2009/480/CFSP от 17 ноября 2009 г.[97]). Здесь, впрочем, делалась важная оговорка: список расширялся исключительно на основе тех принципов, которые были определены ООН (участие в ядерной и ракетной программах Тегерана). Во-вторых, все рекомендательные положения резолюций СБ ООН (относительно поставок вооружений и финансовой сферы) в постановлениях ЕС приобретали статус императива. Это, в свою очередь, потребовало прописывания в соответствующих европейских документах механизмов реализации и контроля за исполнением принятых решений. Так, в случае с банком «Садерат» пункт № 10 резолюции № 1803 лишь предписы-

вал проявлять необходимую бдительность, в то время как решение Европейского совета № 2008/652/CFSP от 7 августа 2008 г. накладывало на упомянутый финансовый институт обязанности по отчетности.[98]

При этом говорить, что европейские санкции были намного жестче резолюций ООН, принимая к неукоснительному исполнению то, что Совбез лишь рекомендовал или к чему призывал, было бы не совсем корректно. Действительно, определенная жесткость присутствовала, но меры ЕС полностью дублировали и ооновские исключения, которые зачастую создавали серьезные бреши в санкционном режиме. В частности, европейская страна могла осуществлять поставки в Иран товаров спорного (фактически, двойного) назначения, если те шли на нужды, не связанные с ИЯП (особенно для сельского хозяйства, нужд питания и гуманитарных целей), знала конечного потребителя и имела от руководства ИРИ соответствующие гарантии, что указанная продукция не будет использована для развития ядерной или ракетной программ. Лица из «черного списка» также могли осуществлять въезд на территорию ЕС для участия в мероприятиях под эгидой ООН, ЕС, ОБСЕ, работы в международных организациях, проведения межправительственных встреч, по гуманитарным (включая религиозные) нуждам, в интересах исполнения резолюции №1737 СБ ООН, а также при наличии соответствующих иммунитетов и привилегий, оговоренных международными законами.[99] Не подвергались полной заморозке и иранские активы: как и в резолюциях Совбеза, их можно было использовать на нужды, связанные с хозяйственной деятельностью (оплата счетов, выплата зарплат и т.д.), а также в случае форс-мажора. На счета продолжали начисляться проценты и поступать выплаты по контрактам, заключенным до момента внесения их иранского участника в санкционные списки. Также с них оплачивались расходы по подобным договорам, если те не были связаны с развитием ядерной и ракетной программ ИРИ.

Формально самыми чувствительными для экономики Ирана могли оказаться решения по не предоставлению этой стране европейских государственных субсидий, финансовой поддержки, льготных займов, ограничению господдержки развития торговли ИРИ с ЕС, а также увеличению контроля за банковскими транзакциями с ИРИ (под контроль Евросоюза попали даже банки, чья связь с Ираном была не столь очевидна)[100] и сферой перевозок. Однако и эти решения имели массу лазеек, предостав-

лявших странам-членам ЕС возможность их обходить. В частности, в вопросе финансовой помощи имелось важное исключение: если средства шли на гуманитарные нужды и развитие, то санкции их не касались. Характерно, что текущие нужды иранской экономики традиционно финансируются Тегераном самостоятельно, в отличие от инфраструктурных проектов (в т.ч. в энергетике), требующих крупномасштабных финансовых вливаний и подпадающих под термин «развитие».

В вопросе, касающемся поддержки торговли с Ираном и развития отношений с его финансовыми институтами, не было указания ни на сокращение объемов товарооборота с ИРИ, ни на прекращение банковского взаимодействия с иранскими финансовыми институтами как такового. Подобные шаги предпринимались только на национальном уровне и по решению правительства страны-члена ЕС. Так, с 2007 г. немецкие, а потом и английские банки были поставлены перед необходимостью отказаться принимать участие в осуществлении денежных переводов в Иран и из него. За этим последовало решение властей ФРГ о не предоставлении аккредитивов и экспортного страхования иранским торговым компаниям.

В конечном итоге, европейские санкции 2007–2009 гг. оказали определенное влияние на состояние торгово-экономических связей ЕС и ИРИ. Их непосредственному воздействию подверглись банковско-финансовая сфера, а также, частично, торговля и инвестиции. Во всех остальных случаях применяемые санкции носили исключительно целевой характер и применялись к конкретным лицам и структурам из списков соответствующих постановлений Европейского совета. Кроме того, в вопросах торговли решения Евросоюза носили рекомендательный характер, обязательными они становились в зависимости от решения каждого члена ЕС в отдельности.

Ухудшение ирано-европейских отношений в инвестиционных вопросах во многом было связано с тем аспектом европейских санкций, который можно отнести к «негласному давлению», т.е. члены ЕС лишь в редких случаях объявляли о своем решении запретить какие-либо ПЗИ в экономику ИРИ и не фиксировали это решение законодательно. Вместо этого по мере ухудшения ситуации вокруг ИЯП они все чаще позволяли США оказывать давление на европейские компании и не всегда защищали их перед Вашингтоном, как это было ранее. Об угрозах со стороны американских официальных лиц не раз заявляли такие

компании, как «Тоталь», «OMV», «Шелл».[101] По причине американского прессинга (угроз адресных санкций, штрафов, вывода средств американских пенсионных фондов) крупные европейские банки с 2007–2008 гг. отказались участвовать в финансировании крупных проектов на территории ИРИ и принимать иранские аккредитивы. Для использования последних требовалась страховка или гарантия, которую уже в соответствии с указаниями Европейского совета было получить непросто. В итоге накануне введения санкций 2007–2009 гг. стоимость этой услуги составляла 0,5% от операции, а после достигла 8–12%, что сказалось на ценах на импортные товары внутри Ирана.[102]

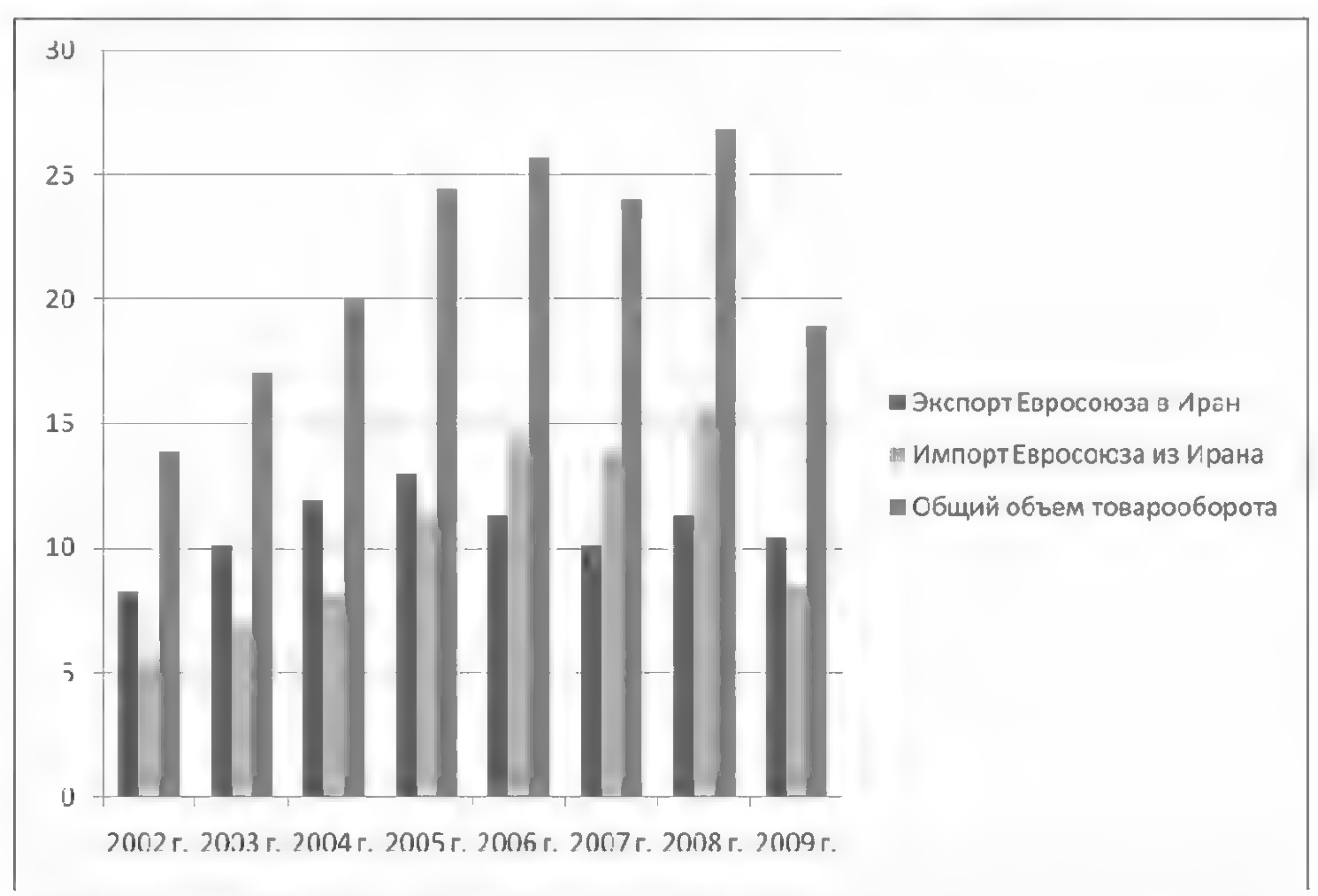

Рисунок 3. Изменение объемов торговли Евросоюза с Ираном в 2002–2009 г. (млрд. евро)[103]

В то же время сложный политический фон и применение санкций полностью не затормозило развитие торгово-экономических отношений между ЕС и ИРИ, о чем свидетельствует ряд показателей и, в первую очередь, объем товарооборота. Он лишь незначительно сократился в 2007 г., что можно списать на негативные прогнозы европейских бизнесменов в отношении влияния ситуации вокруг ИЯП на их связи с ИРИ. Однако когда эти опасе-

ния не оправдались, объемы товарооборота возобновили свой рост. При этом экспорт товаров ЕС в ИРИ в 2006–2009 гг., хоть и сократился по сравнению с 2005 г., оставался достаточно стабильным (на уровне 10–11 млрд. евро). (Рис. 3, 6).[104]

Основные колебания в общих объемах товарооборота обеспечивались за счет импорта Евросоюза из ИРИ, который продолжал расти в 2006 и 2008 гг. с незначительным сокращением в 2007 г. Практически двухкратное падение объемов импорта в 2009 г. также не объясняется влиянием санкций. При анализе общего состояния иранской внешней торговли в 2009 г. видно, что ее объемы падали. Главной причиной здесь выступил мировой финансовый кризис и падение цен на нефть, составлявшую, по разным оценкам, до 90% всего иранского экспорта ИРИ в ЕС (Рис. 4, 5).[105]

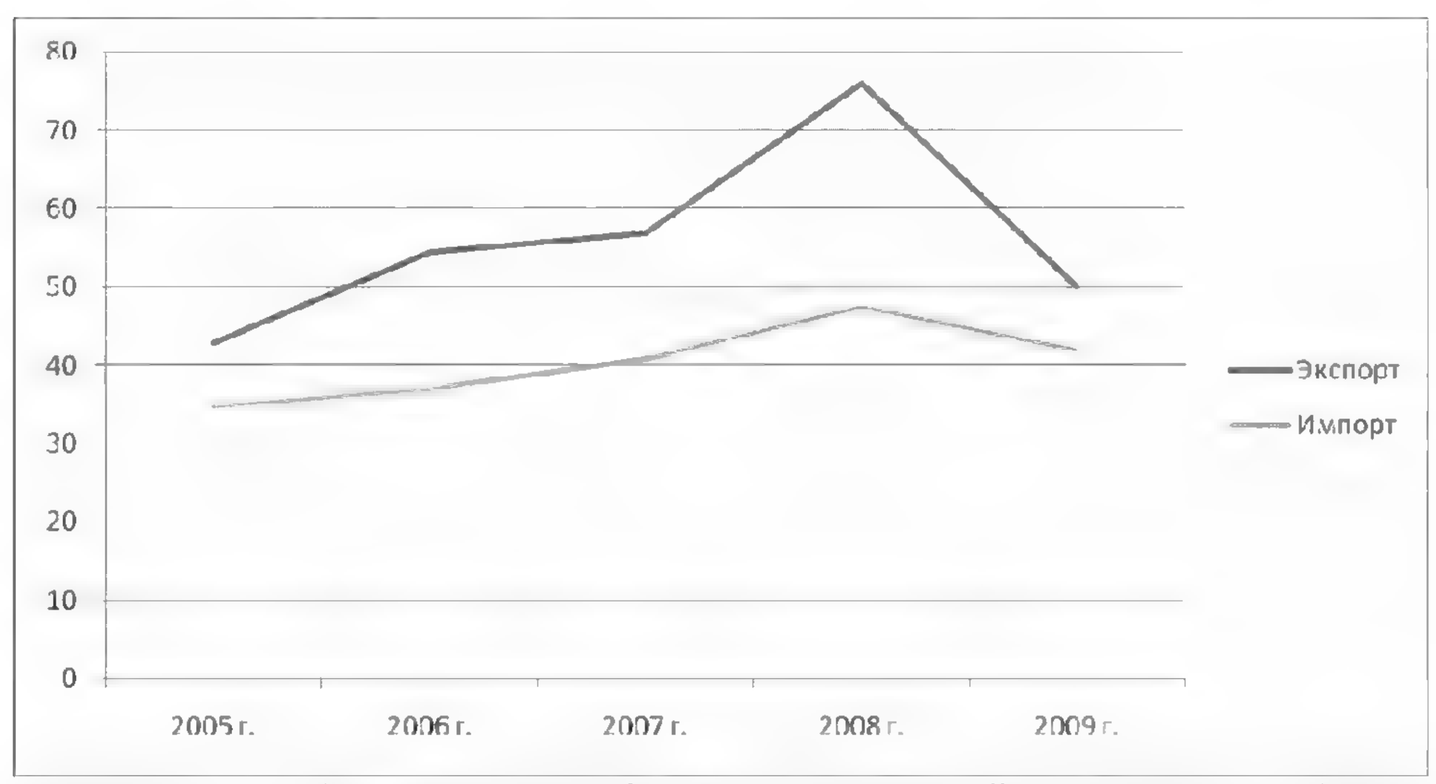

Рисунок 4. Изменение объемов внешней торговли Ирана в 2005–2009 гг. (млрд. евро).[106]

Характерно, что именно нефть и газ стали тем инструментом, который иранская сторона пыталась использовать в 2007–2009 гг. для налаживания отношений с Евросоюзом. Так, в июле 2008 г. министр нефти ИРИ Г.Х.Ноузари на проходившем в Мадриде Международном нефтяном конгрессе выступил с заявлением, в котором особо подчеркнул отсутствие каких-либо препятствий для притока инвестиций западных компаний в топливно-энергетический сектор своей страны. При этом иранские аналитики постоянно дис-

кутировали по поводу того, что Иран способен стать альтернативным России поставщиком газа в ЕС (имелось в виду присоединение Тегерана к проекту трубопровода «Набукко»).[107]

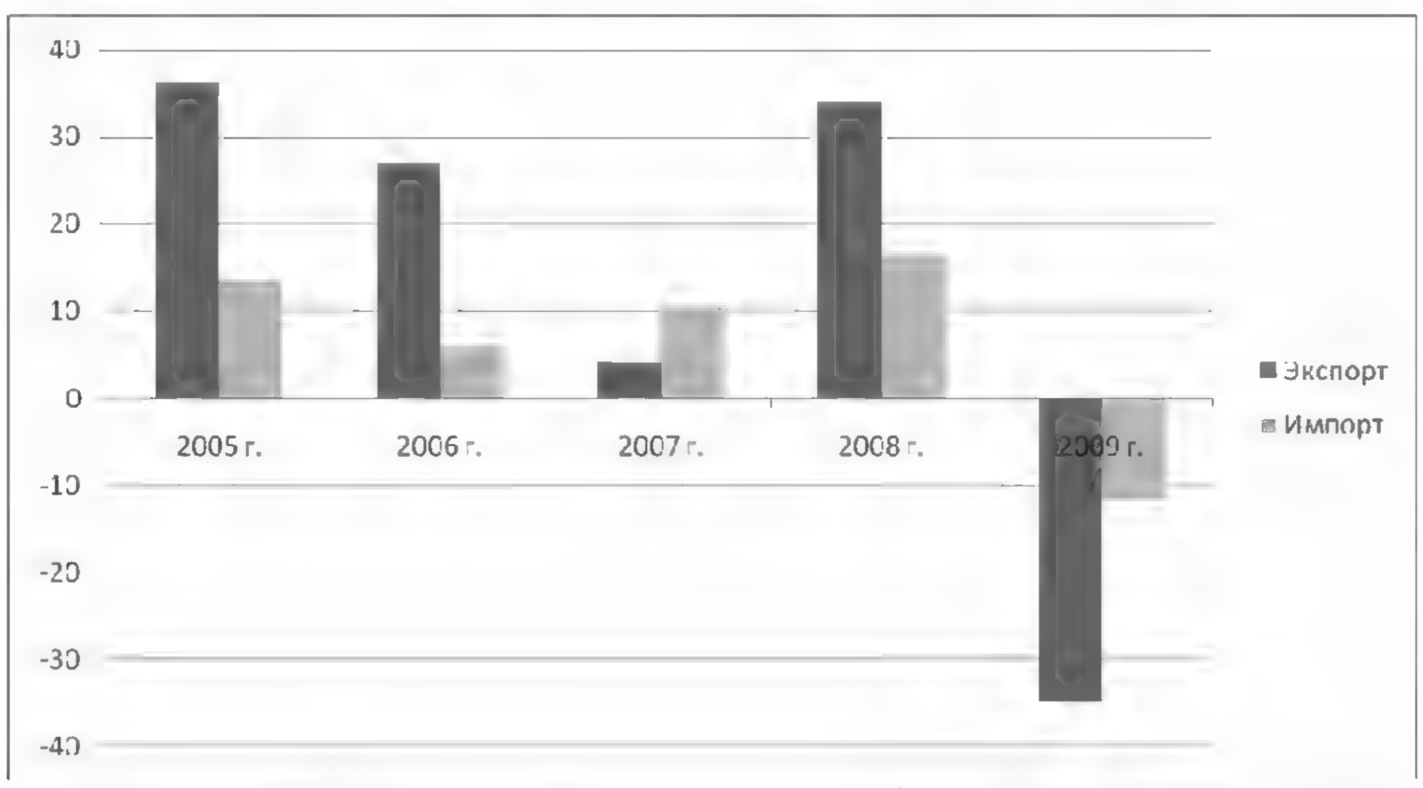

Рисунок 5. Изменение объемов внешней торговли ИРИ в 2005–2009 гг. (%).[108]

Об участии в проекте «Набукко» в Тегеране говорили достаточно активно, намереваясь таким образом привлечь к себе внимание европейцев. Кроме того, по словам тогдашнего замминистра нефти по вопросам планирования А.Торкана, у руководства страны имелся план по созданию т.н. «Персидского трубопровода», который должен был пойти от газового месторождения Асалуйе к границе с Турцией, где уже была создана инфраструктура, необходимая для дальнейшего транзита «голубого топлива» в Италию, Швейцарию и Австрию.[109] Несмотря на то, что к проекту у экспертов имелся ряд вопросов технического, финансового и политического характера, представители указанных европейских государств выражали активную поддержку этой иранской инициативе. И это были не единственные сигналы о возможности продолжения взаимовыгодного сотрудничества, которые получали в Иране со стороны Запада. Так, несмотря на все официальные заявления, представители французской компании «Тоталь» продолжали скрытно вести с иранцами технические переговоры относительно возможности разработки 11-й фазы месторождения Южный Парс.[110]

Главными факторами, сдерживающими европейские компании, в 2007–2009 гг. были нестабильность и неясность складывавшейся вокруг ИРИ ситуации. Самые крупные фирмы, такие как англо-голландская «Роял Датч Шелл», испанская «Репсол» и французская «Тоталь» заявили о временном сокращении своей активности в ИРИ до конца 2009 г. Тогда, по их мнению, должна была определиться политика новой администрации США и руководства ИРИ после прошедших в обеих странах президентских выборов.[111]

В целом именно до конца 2009 г. в ЕС рассчитывали на реализацию в отношении ИРИ т.н. «ливийского варианта», когда почувствовав на себе силу американского, а затем и европейского санкционного давления, иранцы пойдут на переговоры и изменят свою позицию по ИЯП в обмен на обещание отменить принятые меры. Свои надежды в Брюсселе связывали и с новой администрацией Б.Обамы, сменившей негибкий в вопросе «ядерного досье» кабинет Дж.Буша. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Победа М.Ахмадинежада на президентских выборах в 2009 г. и продолжение им избранного курса на реализацию любой ценой ядерных амбиций Тегерана привели к введению новых и уже более масштабных санкций.

2.2.3. Санкции Европейского совета 2010 г.

Существует несколько причин, приведших в конце 2009–2010 гг. к изменению подходов ЕС в вопросе применения санкций. Главная из них – разочарование членов Евросоюза в возможности урегулировать ситуацию без серьезного нажима на Тегеран. Ориентиром для европейцев здесь во многом оставались Соединенные Штаты. После победы на президентских выборах в 2008 г. Б.Обама намеревался наладить отношения с Тегераном. Данное намерение было подкреплено некоторыми практическими шагами, такими как участие американской делегации в консультациях по линии «шестерка» – ИРИ, официальные поздравления новым президентом США иранцев с наступлением 1388 г. по солнечной хиджре и ряд других. В этих условиях в ЕС не исключали постепенного смягчения ситуации вокруг ИЯП и предвидели возможное ослабление режима экономических санкций.

Позитивно в Евросоюзе были восприняты озвученные весной 2009 г. как представителями иранских реформаторов, так и представителями правящей политической группировки заявления относительно существующей у обеих стран возможности

сделать шаг навстречу друг другу.[112] Эти высказывания аналитики оценивали не иначе как продолжение развернувшейся осенью 2008 г. дискуссии о перспективах открытия американской дипломатической миссии в Тегеране или хотя бы о появлении граждан США среди сотрудников секции американских интересов при посольстве Швейцарии. Не исключалось, что исходящие от сторон сигналы и есть начало успешной реализации «ливийского» сценария на практике, когда прочувствовавшее всю тяжесть примененных санкций руководство ИРИ решило пойти навстречу мировому сообществу.[113]

Однако надежды первой половины 2009 г. очень скоро сменились разочарованием. Как американское, так и иранское руководство «уступали» право сделать первый шаг на пути сближения своему оппоненту.[114] При этом обе стороны выдвигали заведомо нереализуемые условия для начала полноценного диалога. Так, в США ожидали от ИРИ скорейшего возобновления переговоров по ИЯП. В Тегеране же считали, что доказательством «серьезного подхода» Вашингтона к идее налаживания двусторонних отношений может стать прекращение американского присутствия в Ираке и Афганистане, а также отмена односторонних санкций. Кроме того, М.Ахмадинежад в своих интервью периодически «напоминал» новой американской администрации, что США «уже долгое время находятся в конфронтации с иранским народом» и прежде всего они должны были бы «принести официальные извинения».[115]

Не оправдались надежды зарубежных экспертов и на возможную смену власти в ИРИ в ходе президентских выборов в июне 2009 года. Задействовав имеющийся административный ресурс, команда М.Ахмадинежада смогла обеспечить необходимую ему победу в первом туре голосования. Последовавшие за этим в иранской столице и ряде крупных городов волнения, которые явно развивались по сценарию «цветных» революций, целей своих не достигли. Главный оппонент действующего президента – М.Мусави и его сторонники, не заинтересованные в смене режима, не осмелились взять на себя роль лидеров вышедшей на улицы оппозиции, в результате чего волнения были относительно бескровно подавлены.[116] В сложившейся ситуации иранское руководство обвинило США и ЕС (в первую очередь англичан) в целенаправленной дестабилизации ситуации в стране.[117]

После этого никакого разговора о налаживании отношений с США быть уже не могло. В Тегеране никак не отреаги-

ровали на фактическое требование Вашингтона к сентябрю 2009 г. на практике продемонстрировать серьезное желание начать диалог. Появившиеся вслед за этим сведения о ведущемся близ Кума строительстве нового ядерного объекта и провал переговоров по обмену наработанного в ИРИ низкообогащенного урана на топливо для исследовательского ядерного реактора в Тегеране наглядно показали европейцам, что правительство М.Ахмадинежада не намерено отказываться от выбранного в вопросе ИЯП курса. 11 декабря 2009 г. ЕС выдвинул ИРИ своеобразный ультиматум. В принятой в этот день декларации Европейского совета по Ирану с сожалением отмечалось, что представители стран-членов Евросоюза не видят каких-либо качественных положительных изменений в ситуации вокруг ядерной программы Тегерана. В итоге они, подтверждая свою готовность начать конструктивные переговоры, призвали руководство ИРИ подчиниться требованиям ранее принятых резолюций СБ ООН, оставляя за собой право в случае неисполнения этого условия начать подготовку новых более жестких санкций в отношении Сламской Республики.[118]

Ответом на требования Евросоюза стал выход Ирана в начале 2010 г. на уровень обогащения урана в 20%, после чего любые заявления официальных лиц ИРИ о готовности Тегерана искать компромисс в вопросе обмена ядерным топливом, а также конструктивно решать проблему ИЯП воспринимались в ЕС скептически. Частый отказ от ранее принятых решений, невыполнение требований МАГАТЭ и политическая бравада президента ИРИ М.Ахмадинежада укрепили уверенность значительной части европейского политического истеблишмента в наличии у Ирана разработок в сфере ядерного оружия. К весне 2010 г. происходят явные изменения в высказываниях политических деятелей ЕС. После проведения ряда консультаций с представителями США и Израиля в январе – феврале 2010 г. они все чаще заявляли о неприемлемости складывающейся ситуации.

Атмосферу вокруг ИЯП значительно накаляли и высказывания некоторых экспертов о том, что руководство ИРИ лишь имитирует переговорный процесс с международным сообществом, отвлекая внимание от настоящих целей ядерной программы. На ее военную компоненту якобы указывает не только появившаяся информация о новых ядерных заводах на территории ИРИ, но и проведенные иранцами в мае 2010 г. военные учения в районе

Ормузского пролива, в ходе которых были проведены и ракетные испытания.[119]

В складывающейся ситуации ЕС не стал отступать от декларации 11 декабря 2009 г. и вслед за резолюцией СБ ООН № 1929 (принята 9 июня 2010 г.) подтвердил 17 июня 2010 г. намерение ввести собственные санкции. Они должны были не просто базироваться на принципах принятого Совбезом документа, но превосходили бы его по масштабам, затрагивая сферу ирано-европейской торговли, финансовых отношений, транспортного сообщения, вопросы участия европейских компаний в развитии энергетического сектора ИРИ и экономические интересы КСИР.

Соответствующее решение было одобрено Европейским советом 26 июля 2010 г.[120] Оно оказалось намного более жестким, чем все предыдущие постановления, и напрямую коснулось целого ряда секторов иранской экономики. Такую решимость европейцев некоторые аналитики объяснили не только разочарованием членов ЕС в эффективности применения ограниченных мер, но и в произошедшем за 2005–2009 г. сокращении объемов европейского присутствия на товарных рынках ИРИ. За указанный период европейская доля в совокупном иранском импорте сократилась с 41% до 27%. Схожая ситуация складывалась и в отношении иранского экспорта в ЕС: если в 2005 г. на Евросоюз приходилось 25% продаваемых ИРИ на внешних рынках товаров, то в 2009 г. всего 16% (Рис. 6).[121]

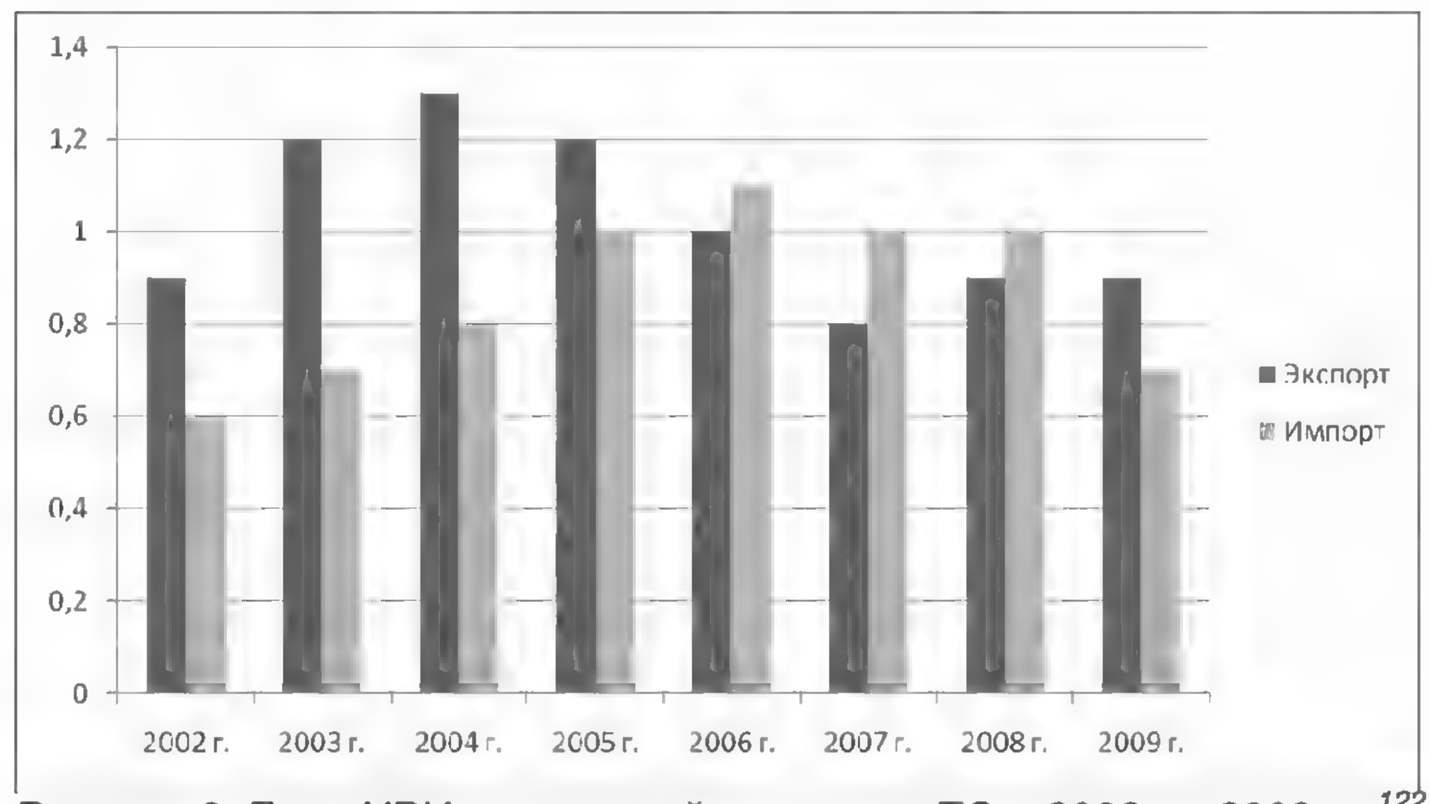

Рисунок 6. Доля ИРИ во внешней торговле ЕС с 2002 по 2009 гг.[122]

Это во многом объяснялось происходившей переориентацией Ирана на страны Азии и Дальнего Востока (Рис. 7). В частности, весьма показательно распределение экспорта иранской нефти по странам-покупателям. Так, с 2006 по 2009 гг. доля ЕС сократилась с 39% до 29%, в то время как доля КНР и Южной Кореи выросла с 36% до 47% при стабильных показателях нефтедобычи в ИРИ (Рис. 8).[123] То есть, иными словами, новые санкции уже не могли оказаться настолько ущербными для интересов европейского бизнеса, как это было в 2005 г.

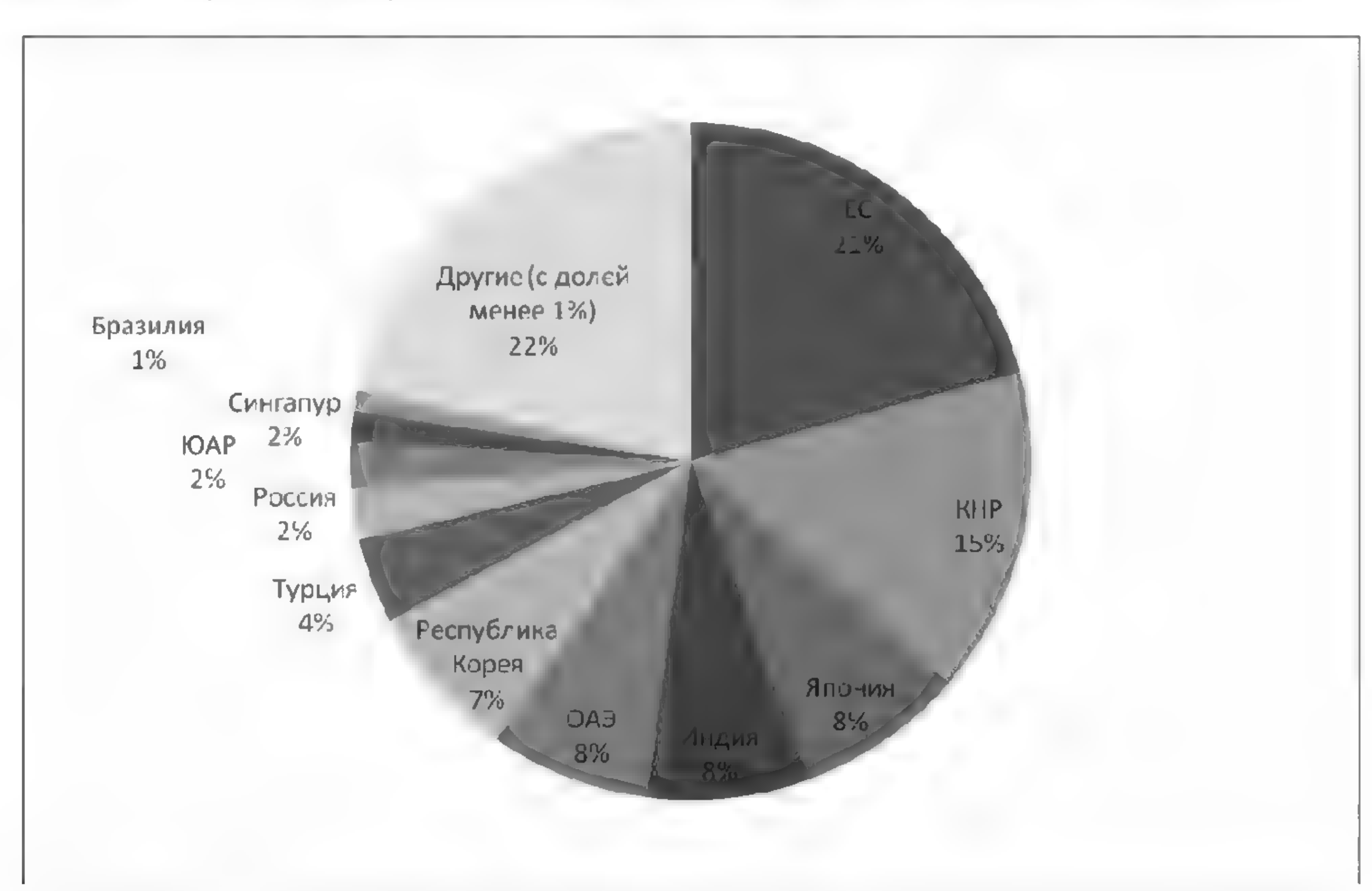

Рисунок 7. Географическая структура товарооборота Ирана в 2009 г.[124]

Новый документ ЕС заменял собой принятое в 2007 г. и неоднократно дополнявшееся постановление Совета №2007/140/CFSP. При этом подтверждалась приверженность мерам, предусмотренным соответствующими резолюциями СБ, а также решениям ЕС (№2007/140/CFSP, №2007/246/CFSP, №2008/652/CFSP). В частности, неизменным остался запрет на поставку, продажу, передачу, транзит через территорию ЕС и транспортировку на морских и воздушных судах под флагом Евросоюза предметов, способных внести вклад в развитие программ ИРИ в сфере ракетостроения, средств доставки ядерного оружия, тяжеловодной и обогатительной деятельности, а также процессов регенерации ядерного топлива.

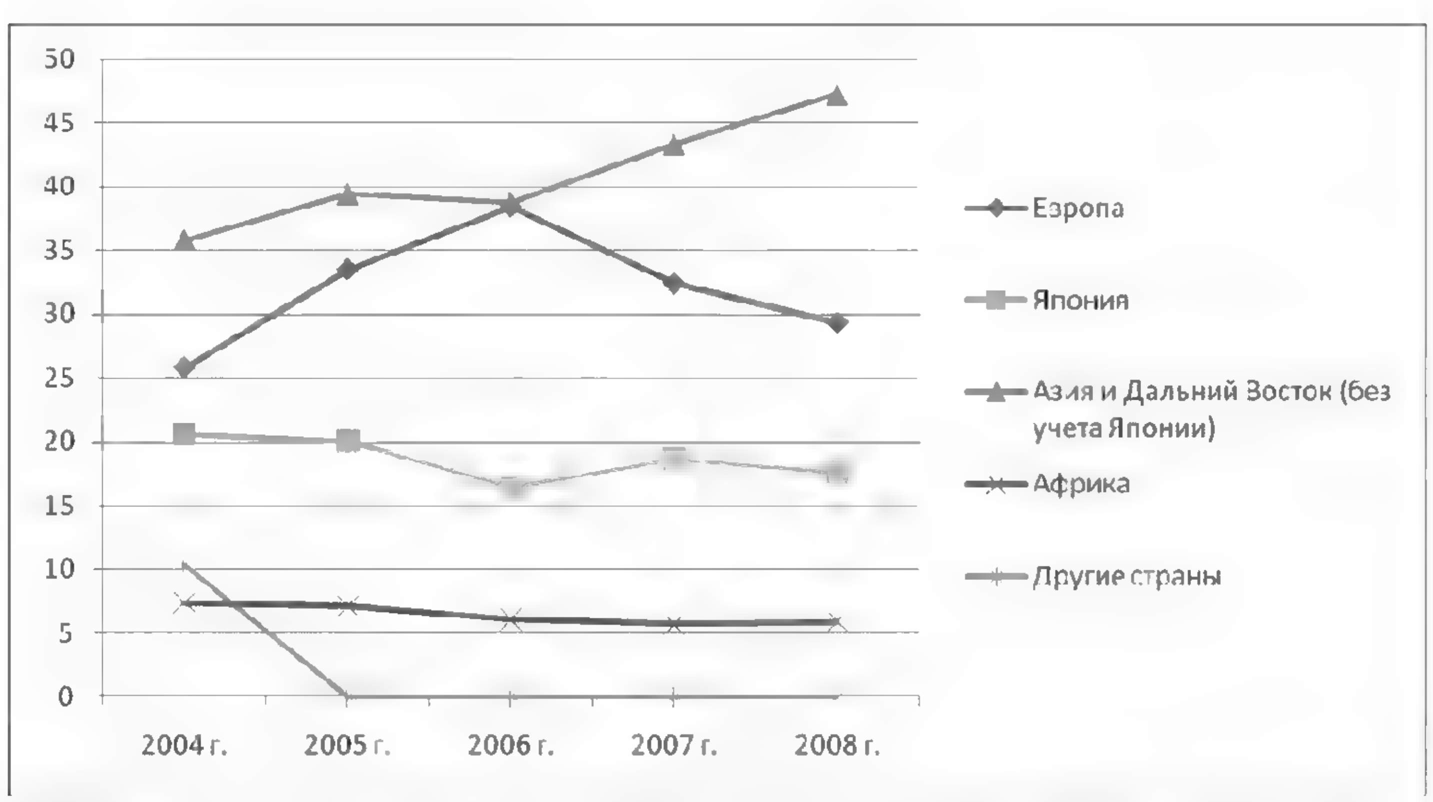

Рисунок 8. Географическая структура экспорта иранской нефти по регионам в 2004–2008 гг. (%).[125]

Сохранялись ограничения на техническую помощь и инвестиции для развития указанных сфер, а также учебную подготовку иранских граждан для этих программ. Не разрешался въезд или транзит через территорию ЕС иранских лиц, внесенных в списки и причастных к реализации ядерной и ракетных программ Тегерана, а также к поставкам необходимых для их выполнения товаров и комплектующих. Вводился запрет на поставки в ИРИ оружия, амуниции, военной техники, оборудования, комплектующих и запчастей для них.

Подвергались немедленной заморозке активы и прочие «экономические ресурсы» целого ряда иранских физических и юридических лиц, количество которых было существенно увеличено по сравнению с похожим ооновским и даже американским списком. Прежде всего под действие санкций помимо организаций военной и ядерной промышленности ИРИ попали крупнейшие иранские финансовые институты, к деятельности которых ранее лишь предлагалось относиться с особой настороженностью. В их число вошли банки «Мелли», «Меллят», «Садерат», «Рефах», «Сина», «Каргошаи» и их заграничные филиалы, инвестиционные компании «Мехр», «Мобин» (Ettemad Amin Invest Co Mobin), Организация промышленного развития и реноваций (IDRO), «EDBI Exchange Company» и «EDBI Stok Company». Та же судьба постигла финан-

совые институты, зарегистрированные за пределами ИРИ, но либо принадлежащие иранцам, либо в той или иной степени аффелированные с ними. В частности, в «черный» список были отнесены «Банк Ариан» (Афганистан), «Banco Internacional de Desarollo, C.A.» (Венесуэла), «First East Export Bank PLS» (Малайзия), «First Persian Equity Fund» (Каймановы острова), «Future bank BSC» (Бахрейн),[126] «Persian International Bank PLC» (Великобритания).

Вслед за финансовыми институтами под действие европейских санкций попали зарегистрированные в Иране или принадлежащие иранцам морские и авиационные грузоперевозчики и экспедиторские компании, а также ряд наиболее крупных фирм различных отраслей экономики (в первую очередь экспортеры). К самым важным из них можно отнести судоходные компании «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн» (Islamic Republic of Iran Shipping Line, IRISL), «Вальфаджр» («Valfajr 8th Shipping line Co SSK»), «Хафиз Дарья шиппинг ко» («HDS»), «Хазар» («Khazar Sea Shipping Lines»), «Бушер» («Busher Shipping Company Ltd»), ирано-индийскую и ирано-египетскую судоходные компании, авиаперевозчика «Иран Эйр Карго» (Iran Air Cargo), эмиратскую экспедиторскую компанию «Оазис» («Oasis Freight Agency»), иранскую телекоммуникационную компанию «ICI», строительные холдинги «Горб» («Ghorb») и «Хатам-оль-анбия» (последние две внесены в санкционный список еще 19 июня 2010 г.), «Сабелан», Организацию иранской авиационной промышленности (IAIO), фирму «Иран-шафран» («Iran-Saffron Co»).

Формально все компании были внесены в перечень на основании принципов, оговоренных в резолюциях ООН. Они были заподозрены либо в причастности к развитию иранской ядерной и ракетной программ, либо в связях с предположительно курирующим развитие ИЯП Корпусом стражей исламской революции (КСИР) (как, например, «Мехр», «Мобин», «Горб», «Хатам-оль-анбия» и «Сабелан»). При этом в «черный» список кроме военных и «ядерных» корпораций попадали лидеры банковской, транспортной, строительной, торговой и других сфер экономики ИРИ (включая высокотехнологичные производства). В условиях иранских реалий практически все наиболее крупные деловые структуры имеют связь с политическими кругами и так или иначе могут быть отнесены к источникам финансирования их программ (включая ядерную).

С 2005 г. особенно усилилось присутствие в экономике сторонников действующего президента ИРИ, и в первую очередь выходцев из КСИР. Фактически закрывая вышеназванным компаниям доступ к тем возможностям, которые дает сотрудничество с ЕС, и осложняя торговлю с ним (в том числе, за счет применения санкций к грузоперевозчикам), Брюссель однозначно дал понять руководству ИРИ, что за реализацию ИЯП в ее текущем виде иранскому руководству придется платить своими личными доходами и доходами государства.

Наиболее серьезный удар наносился по энергетическому сектору ИРИ: решение Европейского совета накладывает запрет на продажу и перепродажу в Иран оборудования и технологий, необходимых для наращивания нефтеперерабатывающих мощностей, производства сжиженного природного газа, проведения геологоразведки, а также добычи нефти и газа. С 26 июля 2010 г. страны-члены ЕС не могли оказывать техническую и финансовую помощь в развитии энергетического сектора ИРИ, а также обучать соответствующие кадры. Решением Европейского совета запрещается предоставлять кредиты и займы иранским компаниям, их филиалам и связанным с ними физическим и юридическим лицам, занятым в нефтегазовом секторе как в самой ИРИ, так и за ее пределами, производить покупку акций или полное поглощение подобных фирм, а также создавать с ними совместные предприятия.

Обращает на себя внимание весьма хитрый (и до определенной степени даже иезуитский) шаг европейцев. В отличие от американцев Евросоюз не ввел никаких ограничений, связанных с поставками бензина в ИРИ, но запретил продавать Ирану оборудование и технологии, нужные для строительства новых и модернизации старых НПЗ. Таким образом, европейцы ушли от решения вопроса, связанного с эмбарго на экспорт горючего, что потребовало бы приложения значительных усилий и могло привести к открытому столкновению с ИРИ, а кроме того, формально оказались несвязанными с фактической попыткой лишить Тегеран доступа к стратегически важному виду топлива. Последнее значительно осложнило бы связи с Ираном, где европейцы попрежнему имеют свои интересы, и вызвало бы негативную реакцию части мирового сообщества, включая европейских бизнесменов, получающих доходы от торговли бензином с ИРИ.

В складывающейся ситуации официально вся ответственность ложиться на США: именно они ввели экстерриториальные

санкции, ограничив тем самым Тегерану доступ к энергоносителям, что, в конечном счете, ускорит рост цен на потребительские товары в стране и отрицательно скажется на благосостоянии простого иранского обывателя. В отличие от этого, одно из главных декларируемых европейскими политиками условий применения экономических санкций заключается в том, чтобы от их применения страдали лишь физические и юридические лица, связанные с ИЯП. По этой причине Европейский совет «ограничился» вышеназванным запретом на торговлю оборудованием для иранских НПЗ и инвестиции в их строительство.

В действительности же Брюссель поддержал «бензиновые» меры США. Вводить непопулярные ограничения на торговлю топливом не требовалось – европейские компании под давлением американских угроз и так уже прекратили или снизили поставки горючего в Иран. В складывающейся ситуации важно было лишить руководство ИРИ возможности быстро нарастить собственные производственные мощности, чему решение Европейского совета от 26 июля 2010 г. и способствовало. Оно также учитывало планы иранцев вынести часть производства горючего за пределы ИРИ в лояльные исламскому режиму страны (как, например, Сирия) и запрещало членам ЕС оказывать финансовую и технологическую поддержку любым проектам в энергетической сфере с участием иранцев как в самой стране, так и за ее пределами.

Также куда более глубокий, чем кажется на первый взгляд, смысл вложен и в запрет на участие европейцев в создании в Иране мощностей по производству сжиженного природного газа. Он действительно призван затормозить развитие энергетического сектора ИРИ, затруднив иранцам доступ к альтернативному нефти источнику дохода. В то же время указанное положение в решении Европейского совета еще и служит защите экономических интересов ЕС в стране. При разработке своей долгосрочной стратегии по выходу на международный газовый рынок Иран в течение долгого времени делал ставку не столько на развитие трубопроводов, сколько на создание комплексов по сжижению газа. Это дало бы Тегерану значительную свободу при проведении ценовой политики и, самое главное, расширило бы круг потенциальных покупателей, открыв для него дальневосточные рынки Японии и КНР – главных конкурентов ЕС в борьбе за иранский газ.

Сегодня очевидно, что решение вопроса об участии ИРИ в европейском проекте трубопровода «Набукко» (равно как и реализация прочих подобных проектов с привлечением Ирана) откладывается на неопределенный срок. В этих условиях для европейцев чрезвычайно важно закрыть или, по крайней мере, усложнить доступ к «голубому топливу» потребителям из Восточной Азии в надежде сохранить иранские ресурсы нетронутыми до улучшения ситуации. Именно этой цели и служит запрет на участие компаний ЕС в создании мощностей по производству СПГ.

Европейские руководители, скорее всего, основывают свои расчеты на том, что выход на дальневосточные рынки сбыта через трубопроводы у ИРИ затруднен по причине высоких экономических и политических издержек. Подключение КНР к газопроводу Иран – Пакистан рассматривается пока еще только в сугубо теоретической плоскости. То, что центральноазиатские страны позволят Тегерану воспользоваться своим трубопроводом для выхода на китайский рынок, создавая тем самым себе сильного конкурента в лице Ирана, – маловероятно. Необходимая же технология по созданию СПГ находится в руках всего нескольких американских и трех европейских компаний (французской «Тоталь», немецкой «Линда» и британской «Шелл»). Запрещая своим компаниям участвовать в СПГ-проектах, Брюссель замедляет выход Ирана на внешние рынки, до некоторой степени «консервируя» его газовые резервы до того момента, когда европейские фирмы снова смогут беспрепятственно работать в ИРИ.

В вопросе банковско-финансовых отношений странам-членам ЕС запрещено предоставлять иранскому правительству новые гранты, финансовую поддержку и льготные кредиты, в том числе через международные финансовые организации. Исключение составляли средства, необходимые для гуманитарных нужд и нужд развития. Также рекомендуется проявлять сдержанность при принятии новых обязательств в отношении государственной финансовой поддержки торговли с Ираном, включая предоставление экспортных кредитов, гарантий или страхования своим гражданам или юридическим лицам, во избежание того, чтобы такая финансовая поддержка способствовала развитию иранской ядерной и ракетной программ. Причем в отличие от предыдущих постановлений Европейского совета в новом документе сделан акцент на то, что государству не следует давать даже краткосрочные обязательства.

Как и прежде, власти ЕС предписали государствам-членам проявлять осторожность по отношению к взаимодействию собственных финансовых институтов с иранскими банками, их филиалами и дочерними структурами, расположенными в Евросоюзе и за его пределами. Аналогичную позицию следует занимать и в отношении финансовых институтов, организованных иранцами или принадлежащих им в третьих странах. В частности, европейским банкам вменяется в обязанность проверять свое взаимодействие с указанными структурами (в том числе, исходя из законов, принятых в отношении борьбы с отмыванием денег и терроризмом); требовать от иранцев (под угрозой отмены операции) предоставления полной информации по транзакциям; в течение пяти лет сохранять информацию по транзакции; немедленно информировать национальную структуру, занимающуюся финансовой разведкой (Financial Intelligence Unit), в случае выявления нарушений.

Новыми, по сравнению с предыдущими решениями Европейского совета, явились требования относительно проведения финансовых транзакций с Ираном. Разрешение не требуется на перевод суммы до 10 тыс. евро. Транзакция с объемом финансовых расчетов более 10 тыс., но менее 40 тыс. евро проводится с уведомлением властей европейской страны. Если же общая сумма денежных средств превышает 40 тыс. евро, то здесь требуется получение разрешения от компетентных органов, которые имеют право рассматривать вопрос в течение четырех недель.[127] Европейским финансовым институтам не разрешалось проводить целый ряд операций в интересах представителей ИРИ. Речь идет, например, о предоставлении услуг по страхованию и перестрахованию иранскому правительству, физическим и юридическим лицам, а также о покупке, продаже или оказанию брокерских услуг при торговле государственными облигациями правительству, Центральному банку или другим финансовым институтам ИРИ.

В свою очередь все филиалы и дочерние структуры иранских банков на территории ЕС обязываются уведомлять местные власти о движении средств в течение пяти рабочих дней с момента проведения операции. Финансовым структурам ИРИ запрещено открывать новые филиалы и представительства в Евросоюзе, создавать совместные банки с европейскими финансовыми структурами и устанавливать новые корреспондентские отношения с ними.

Важным является запрет, наложенный уже на европейские банки по открытию своих представительств на территории ИРИ. Вместе с ограничением на создание совместных структур он полностью разрушил планы иранского руководства по снятию проблем, возникших в 2007–2008 гг., когда под влиянием США крупные европейские банки были вынуждены остановить свою работу с Ираном. Именно тогда в иранских политических кругах стала лоббироваться идея о создании совместных банков и разрешении иностранным финансовым институтам впервые после 1979 г. открывать свои представительства в ИРИ. Однако решение Европейского совета от 26 июля 2010 г. исключает участие банков ЕС в этих схемах, равно как и окончательно закрепляет ситуацию, в которой финансовая система ЕС оказывается закрытой для иранцев.

В последнем случае большинство иранских банков, имеющих свои филиалы или представительства в Европе, попали в санкционный список, а осуществлять обеспечение торговых и иных операций через финансовые структуры ЕС стало еще более затруднительно. Дело в том, что разрешенный объем средств (до 40 тыс. евро), который можно свободно или в уведомительном порядке проводить через их систему, ничтожно мал для реализации серьезных сделок. В довершение к этому в постановлении ЕС прописан пункт, который призывает всех граждан Евросоюза быть осторожными и по возможности не иметь деловых отношений с иранцами, особенно если те связаны с КСИР или «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн». Таким образом, любое физическое и юридическое лицо в ЕС получает основание для отказа представителям ИРИ в сотрудничестве.

Дополнить новую систему европейских санкций призваны ограничения в транспортной сфере. Прежде всего ЕС подтвердил право национальных властей в соответствии с их законодательством и при наличии на то причин проводить досмотр грузов, перевозимых иранскими морскими и авиационными транспортными компаниями,[128] а также обязывал требовать у этих компаний предварительную расширенную информацию о грузах, ввозимых на территорию ЕС или вывозимых из Евросоюза.

При этом новый документ дает право не только на досмотр транспортных средств, но и на арест и изъятие запрещенных к перевозке товаров. Кроме того, странам-членам ЕС предписывается, если это позволяет их национальное и международное законодательство, закрыть свои аэропорты для грузовых

рейсов иранских операторов (исключение составляли смешанные грузопассажирские перевозки). А право отказать иранскому самолету в аэропортовом обслуживании дает любое «обоснованное предположение», что он перевозит запрещенный груз.

В целом европейские санкции носят весьма жесткий характер и направлены в первую очередь на оказание давления на Тегеран в экономической сфере. Формально принятые меры сохраняют связь с иранской ядерной промышленностью и военным производством. Внесение любого предприятия или компании, не связанных напрямую с обогащением урана, развитием средств доставки и ракетостроением, в санкционный лист обосновывается тем, что они могут стать источником их финансирования.

Однако, как это уже отмечалось выше, при желании можно обосновать предположение о связи с ИЯП практически любой крупной иранской фирмы. Все важные производства в ИРИ принадлежат либо государству, либо крупным политическим кланам и группировкам. За формулировками о причастности тех или иных представителей иранского бизнеса к КСИР или ядерной программе фактически кроется признание европейцев в том, что предыдущий подход, предусматривавший запугивание иранцев применением жестких мер и лишь выборочное санкционное давление в ожидании скорого решения Тегерана пойти на уступки, не оправдал себя. Руководство ИРИ не восприняло язык угроз, считая их эфемерными и предполагая, что Брюссель не пойдет на обострение отношений с перспективным поставщиком энергоресурсов.

В данной ситуации представители ЕС оказались вынуждены пойти на всеобъемлющие санкции, т.к. иного выбора показать Ирану свое неприятие его ядерной программы в ее нынешнем виде, у них нет. Легитимность и преемственность принятым мерам придает их тесная привязка к ядерной и ракетной программам Тегерана. ЕС даже ввел запрет на размещение у себя иранских инвестиций, если те предполагалось вкладывать в добычу урана или иное производство, связанное с производством и использованием ядерных материалов, разработкой ракетной техники и средств доставки. Однако главной целью пакета новых мер оказалось давление на иранскую экономику (которую предыдущие санкции затрагивали лишь частично), чтобы заставить руководство ИРИ поменять свою позицию в вопросе ИЯП.

Глава 3.
ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ САНКЦИИ США

Реакция Соединенных Штатов после принятия резолюции №1929 не заставила себя долго ждать. 1 июля 2010 г. американские новостные агентства сообщили о том, что президент США Б.Обама подписал разработанный и одобренный Сенатом закон о применении новых односторонних санкций против ИРИ. Несмотря на последовавшие практически незамедлительно заявления официальных иранских лиц о «бессмысленности» и «неэффективности» введенных Вашингтоном мер, международное экспертное сообщество в большинстве своем отметило их необычайно жесткий характер. Еще одной спецификой американских санкций является экстерриториальность, что во многом отличает их от других односторонних мер, принимаемых в различных государствах на национальном уровне. По этой причине описание санкций США вынесено в отдельную главу.

3.1. Американское санкционное законодательство накануне подписания Б.Обамой закона о новых односторонних санкциях 2010 г.

В основе существующего режима экономических санкций, введенных администрацией США против ИРИ, лежит широкая законодательная база, имеющая трехступенчатую структуру. Она сформирована из актов, (1) дающих президенту Соединенных Штатов полномочия инициировать процесс введения ограничений на торгово-экономические отношения с любой страной;[129] (2) оговаривающих санкции в отношении ряда стран, которые, по мнению Белого дома, поддерживают террористов или нарушают международное законодательство;[130] (3) относящихся исключительно к ИРИ.[131] Наблюдение за выполнением санкционного режима осуществляет Управление контроля над зарубежными активами (УКНЗА) Министерства

финансов США. Нарушение его инструкций карается штрафом до 500 тыс. долл. для юридических лиц, а также до 250 тыс. долл. и 20 лет тюрьмы для физических лиц.

В соответствии с законодательством американским гражданам запрещено осуществлять импорт любых товаров, произведенных в Иране, на территорию США непосредственно или через третьи страны. Практически полностью запрещен экспорт американских товаров и услуг в Иран. Граждане Соединенных Штатов не имеют права на ведение прямых или косвенных торгово-экономических операций с правительством ИРИ. Особо подчеркивается, что представители США не могут приобретать и торговать продуктами нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей ИРИ. Им также запрещается оказывать инжиниринговые услуги и предоставлять технологии.

Практически любая финансовая деятельность между американской и иранской сторонами запрещены. В первую очередь это касается инвестирования средств в нефтегазовую и нефтехимическую отрасли, проекты по развитию экономической инфраструктуры, а также в собственность, принадлежащую гражданам Ирана. Американским финансовым институтам не разрешается обслуживать счета иранских государственных организаций или частных лиц, выдавать аккредитивы, предоставлять кредиты, осуществлять вклады в банки Ирана и проводить транзакционные операции с участием иранского капитала или с помощью иранских финансовых институтов. Исключение составляет обеспечение лицензированных и разрешенных сделок. При этом ведение расчетов даже по легализованным УКНЗА Министерства финансов США сделкам с иранским банком «Садерат» запрещено. Администрация Белого дома считает, что именно с его помощью правительство ИРИ осуществляет незаконное финансирование таких исламистских организаций, как «Хизбалла», «Хамас», «Фронт Освобождения Палестины» и «Палестинский исламский джихад».

Если гражданин Соединенных Штатов оказался на территории Ирана, то все производимые расходы должны быть связаны исключительно с его личными потребностями. Представителям США, работающим на территории ИРИ в представительствах таких организаций, как Всемирный банк, МВФ, МАГАТЭ, МОТ и ВОЗ, разрешается вести торгово-финансовые операции, если они необходимы для выполнения их обязанностей в рамках этих структур. При этом оговаривается, что ис-

пользуемые средства не должны расходоваться со счетов американских финансовых институтов. Сотрудники международных организаций, имеющие американское гражданство, не должны заниматься экспортом или реэкспортом товаров, произведенных в США, а также способствовать передаче современных технологий иранской стороне.

Специфика применяемых к Ирану санкций со стороны США заключается в том, что они предусматривают определенные требования к третьим странам, имеющим торгово-экономические отношения с ИРИ. Иностранным фирмам и физическим лицам (с некоторыми оговорками) запрещено участвовать в реэкспорте американских товаров в Иран. Если они будут замечены в этом, то против них могут быть применены определенные ограничения на экспорт товаров и услуг из Соединенных Штатов. Данный запрет подразумевает, что граждане США, независимо от своего местопребывания, не могут выступать посредниками, гарантами, страхователями в торговых сделках между представителями ИРИ и гражданами третьей страны. Американское физическое или юридическое лицо также не должно участвовать в торговле товарами с каким-либо государством, если оно уверено или подозревает, что проданный им товар будет реэкспортирован в Иран или может быть использован для производства другого продукта с его последующей продажей иранским представителям. Исключение из этого правила составляют низкокачественные товары или устаревшие технологии, поставляемые развивающимся странам.

Одним из наиболее важных законодательных актов в этой сфере считается Закон 1996 г. «О санкциях в отношении Ирана» (закон Д'Амато)[132]. Этот документ обязывает президента США принимать меры в отношении иностранных компаний, осуществляющих инвестиции в размере более 20 млн. долларов в течение периода продолжительностью в один год в разработку топливно-энергетических (нефть, газ) ресурсов Ирана. В случае обнаружения нарушения со стороны иностранной компании условий закона 1996 г. американское правительство имеет право применить как минимум любые две из шести возможных санкций, включающие:

1. Отказ Экспортно-импортного банка (Export-Import Bank, Eximbank, Эксимбанк) США предоставлять займы, кредиты, аккредитивы компании, попавшей под действие санкций, для экспорта американских товаров;

2. Отзыв лицензии на экспорт военных технологий и технологий двойного назначения;
3. Отказ американских банков выдавать кредит на сумму более чем 10 млн. долл. США за год;
4. Запрет финансовым институтам быть дилерами государственных облигаций США и/ или лишение их права выступать в качестве хранителей правительственных денежных средств;
5. Запрет на осуществление государственных закупок у компании, попавшей под действие санкций;
6. Ограничение на осуществление компанией, попавшей под действие санкций, импорта товаров в США.[133]

3.2. Причины введения США новых экономических санкций в 2010 г.

Созданная система жестких санкций против ИРИ должна была оказаться весьма эффективной в случае ее применения на практике. Однако, по мнению ряда американских экспертов, этого не произошло, что и потребовало принятия Б.Обамой нового закона №2194, дополнившего и расширившего прежде всего содержание документа Д'Амато. Причин для разработки новых санкций было несколько.[134]

Во-первых, в существовавшем законодательстве имелись «прорехи», не позволяющие оказывать эффективное экономическое воздействие на Тегеран. Прежде всего в понятие запрещенных «инвестиций» не была включена продажа Ирану технического оборудования для добывающих отраслей иранской экономики и иранских нефтехимических заводов. Таким образом, не достигалась главная цель закона Д'Амато: остановить развитие нефтегазового и нефтехимического секторов – основного источника доходов иранской экономики. Характерно, что если с ТНК из Западной Европы американцам еще иногда удавалось достичь определенной договоренности по прекращению поставок оборудования, то уже с восточноевропейскими фирмами, не говоря уже об азиатских, это не получалось. Активнее всего в этом направлении работали румыны, венгры и белорусы. Не под контролем санкций оказалась и торговля третьих стран с Ираном нефтью и бензином. Между тем, как полагали некоторые американские эксперты, именно ее запрет или ограничение могли серьезно сказаться на экономике ИРИ.

Утечка финансов и технологий в Иран происходила также через американские компании, чьим зарегистрированным в третьих странах филиалам и дочерним компаниям не возбранялось взаимодействовать с ИРИ. В частности, в разные периоды с Ираном работали дочерние компании и филиалы фирм «Халлибертон», «Дженерал Электрик», «Кока-Кола».[135] По непроверенным данным, неназванные американские компании осуществляли экспорт все того же оборудования для нефтедобычи через свои филиалы в Бразилии.

Во-вторых, в полную силу закон Д'Амато никогда официально не применялся к иностранным компаниям, ведущим инвестиционную деятельность в энергетическом секторе ИРИ. Установленные ограничения вызывали серьезные нарекания со стороны европейских партнеров Соединенных Штатов как в Европе, так и за ее пределами. Попавшие под действие санкций иностранные корпорации, как правило, обвинялись по другим пунктам американского законодательства, связанным преимущественно с нарушением режима нераспространения оружия массового уничтожения. Американская администрация старалась «не наказывать» фирмы из третьих стран за инвестирование средств в энергетический сектор ИРИ. В большинстве случаев компании, покидавшие иранский рынок, говорили лишь о боязни угрозы применения закона Д'Амато, но не более того. При тщательном рассмотрении подобных дел оказывалось, что решение о выходе принималось под давлением собственного правительства, с которым, в свою очередь, договорились американцы.

Как отмечают аналитики, большинство заключенных после 1996 г. иностранными компаниями контрактов так или иначе нарушают закон Д'Амато. В частности, по логике, санкции должны были быть применены к таким корпорациям, как французская «Тоталь» за договор о развитии нефтяных месторождений Доруд и Балаль, итальянская «Эни» за решение об участии в разработке нефтяных месторождений Доруд, Балаль, Дарховейн, 4-го и 5-го блоков газового месторождения Южный Парс, Китайская Национальная Нефтяная Компания (CNPC) за контракты по развитию нефтяных месторождений Масджед-э Солейман, Северный Азадеган и 11-го блока Южного Парса, другая китайская компания «Синопек» за работу над нефтяными полями Ядаваран, Гармсар и НПЗ в Араке, а также бразильская «Петробрас», норвежские «Норск Гидро» и «Статоил

Гидро», канадская «Боу Велли», южнокорейская «LG», малазийская «SKS-Ventures» и небезызвестная «Роял Датч Шел». Однако единственным крупным случаем использования закона 1996 г. в отношении иностранной компании за осуществление инвестиций в энергетический сектор ИРИ стала реакция США на совместный проект «Тоталь», «Газпрома» и малазийской «Петронас» по развитию 2-го и 3-го блоков месторождения Южный Парс в 1997 г. Впрочем, после переговоров американцы в обмен на укрепление сотрудничества с Брюсселем по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения и противодействия терроризму согласились снять свои требования и впредь не применять санкции в подобных вопросах к компаниям из ЕС. Отмечается, что не последнюю роль в решении проблемы сыграла жалоба Евросоюза в ВТО относительно закона Д'Амато.[136]

В-третьих, не считалось в Вашингтоне допустимым применять всю законодательную базу и с точки зрения перспективы налаживания конструктивного диалога с ИРИ. Тегерану хотели показать, что при наличии значительного количества способов задушить его экономику в Вашингтоне все же хотят обойтись без этого. Попытки установить контакт периодически осуществлялись американцами. Особо активизировались они с 1997 г., когда в ИРИ президентом был избран либеральный М.Хатами, заявивший в январе 1998 г. о принципиальной готовности к диалогу с Вашингтоном. Вслед за этим последовала череда шагов, создавших у обеих сторон иллюзию скорого сближения и наведения мостов между странами.[137]

В Давосе посол США в ООН Б.Ричардсон впервые за многие годы обменялся крепким рукопожатием с тогдашним министром иностранных дел ИРИ К.Харрази. Однако, несмотря на это, состоявшаяся зимой 2000 г. серия закрытых ирано-американских переговоров не смогла закрепить наметившуюся тенденцию к потеплению в отношениях. Администрация Б.Клинтона не отказалась от обвинений ИРИ в поддержке международного терроризма, противодействии процессу ближневосточного мирного урегулирования, попытках заполучить ОМУ и средства его доставки, а также в нарушении прав человека. В то же время сами иранцы добились многих послаблений, главное из которых – «размывание» режима санкций. Так, в ходе заигрываний с администрацией М.Хатами американские власти сняли запрет на закупки Ираном в США медицинской и

сельскохозяйственной продукции, а также на импорт иранских сухофруктов, ковровой продукции и икры.[138]

Фактический провал закрытых переговоров 2000 г. не привел к немедленному ужесточению санкционного режима. Пришедшая к власти в 2001 г. администрация Дж.Буша поначалу декларировала важность активизации ирано-американского политического диалога и нормализации торгово-экономических связей, тем более, что после событий 11 сентября 2001 г. наметился определенный прогресс в налаживании между Вашингтоном и Тегераном двусторонних контактов по контртеррористической и антинаркотической проблематике. Оказывать давление на несговорчивый Тегеран американцы скорее предпочитали другими путями (через международные организации, своих европейских партнеров, путем противодействия вступлению ИРИ в ВТО, причислению ее к «Оси зла» и т.д.), периодически идя даже на некоторые уступки.

Определенные перемены в ситуации произошли в июле 2005 г., когда на выборах президента ИРИ победил столичный мэр М.Ахмадинежад, имевший к тому времени репутацию ультраконсервативного политика и приверженца жесткому внутри- и внешнеполитическому курсу С.А.Хомейни. Практически сразу после своей инаугурации в августе 2005 г. он объявил о неоспоримости права Ирана на развитие мирной атомной энергетики и возобновлении работ по обогащению урана. Затем новый президент сделал ряд демонстративных заявлений о приоритете развития внешнеполитических контактов с «незападными» странами. В лексиконе иранской стороны с новой силой зазвучал лозунг «Смерть Израилю и США», а язвительные высказывания М.Ахмадинежада по поводу холокоста и назидательные письма в адрес своего американского коллеги Дж.Буша предельно накалили атмосферу вокруг ИРИ на международной арене. В ответ американцы приняли в 2006 г. Закон о поддержке свободы в ИРИ. Он предусматривал выплату определенных грантов и пособий иранскому диссидентскому движению, «независимым» теле- и радиостанциям, выступающим за мирную трансформацию режима и активно не приемлющим нарушений ДНЯО. Средства должны были быть предоставлены Фондом защиты человеческих прав и демократии, а также в рамках программ «Инициатива ближневосточного партнерства» и «Расширенная инициатива ближневосточного и североафриканского партнерства».

С конца 2006 г. в американских политических кругах начали обсуждаться предложения по отмене изъятия из тотального торгово-экономического эмбарго (включая ковры и фисташки), внесению КСИР в список международных террористических организаций и усилению давления на компании США, участвующие в инвестиционных проектах в нефтегазовом секторе экономики ИРИ (если их вклад превышал 20 млн. долл.). Также были вынесены на обсуждение вопросы, связанные с давлением на третьи страны, взаимодействующие с Тегераном. Высказывалась идея об отзыве генеральной лицензии на поставку в Иран производимых в ЕС по американским патентам запчастей и комплектующих для «Аэробусов». Также предлагалось автоматически сокращать отчисления Соединенных Штатов в бюджет Всемирного банка в объеме, равном стоимости проектов данной организации в ИРИ, и требовать (а не рекомендовать) от других государств не заключать с Ираном контракты в области атомной энергетики, на поставки обычного вооружения и ракетных комплексов.

Не смогли помешать принятию новых санкций и попытки избранного в 2008 г. президентом США Б.Обамы наладить контакты с Тегераном. Более того, сторонники жесткого давления на ИРИ максимально использовали сложившуюся ситуацию в своих интересах. Дав президенту опробовать все имевшиеся в его распоряжении средства по активизации переговорного процесса с ИРИ, они развернули пропагандистскую кампанию по поводу несговорчивости и внешнеполитической негибкости иранского режима, который, мол, «не услышал» обращенного к нему призыва (насколько этот призыв был искренним, впрочем, также сказать трудно). В дополнение к этому иранский президент М.Ахмадинежад сам лишил свою страну поля для маневра, фактически отвергнув инициативы «шестерки» и заявив о начале обогащения урана на уровне 20%.[139] Все это создало нужное сторонникам новых санкций общественное мнение. Любые заявления представителей ИРИ о готовности Тегерана искать компромисс в вопросе обмена ядерным топливом, а также конструктивно решать проблему иранской ядерной программы (ИЯП) стали теперь восприниматься в мире скептически. Частый отказ от ранее принятых решений, невыполнение требований МАГАТЭ и политическая бравада президента М.Ахмадинежада вызвали серьезные подозрения относительно наличия у Ирана разработок в сфере ядерного оружия. С точки

зрения некоторых аналитиков, руководство ИРИ лишь имитирует переговорный процесс с международным сообществом, отвлекая внимание от настоящих целей ИЯП. На военную компоненту названой программы якобы указывает появившаяся информация о новых ядерных заводах на территории страны и озвученные иранским руководством заявления о проведении испытаний 5 ракет в ходе военных учений в Ормузском проливе весной 2010 г.

Между тем сторонники санкций в США времени не теряли. Пока их оппоненты осуществляли попытки найти безболезненный путь решения «ядерной» проблемы ими методично проводился сбор информации относительно потенциальных методов давления на Тегеран (а, в некоторых случаях, и их апробация). Окончательно вопрос о введении односторонних санкций был решен с принятием 9 июня 2010 г. резолюции СБ ООН №1929 о ситуации, складывающейся вокруг иранской ядерной программы. Будучи по содержанию весьма «слабым» документом все же она, с одной стороны, показала неэффективность отстаивавшихся администрацией Б.Обамы идей об оказании международного давления на ИРИ через Совбез, развязав, таким образом, руки сторонникам более решительных односторонних действий. А, с другой стороны, в ней фактически давалось разрешение странам на самостоятельные действия в санкционном вопросе и намечались ранее лишь кулуарно обсуждавшиеся пути экономического давления на Иран.

Прежде всего государствам рекомендовалось «проявлять бдительность» при операциях с иранскими банками, выдаче разрешения на деятельность представительств финансовых институтов из ИРИ на своей территории или наоборот открытии филиалов собственных финансовых структур в Иране. Кроме того, признавая, что доступ к разнообразным и надежным источникам энергоресурсов имеет кардинальное значение для устойчивого роста и развития любой страны, члены Совбеза отметили в резолюции возможность существования взаимосвязи «между доходами Ирана, генерируемыми в его энергетическом секторе, и финансированием чувствительной в плане распространения ядерной деятельности».[140] В документе особо подчеркивается, что «химическое технологическое оборудование и материалы, необходимые для нефтехимической промышленности, имеют много общего с оборудованием и материалами, необходимыми для ... [организации] ядерного цикла».[141]

В этой ситуации упускать момент американские сторонники жесткой линии поведения по отношению к Тегерану не только не собирались, но и планировали возглавить «санкционное движение». Итогом всего этого и стало подписание законопроекта №2194, получившего название «Закон об иранских санкциях, отчетности и дивестициях».

3.3. Американские экономические санкции 2010 г. и последствия их применения

В соответствии с принятым документом минимальный набор применяемых в случае выявления нарушения санкций увеличивается с двух до трех. К самим мерам наказания были добавлены: (1) запрет на проведение валютных операций с помощью американских физических и юридических лиц, (2) запрет на любые финансовые транзакции с участием американских финансовых институтов, (3) запрет на приобретение и владение американской собственностью. Оказались ужесточены условия снятия санкций, наложенных на иностранные компании, а также освобождения от оговоренных американским законом ограничений. Подписанный Б.Обамой документ подтверждает правило о 20 млн. долл. США как о максимально допустимой сумме инвестиций в нефтегазовый сектор ИРИ. Также уточняется, что если компания ведет несколько инвестиционных проектов, то в 12-месячный период вкладываемые средства по каждому из них не должны превышать 5 млн. долл. США, а их сумма – 20 млн. долл. Кроме того, теперь американским и иностранным компаниям запрещается поставлять в Иран любые товары, услуги или технологии, необходимые для строительства новых или поддержания в функционирующем состоянии существующих НПЗ на территории Ирана, если стоимость разовой поставки превышает 1 млн. долл. США или суммарно за годичный период объем составляет более 5 млн. долл. Серьезным и важным шагом стало ограничение на экспорт продуктов нефтепереработки (т.е. бензина, дизельного топлива, авиационного керосина) в ИРИ. Теперь любая компания гарантированно попадет под действие санкций, если стоимость поставленной разово партии превосходит 1 млн. долл. или 5 млн. долл. США суммарно за год. Те же условия применяются к любой деятельности, обеспечивающей экспорт топ-

лива в Иран (страхование, перевозка, финансирование, брокерские услуги и т.д.)

Дополнить эти ограничения должны отмена сделанных в конце 1990-х гг. послаблений на импорт в США товаров из ИРИ, запрет зарегистрированным на территории третьих стран филиалам и дочерним предприятиям американских компаний вести торговую деятельность с Ираном, ужесточение режима лицензирования экспорта товаров в государства (в первую очередь ОАЭ и Малайзию), из которых продукция в обход существующих ограничений может попасть в ИРИ. Подтверждены и ограничения на деятельность финансовых институтов, если они ведут операции с иранскими банками, через которые якобы происходит финансирование ядерной программы Тегерана или поддерживаются террористы.

Особое внимание власти США уделили поддержке иранской оппозиции: единственный экспорт американских товаров, который должен поощряться в соответствии с новым законом, – поставки информационных технологий, позволяющих развивать интернет, электронные СМИ, обходить устанавливаемые иранским правительством фильтры и в целом способствовать развитию свободы слова. Одновременно с этим планируется подвергать строгим наказаниям не только иранских физических и юридических лиц, связанных с ИЯП и поддержкой терроризма, но и тех из них, кто замечен в нарушении прав человека.

Таким образом, внесенные к закону Д'Амато дополнения значительно расширяют возможности США по оказанию давления на Иран. Во-первых, международное сообщество фактически поставлено в известность, что ранее лишь выборочно исполнявшийся запрет на инвестиции в энергетический сектор не только действует в полную силу, но и ужесточен. Во-вторых, серьезные ограничения наложены на развитие банковской сферы экономики ИРИ и ее контакты с внешним миром. В-третьих, под угрозой оказывается обеспечение потребностей ИРИ в топливе, равно как и дальнейшая судьба всего энергетического сектора страны.

Надо отметить, что бензиновые санкции могут оказаться весьма критичными для Ирана.[142] Это доказала ситуация конца 2009 г. – первой половины 2010 г., когда власти США фактически провели «предварительное тестирование» санкционных мер, прописав в американском бюджете на 2010 г. запрет Эксимбанку предоставлять кредиты какой-либо иностранной

фирме, продающей ИРИ бензин, оборудование для иранских НПЗ или инвестирующей в их развитие. Также госструктурам Соединенных Штатов запрещалось пользоваться услугами иностранных фирм для пополнения стратегического бензинового резерва страны, если те продавали ИРИ бензин на сумму более 1 млн. долл. США. Этого, как отмечают эксперты, оказалось достаточно, чтобы работу с Ираном прекратили швейцарские «Гленкур», «Витол» и «Трафигура», индийская «Релайанс», российский «Лукойл», «Роял Датч Шелл» и «Бритиш Петролеум». Предоставлять свои услуги по страхованию перевозки топлива отказались «Munich Re», «Allianz» и «Hannover Re». Для понимания объема иранских потерь, достаточно отметить, что только «Гленкур», «Витол» и «Трафигура» поставляли ИРИ не менее 130 тыс. баррелей бензина в сутки. Частично их уход в марте – апреле 2010 г. был компенсирован НПЗ Бахрейна и ОАЭ, однако будут ли указанные страны продолжать поставку топлива своему соседу после введения новых санкций, – сказать пока трудно. К июлю 2010 г. из основных традиционных экспортеров бензина в Иран оставались только «Тоталь», «Петронас», китайская «Женхуа» (по другим данным, «Жухай Женранг»), венесуэльская «Петролеос д'Венезуэла» и кувейтская «Kuwait's Independent Petroleum Group». Практически все эти компании так или иначе связаны с США (контрактами или через акционеров). В результате чего обострение отношений с Вашингтоном им явно не на руку.[143]

Дополнительным стимулом для иностранных компаний проявлять осторожность в сделках с Ираном стал и тот факт, что руководство США не только не удовлетворилось введением новых санкций, но и продолжило наращивать свое давление на Тегеран и его партнеров после их принятия. В конце июля 2010 г. Соединенные Штаты начали разрабатывать меры по защите своих компаний от судебного преследования за прекращение ведения дел с ИРИ или деинвестирование средств из этой страны.[144] 7 июля 2010 г. американские власти наложили штраф на ирландскую компанию «Mac Aviation» за поставки в ИРИ запчастей для самолетов F-5 и вертолетных двигателей. В начале июля 2010 г. представители американского казначейства провели консультации с правительствами Германии, Франции, Бельгии, Пакистана, Малайзии и Японии по прогнозам влияния новых санкций на Иран. 2 августа 2010 г. датский перевозчик «A.P. Moeller-Maersk» выплатил 3,1 миллиона долл. США в качестве штрафа,

наложенного на него американскими властями, за нарушение санкционного режима, введенного в отношении ИРИ и Судана.[145] 4 августа 2010 г. губернатор Массачусетса Д.Патрик (Deval Patrick) подписал закон, в соответствии с которым пенсионный фонд штата должен был деинвестировать свои средства из всех компаний, участвующих в развитии иранской нефтяной промышленности.[146] 3 августа 2010 г. американское казначейство внесло в санкционный список 21 компанию, занятую в горной добыче, страховании, инвестиционной деятельности, банковском секторе и инжиниринге. Эти фирмы были зарегистрированы в разных странах, но, по мнению американского руководства, либо непосредственно принадлежали иранцам, либо находились под их контролем.[147]

В начале августа 2010 г. в прессе стала появляться информация о том, что власти США активизировали ведущуюся с 2007 г. работу по расследованию причастности британского банка «Барклайс» к нарушению американского санкционного режима, в итоге руководство банка выразило готовность выплатить причитающийся штраф.[148] 13 августа 2010 г. казначейство США на основе принятого ранее закона ввело в действие положения, запрещающие иностранным банкам или компаниям, осуществляющим транзакции с людьми или организациями, внесенными в санкционные списки резолюций СБ ООН и решений американского правительства, использовать счета банка Америки. Фактически, по мнению экспертов, это означает закрытие для структур, сотрудничающих с Ираном, возможности вести расчеты в долларах США и иметь доступ к финансовой системе этой страны как таковой.[149]

13 августа 2010 г. казначейство США внесло в санкционный список еще три зарегистрированные на Мальте судоходные компании, офелированные с IRISL: «Marble Shipping Limited», «Bushehr Shipping Company» и «ISI Maritime Limited». 20 августа 2010 г. завершился тур заместителя главы казначейства Соединенных Штатов по вопросам борьбы с терроризмом и финансовой разведке С.Леви по восьми странам (Бахрейну, Бразилии, Эквадору, Японии, Ливану, Южной Корее, Турции и ОАЭ), главной целью которого было призвать руководство этих стран поддерживать существующие санкции против ИРИ. По словам чиновника, американское правительство и впредь будет стараться убедить иностранные правительства и частный сектор отказаться от сотрудничества с иранскими бан-

ками, а также от поддержки ядерной и ракетной программ Тегерана. В конце августа 2010 г. в американских СМИ прошла информация о том, что в ближайшее время власти США закончат составление списка компаний, сотрудничающих с ИРИ, и, скорее всего, будут «вынуждены» пополнить санкционный список новыми названиями (перечислялись до 10 фирм).[150] 27 августа 2010 г. тайваньский бизнесмен И.Чен (Yi-Lan Chen) был осужден властями США за незаконные поставки в Иран оборудования, используемого в ракетостроении и производстве беспилотных летательных аппаратов, что осуществлялось им с 2007 г.[151] 7 сентября 2010 г. казначейство США наложило санкции на немецкий «Европейско-иранский торговый банк» за его сотрудничество с банком «Меллят», «Persia International Bank», «Пост» и «Export Development Bank of Iran».

Глава 4.
РЕЖИМ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ИРИ

4.1. Великобритания и страны Британского Содружества Наций

Наиболее последовательную политику в вопросе санкционного давления на Тегеран из всех европейских стран традиционно проводила Великобритания, что во многом объясняется ее напряженными отношениями с ИРИ, тесными связями с США и Израилем, а также относительно небольшим (по сравнению с Францией и Германией) экономическим присутствием[152] в Иране.[153]

Шаг в сторону еще большего обострения отношений с ИРИ после возникновения проблемы ИЯП британцам дался, впрочем, нелегко. По словам высокопоставленных чиновников английского внешнеполитического ведомства, решение поступательно наращивать политическое и иное давление, вплоть до применения санкций и активизации информационно-пропагандистской работы по иранской аудитории (с упором на проблемные вопросы соблюдения прав человека и гражданских свобод) было принято в Лондоне не ранее середины марта 2006 г. Причем, как отмечали в то время представители Великобритании на переговорах с российскими коллегами, делалось это исключительно для того, чтобы не дать повода радикалам из Вашингтона «продавить» альтернативный силовой вариант действий, под которым Лондон в 2006 г. (судя по всему, и позже) не был готов подписаться.[154]

В одном из докладов экономического комитета Палаты лордов от 9 мая 2007 г. указывалось, что сами по себе санкции ни к чему не приведут: опыт Ирака, мол, показывает, что только поддержка жестких экономических мер военными (в первую очередь путем авиационной бомбардировки) может дать результат при решении иранской и северокорейской ядерных

проблем. Однако значительный фактор неопределенности, высокие политические и финансовые издержки при реализации силового варианта (особенно если после авианалетов потребуется провести наземную операцию с последующей оккупацией страны) делают его неприемлемым.[155] Единственным возможным выбором в складывающейся ситуации мог быть, с точки зрения членов Экономического комитета, «ливийский» вариант, когда залогом успешного применения жестких экономических санкций стали полный отказ США от идеи смены режима и налаживание американцами всесторонних полноценных связей с Триполи в обмен на уступки со стороны ливийцев. По этой причине парламентариям предлагалось рассмотреть вариант прагматичного подхода, при котором Соединенным Штатам методично внушалась бы идея более широкого диалога с ИРИ, сопровождающегося всевозможными поощрительными действиями.[156]

Само давление, которое с 2006 г. оказывал Лондон на Тегеран, нельзя назвать мягким: оно было наиболее сильным по сравнению с остальными членами «евротройки». При этом в отличие от Франции, а также Германии его действия не сопровождались бурными официальными высказываниями, отличаясь свойственной британцам последовательностью и методичностью. Так, в ходе контактов с российской стороной иранцы неоднократно жаловались на негативную настроенность представителей Великобритании по отношению к ИРИ в ходе переговоров по ИЯП. В частности, в 2009 г. жесткой критике подвергались действия одного из английских политдиректоров – Р.Купера. По словам иранской стороны, неоднократно случалось так, что когда на переговорах с Х.Соланой иранцам удавалось выйти (фактически выторговать) на приемлемые решения по нескольким позициям сразу, вмешивался англичанин, инициировал перерыв, после которого Х.Солана, по сути, отказывался от прежних договоренностей.[157]

Свою не всегда гибкую позицию по ИЯП британцы дополняли конкретными шагами в экономической сфере. Прежде всего с 2006–2007 гг. был введен негласный запрет на государственную поддержку развития бизнеса с Ираном,[158] а сам экспорт товаров в ИРИ подвергался лицензированию (чтобы исключить поставки товаров двойного назначения).[159] Также Лондоном принимались необходимые шаги по недопущению передачи Тегерану передовых технологий, включая техноло-

гию производства сжиженного природного газа (СПГ). В июне 2009 г. британский суд показательно осудил трех иранских беженцев, пойманных еще в мае 2006 г. при попытке организовать поставки военного оборудования в ИРИ.[160]

Впрочем, накладываемые Лондоном ограничения в сфере торговли не были особо чувствительными для Тегерана. Это объяснялось относительной незначительностью объемов двустороннего товарообмена. Хотя ИРИ была четвертым после Израиля, Саудовской Аравии и ОАЭ по важности торговым партнером англичан в регионе, в действительности отрыв тройки лидеров от Ирана был существенным. По данным Англо-иранской торговой палаты, за последние годы объем товарооборота между странами не превышал 750 млн. долл. США.[161] Даже с учетом поставок услуг, увеличивавших общую сумму приблизительно до 1,2 млрд. долл. США (см. Рис. 9, Рис. 10),[162] Иран в разы уступал тем же ОАЭ (в 2008 г. эта разница, судя по данным Англо-иранской торговой палаты, составляла около 7 раз).[163]

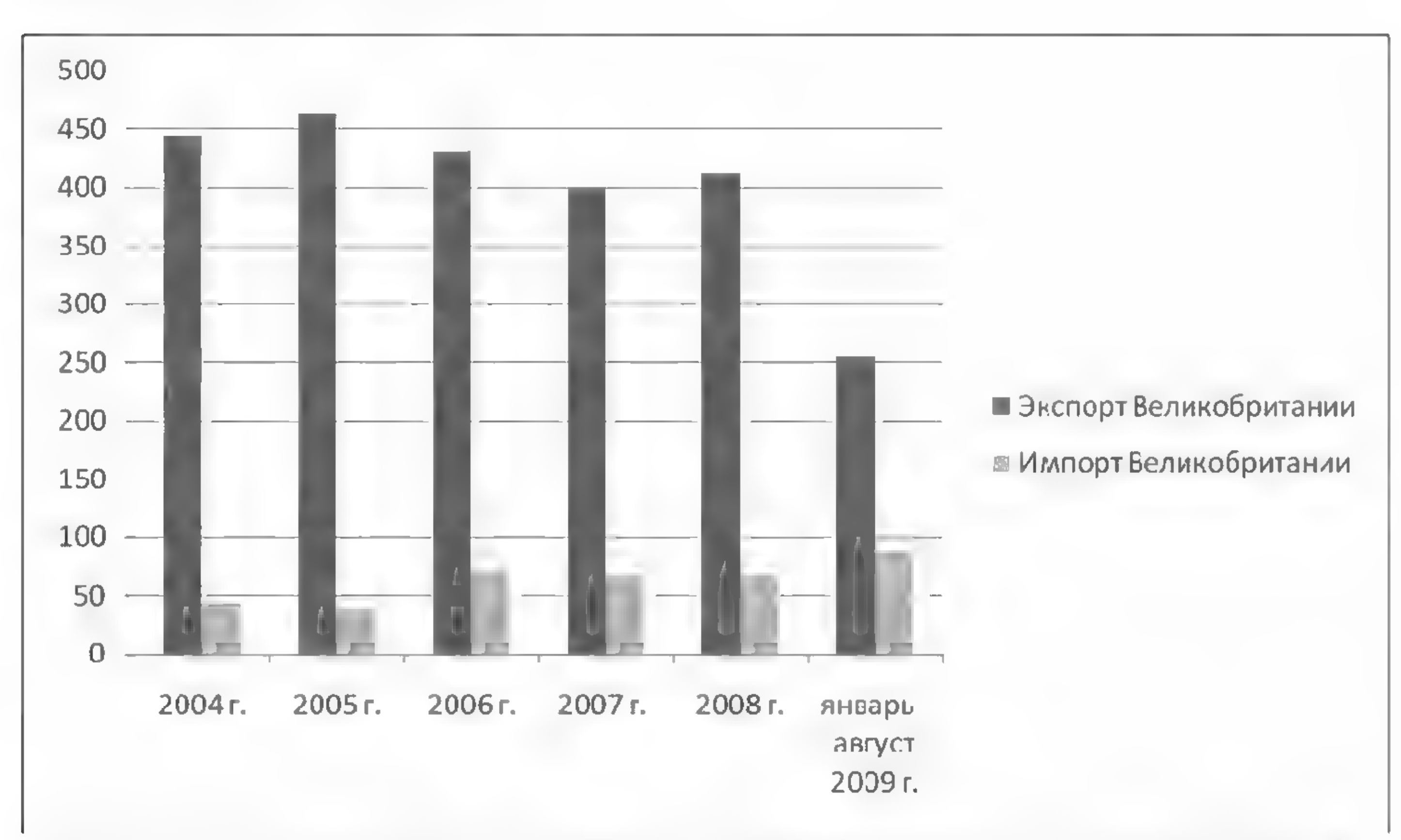

Рисунок 9. Изменения в объемах товарооборота между Ираном и Великобританией в 2004–2009 гг. (млн. фунтов стерлингов).[164]

Куда более существенным оказалось решение Великобритании нанести удар по зарубежным финансовым активам ИРИ. На момент обострения ситуации вокруг ИЯП на территории ко-

ролевства действовали отделения и дочерние структуры иранских банков «Мелли», «Сепах», «Садерат», а также работал принадлежащий иранцам «Persia International Bank plc». По этой причине созданная в 2007 г. собственная правовая база Великобритании для оказания давления на Тегеран основное внимание сконцентрировала именно на финансовых вопросах. Банк Англии и Английское казначейство достаточно строго следили за исполнением главного правового акта национальной системы санкций против ИРИ – Закона о иранских финансовых санкциях (SI 2007/281)[165] и соответствующих инструкций к нему (SI 2007/1374),[166] а также за своевременностью обновления положений указанных актов в связи с возникавшими новыми требованиями.[167] Сами документы вводили по отношению к английским физическим и юридическим лицам строгий запрет на ведение каких-либо финансовых операций с попавшими в санкицонные списки иранцами и иранскими организациями. Активы последних на территории Великобритании и ее заморских владений подлежали немедленной заморозке. Нарушение это положения преследовалось в судебном порядке

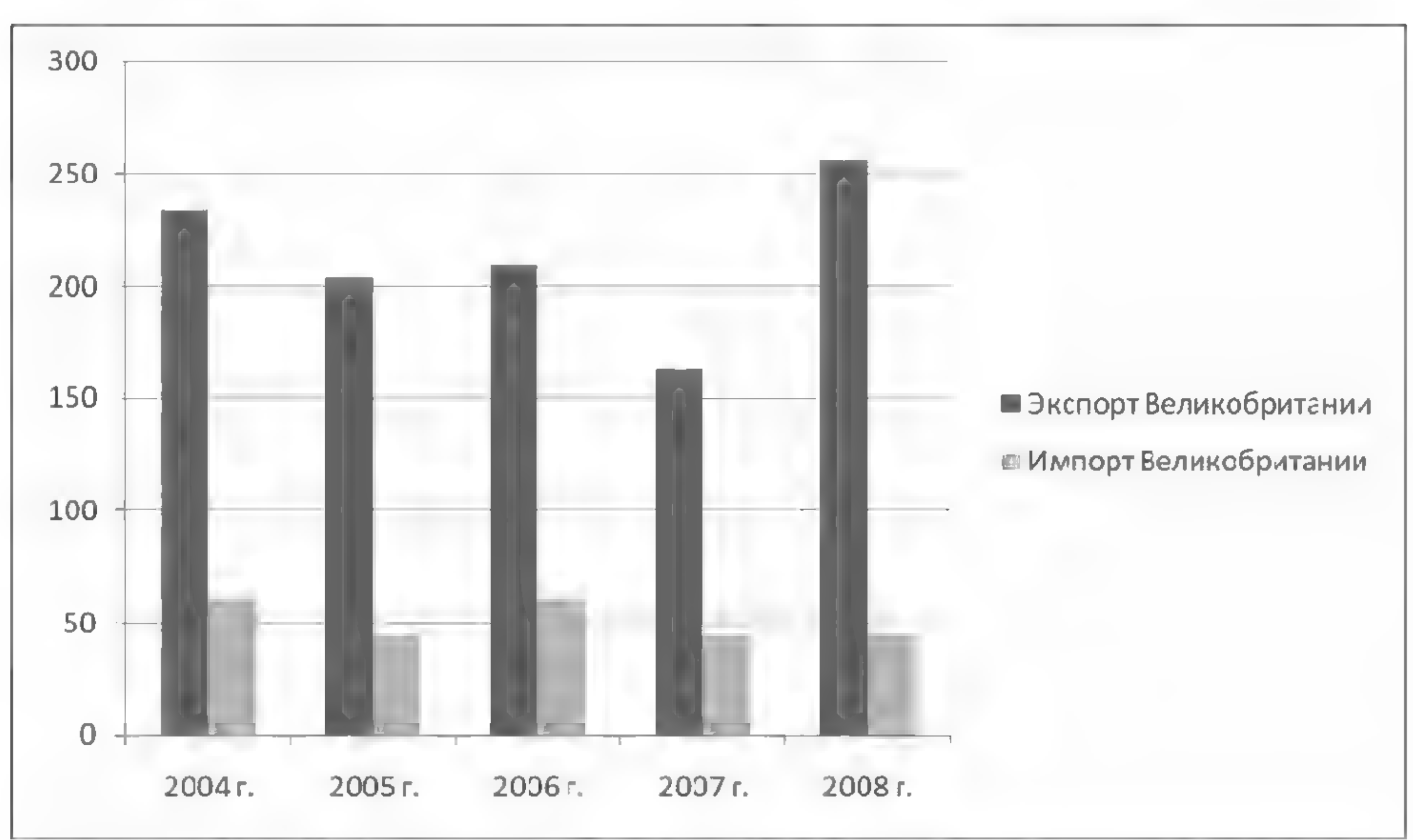

Рисунок 10. Изменения в объемах англо-иранской торговли услугами (млн. фунтов стерлингов).[168]

Из закона все же существовало несколько исключений: не возбранялось начислять проценты по вкладам; осуществлять

платежи с замороженных счетов или начисление на них по контрактам, заключенным до внесения их держателей в санкционный список, а также пополнять счета третьим лицам. Подданные Великобритании могли избежать судебной ответственности, если Казначейство этой страны выдавало соответствующую лицензию на ведение финансовых операций с иранской структурой (чаще всего банковской), находящейся под действием санкций. Как правило, лицензии предоставлялись на использование аккредитивов по ранее заключенным контрактам, а также на осуществление финансовых расчетов и операций по аккредитивам, если в схеме были задействованы филиалы иранских банков, находящихся в Европейской Экономической Зоне, но за пределами Великобритании.

Первым финансовым институтом, попавшим под действие санкций на территории Великобритании, был «Bank Sepah International». С 24 марта 2007 г. его финансовая деятельность фактически была приостановлена. Банк мог лишь осуществлять хозяйственные выплаты (зарплату сотрудникам), закрывать депозиты лиц, не связанных с ИЯП, а также под строгим контролем властей производить выплаты/зачисления по счетам (если те не имели отношения к ИЯП и в результате не передавали финансовые средства в руки лиц из санкционного списка) и работу с аккредитивами по ранее заключенным договорам.

С 2008 г. крупнейшие английские банки (включая «Barclays», «HSBC» и «Standard Chartered») отказались участвовать в финансовых транзакциях, инициаторами которых выступали иранские физические и юридические лица (независимо от их связи с ИЯП). В июне 2008 г. англичане, ссылаясь на соответствующие постановления Европейского совета, приостановили деятельность лондонского филиала иранского банка «Мелли» и «Melli Bank plc» (включая его отделение в Гон-Конге). С 11 ноября 2008 года под строгий контроль была поставлена деятельность банка «Садерат», а 12 октября 2009 года английским казначейством со ссылкой на Антитеррористический закон 2008 г. был проведен указ, накладывающий на финансовый сектор запрет на ведение дел с банком «Меллят» и судоходной компанией «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн», а также их филиалами.[169] Всего, судя по докладу высокопоставленных лиц английского Казначейства, к середине 2009 г. на территории Великобри-

тании было заморожено иранских активов на сумму приблизительно 1,5 млрд. долл. США.[170]

К принятию новых санкций 2010 г. англичане начали готовиться заранее. В немалой степени к этому их подталкивали американцы, упиравшие на то, что иранцы оказались несговорчивыми в вопросе решения ИЯП. В феврале 2010 г. правительство США направило в министерства иностранных дел Великобритании, Франции и Германии письмо, в котором обсуждались перспективы принятия новых мер в отношении ИРИ, включая применение санкций касательно иранского Центрального банка и компаний, связанных с КСИР.[171] Инициатива была активно воспринята англичанами. В марте 2010 г. глава внешнеполитического ведомства Великобритании Д.Милибэнд посетил Пекин с целью привлечь КНР на свою сторону. В это же время схожее послание было направлено Бразилии. В апреле 2010 г. британцы провели сверку позиций с представителями Германии.

Примерно в это же время английское руководство оказывает воздействие на свои компании, принуждая их свернуть сотрудничество с ИРИ. В марте 2010 г. компания «Ллойдс» объявила о внесении Ирана в список территорий высокого риска для компаний, осуществляющих страхование морских перевозок. Уже в июле 2010 г. эта же фирма объявила об ужесточении условий страхования танкеров, перевозящих бензин для Ирана. В мае 2010 г. английские власти не стали защищать зарегистрированную в Великобритании компанию «Balli Aviation Limited», и та попала под американские санкции за подозрение в поставках комплектующих для самолетов класса «Боинг» в ИРИ. 5 июля 2010 г. «Бриттиш Петролеум» объявила о разрыве всех контрактов на заправку иранских самолетов. Одновременно в прессу просочились слухи о том, что в аэропортах Великобритании, ОАЭ и Германии отказываются предоставлять горючее таким воздушным перевозчикам ИРИ, как «Иран Эйр» и «Махан». Эти новости, впрочем, официального подтверждения не нашли.[172] 8 июля 2010 г. «Роял Датч Шелл» объявила о своем решении не продлевать контракт на поставки топлива для самолетов «Иран Эйр». С 9 июля 2010 г. британская «Ллойдс» (Lloyd's) прекратила страховать и перестраховывать поставки бензина в Иран.

Важным инструментом в оказании давления на Иран после принятия общих европейских санкций летом 2010 г. для Вели-

кобритании стала оказанная ей поддержка некоторых стран Британского Содружества Наций и, в первую очередь, Канады и Австралии. Еще 8 февраля 2010 г. министры иностранных дел обеих стран Л.Кэннон[173] и С.Смит[174] (Канада и Австралия, соответственно) выступили с заявлением относительно существующих опасений о выходе Ирана на уровень обогащения в 20%. С точки зрения канадца, данное действие фактически косвенно подтвердило факт наличия у Тегерана незаявленной военной компоненты его ядерной программы.

По этой причине Оттава незамедлительно выступила в поддержку принятой резолюции СБ ООН №1929, подтвердив свое решение следовать ее положениям, таким образом автоматически создав «черный список» из 42 физических и 279 юридических лиц. Однако на этом канадцы не остановились. Фактически за шесть дней до принятия Европейским советом односторонних мер в отношении ИРИ – 22 июля 2010 г. они ввели собственные санкции в рамках национального Закона о специальных экономических мерах. Новый документ получил название Инструкции по специальным экономическим мерам в отношении Ирана.

В первую очередь оказался значительно увеличен санкционный лист, в который были внесены не только лица и компании, связанные с ИЯП, но и высокопоставленные офицеры КСИР, а также подконтрольные им фирмы и их руководство. Канадским гражданам настрого запрещалось вести с ними торгово-финансовые операции и обслуживать их деятельность. Общему запрету подверглась торговля с ИРИ оружием и товарами, которые могли способствовать развитию ядерной программы Тегерана. Жесткие ограничения коснулись и банковского сектора. Иранские финансовые институты фактически более не могли открывать свои представительства в Канаде или приобретать доли в управлении канадскими банками. То же самое в отношении ИРИ касалось и канадцев. Кроме того, канадские граждане не имели права покупать облигации государственного займа, эмитированные Ираном.

Значимыми оказались и меры, затрагивавшие интересы транспортного и энергетического секторов ИРИ. С 22 июля 2010 г. судам крупнейшего иранского перевозчика «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн» отказывалось в каком-либо обслуживании на территории Канады. Вводился запрет на инвестиции в энергетический сектор ИРИ, а также поставку

оборудования и технологий, необходимых для строительства НПЗ и наращивания мощностей по производству СПГ.

Несколько в отличном от Канады ключе создавался санкционный режим в Австралии. Последняя еще с октября 2008 г. ввела меры в отношении 20 физических и 18 юридических лиц, заподозренных в связях с ИЯП. После принятия СБ ООН новой резолюции Канберра 15 июля 2010 г. расширила свой список, добавив в него «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн», банк «Меллят» и руководителя «Хатам-ол-анбия» Р.Гасеми. При этом правительство Австралии заявило, что не собирается ограничиваться только указанным шагом. Оно не стало принимать новые санкции раньше ЕС, как это сделали в Канаде, однако сразу же после принятия европейцами соответствующих решений С.Смит выступил в их поддержку, а 29 июля сообщил о введении Австралией собственных санкций. Он подчеркнул, что озвученные меры значительно выходят за рамки резолюции №1929, затрагивая энергетический, финансовый и транспортный сектор экономики, однако в целом они направлены на поддержку реализации решений Совбеза.

В частности, австралийские санкции предусматривали расширение санкционного списка еще на 12 физических и 98 юридических лиц, занятых в финансовом и транспортном секторах экономики ИРИ и, предположительно, связанных с ИЯП. Вводился запрет на торговлю оружием и материалами, которые можно использовать при производстве ракетной техники, ядерного, химического и биологического ОМУ. Австралийским компаниям также не разрешалось создавать совместные с иранцами предприятия по добыче урана, развитию ядерных и ракетных технологий. Особые ограничения вводились на сотрудничество с ИРИ в энергетической, транспортной и финансовой сферах.

В целом созданный Канадой и Австралией санкционный режим является копией введенных США и ЕС мер. Его специфика проявляется лишь в нескольких моментах: (1) как и европейцы, обе эти страны не стали вводить ограничения на поставки бензина в ИРИ; (2) был затронут вопрос о правах человека, что является характерной визитной карточкой этих стран; (3) формулировки запретов приняты в чуть более категоричной, чем у ЕС, форме, а также предусмотрено куда меньшее количество исключений из них. Впрочем, жесткость формулировок объясняется достаточно просто: ни Австралия, ни Кана-

да не входят в число ведущих торговых партнеров ИРИ. В отличие от стран ЕС экономические потери от резкости их заявлений будут не столь велики. В указанном случае речь идет не столько о фактическом, сколько о моральном давлении на Тегеран, которое к тому же позволит Канаде и Австралии подчеркнуть лояльность своим стратегическим партнерам и напомнить о себе как о некой силе на мировой политической арене. Несколько иная ситуация складывается в вопросе применения санкций у Великобритании. Ее торгово-экономические отношения с ИРИ тоже невелики. Однако принятые меры могут оказаться куда более эффективными, так как самые важные из них затрагивают финансовую сферу, где Лондон играет отнюдь не последнюю роль.

4.2. Франция и Германия

Позиция Франции и Германии в вопросе оказания санкционного давления на ИРИ в 2007–2010 гг. значительно отличалась от английской. И хотя с приходом к власти А.Меркель в ноябре 2005 г. и Н.Саркози в мае 2007 г. в выступлениях официальных представителей Парижа и Берлина зазвучали слова о необходимости «усмирения» Ирана по вопросу ИЯП, до 2010 г. ни французские, ни немецкие руководители не спешили реализовывать свои угрозы на практике. На момент введения первых санкций обе страны были в значительной степени вовлечены в торгово-экономическое сотрудничество с ИРИ, прекратить или ограничить которое мгновенно они не могли. Более того, несмотря на достаточно агрессивные в некоторых случаях политические заявления, их экономические связи с Тегераном продолжали развиваться и в непростых условиях санкционного режима 2007–2010 гг.

Следует учесть, что на подходах Франции и Германии сказались как их региональные амбиции, так и попытки противопоставить свою точку зрения американской позиции. В частности, Ближний и Средний Восток традиционно играет важную роль во внешнеполитических планах Франции. Свою деятельность на этом направлении Париж строит на принципах, подразумевающих индивидуальный подход к каждой стране. Французское руководство неоднократно заявляло о неприемлемости для него доктрин, подобных американской теории «Большого

Востока», обобщающих разнородный регион под понятиями «мусульманский», а также «арабский мир». Его представители постоянно акцентируют нацеленность Парижа на сотрудничество с любыми странами и режимами в противовес американскому миссионерскому подходу, позволяющему Вашингтону грубо вмешиваться в дела третьих стран. С этих позиций свое проникновение в регион Франция осуществляла исключительно экономическими методами, через оказание поддержки своим инвесторам на Ближнем и Среднем Востоке, налаживание информационного и технологического обмена, осуществление помощи проходящим в развивающихся странах реформам.

Подтверждая право Ирана на мирный атом, французы последовательно выступали за полное прекращение Тегераном обогатительной деятельности. По их мнению, руководству ИРИ незачем производить топливо, пока у него нет собственных АЭС. Станция в Бушере не принималась во внимание, т.к. все ее нужды обеспечиваются Россией, давшей обязательство не передавать ядерные технологии иранцам. Главным вариантом решения проблемы ИЯП, с точки зрения французского руководства, в течение долгого времени считалось создание совместного обогатительного консорциума. В отношении возможного применения силы против Тегерана у Парижа выработана весьма жесткая позиция: он выступал против военного или незаконного вмешательства (подразумевается смена руководства Ирана силами извне), пока нет неоспоримого доказательства того, что в ИРИ происходит создание ядерного оружия. В этой связи переговоры с Ираном по линии ЕС и «шестерки» во Франции изначально воспринимались в качестве единственно возможного варианта выхода из сложившейся вокруг ИЯП ситуации.

Французское руководство после введения первых санкций СБ ООН официально заявило об их поддержке, а также на словах обязалось ввести ряд собственных «инициативных» мер. В частности, был объявлен курс на сокращение торгово-экономических связей с ИРИ через прекращение оказания государственной помощи бизнесу, ведущему дела с Ираном, закрытие собственной банковской системы для компаний из ИРИ, контроль за передачей Тегерану передовых технологий, включая технологию производства сжиженного природного газа (СПГ).[175] Однако эти инициативы Парижа в большей степени оставались на бумаге.

К 2007 г. в ИРИ Францией выполнялось или уже было выполнено с 1994 г. около 30 инвестиционных проектов (не считая нефтегазовую отрасль, см. Рис. 1, 2). На иранском рынке присутствовало порядка 30 фирм и предприятий, включая «Тоталь», «Пежо-Ситроен», «Рено»,[176] «Альстом», «Алькатель», «Талес», «Санофи», «Эйр Франс». Париж проявлял активность в нефтегазовом секторе (включая добычу ресурсов и поставку соответствующего оборудования), в области железнодорожного и морского транспорта, финансовой сфере. Кроме того, Францией по линии ОЭСР оказывалась существенная донорская помощь по проектам развития.[177] Оставить все эти начинания к моменту введения санкций французский бизнес был не готов. Правда, фактически этого сокращения и не произошло. Более того, товарооборот между странами продолжал расти. В 2004 г. он составлял 4,8 млрд. долл. США, в 2007 г. – 5,4 млрд. долл. США, а в 2009 г. – 6,1 млрд. долл. США. Причем, если в 2004 г. объемы французского экспорта в ИРИ превышали импорт, то в 2009 г. ситуация изменилась в пользу Ирана.[178]

Несмотря на то, что с 2007 по 2009 гг. количество французских фирм на иранском рынке все же уменьшилось, главные игроки приложили максимум усилий, чтобы остаться. Так, фирма «Пежо-Ситроен» успешно реализовала подписанный контракт относительно создания в Иране сборочного производства автомобилей 206-й серии, а компания «Рено» инвестировала средства (около 200 млн. долл. США) в создание совместного с двумя иранскими производителями («Иран Ходро» и «Сайпа») предприятия «Рено Парс» для сборки автомобилей типа «Логан» и «Меган».

Не менее активны французские компании были и в важных для Ирана нефтехимическом и энергетическом секторах экономики. В 2008 г. строительная инжиниринговая компания «Текнип» (Technip) заявила о своем участии в одном из нефтехимических проектов на месторождении Ассалуйе (проект «Джам» по производству олефина). В октябре 2009 г. дочерняя компания «Газ де франс» – «Софрегаз» (Sofregaz) приняла решение об участии в проекте Национальной Иранской Нефтяной Компании (НИНК) стоимостью 44 млн. долл. США по строительству хранилищ природного газа. Одним из важных поставщиков бензина на иранский рынок до 2009 г. оставалась французская «Тоталь», которая, несмотря на все заявления о прекращении работы по новым проектам на иранском направлении,

продолжила переговорный процесс с представителями ИРИ о своем участии в развитии 11-го блока газового месторождения Южный Парс.[179]

Экономическая выгода для Парижа в 2007–2009 гг. оказалась намного выше политических амбиций: «Пежо-Сетроен», «Рено», «Текнип», «Софрегаз» и «Тоталь» действовали на иранском направлении с неофициального одобрения французского правительства, которое в своих политических выступлениях требовало «приструнить непокорный» Тегеран. Между тем работать полностью скрытно официальный Париж не смог. Явная государственная поддержка прослеживалась как в случае с компанией «Софрегаз», которой владеет «Газ де франс», чьи 36% акций принадлежат французскому правительству, так и в случае с «Тоталь».[180] Когда российская сторона активизировала в 2008–2009 гг. свое сотрудничество с ИРИ в энергетической сфере, посольство Франции в Тегеране посчитало своим долгом по дипломатическим каналам ненавязчиво напомнить Москве, что 11-й блок месторождения Южный Парс представляет интерес для Парижа и «Газпрому» не следует претендовать на него. Таким образом, выступая за усиление давления на ИРИ и официально декларируя введение дополнительных мер в ее отношении, французское руководство в 2007–2009 гг. не торопилось выполнять свои инициативы и фактически создавало бреши в санкционном режиме.

Во многом схожей с французской была в 2007–2009 гг. и позиция Германии, которая по ряду исторически обусловленных причин в течение долгого времени оставалась одним из главных европейских торговых партнеров ИРИ.[181] По оценке некоторых экспертов, к началу введения санкций в 2007 г. в Иране присутствовало до 1500 немецких компаний, работавших в различных отраслях экономики от автомобилестроения, включая компании «Даймлер» (Daimler), «Фольксваген» (Volkswagen), до энергетики.[182] Товарооборот имел устойчивую тенденцию к росту. Причем в отличие от большинства ведущих европейских торговых партнеров Ирана (Испании, Италии, Франции), ИРИ для Германии выступала прежде всего как рынок сбыта собственных товаров.

Важен был Иран и как партнер по инвестиционному сотрудничеству. Особо представителей Германии интересовала сфера энергетики. В Берлине с определенным интересом прислушивались к планам Тегерана относительно поставок газа

в ЕС. Активно проходило взаимодействие и в финансовой сфере. В Комитете содействия развитию ОЭСР объемы немецкой помощи Ирану были наибольшими (около 40 млн. долл. США в год) по сравнению с остальными участниками.[183] Налаживались контакты по линии гуманитарного сотрудничества (программа работы с лагерями афганских беженцев и т. д.).

На этом фоне введение жестких санкций не входило в планы германского руководства, хотя определенные корректировки в свою экономическую деятельность в Иране ему все же пришлось внести. Подчиняясь решениям Европейского совета 2007–2008 гг., немцы значительно сократили объем экспортных кредитов, предоставляемых по сделкам с представителями ИРИ (в 2008 г. их общая сумма составила 186 млн. долл. США – примерно одну четвертую от показателя 2007 г.).[184] Были ужесточены условия гарантии по ним. Теперь кредит должен был быть погашен максимум за 360 суток, а не за 7–10 лет, что в большей мере соответствовало условиям реализации масштабных инфраструктурных проектов. Строгому лицензированию подвергался сам экспорт товаров в ИРИ. В 2008 г. вслед за английскими и французскими финансовыми институтами прекратило работу с Ираном и большинство немецких банков, включая «Комерцбанк» (Commerzbank) и «Дойчебанк» (Deutsche Bank). В Берлине достаточно спокойно отреагировали на решение США в августе 2009 г. наложить штраф на компанию «DHL» за якобы имевшие место нарушения при ведении отчетности о работе с Ираном.[185]

На политическом уровне все эти действия сопровождались весьма гибкими высказываниями немецких официальных лиц. Представители Берлина, с одной стороны, выражали обеспокоенность ситуацией вокруг ИЯП, а, с другой стороны, с определенной периодичностью заявляли о готовности Берлина немедленно снять все санкции, как только Иран примет решение о приостановке обогатительной деятельности и сядет за стол переговоров. Некоторые аналитики видели в этом четкие сигналы иранской стороне о том, что не стоит смешивать позицию Берлина с английской и американской. Можно было заключить, что немцы надеются на временный характер возникших трудностей, но что они не помешают дальнейшему сотрудничеству.[186] Характерно, что в 2007–2009 гг. торгово-экономическая секция посольства Германии в ИРИ активизировала свою деятельность, обеспечивая присутствие немецких компаний на рынке ИРИ.

В этом плане весьма показательным стал неофициальный визит бывшего канцлера Германии Г.Шредера в Иран в феврале 2009 г., вызвавший ощутимый резонанс как в самой ИРИ, так и за ее пределами. Главной целью его четырехдневного пребывания тогда официально декларировалось участие в открытии двух медицинских центров, построенных на территории страны. Между тем за указанный период Г.Шредер провел встречи с президентом Ирана М.Ахмадинежадом, министром иностранных дел М.Моттаки, главой Совета по определению целесообразности принимаемых решений (СОЦПР) А.А.Хашеми-Рафсанджани, спикером меджлиса А.Лариджани и еще не снявшим на тот момент свою кандидатуру с президентских выборов 2009 г. М.Хатами, а также представителями ТПП ИРИ.

Коснувшись развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества, стороны положительно оценили его результаты. При этом отмечалось, что несмотря на в целом неблагоприятные внешние условия, Берлин и Тегеран наращивают взаимодействие. Г.Шредер неоднократно подчеркивал, что будущее ирано-германских торгово-экономических отношений неразрывно связано с энергетическим сектором. При этом, по словам бывшего канцлера, решаемой выглядела и проблема санкций. Он вполне прозрачно намекнул, что если международные решения требуют неукоснительного им следования, то «все остальное можно урегулировать путем переговоров».

Именно на основе этой формулы («исполняем международные решения, а об остальном можно договориться») и строил свои торгово-экономические отношения с Ираном в 2007–2009 гг. Берлин. О результатах ее применения позволяет судить тот факт, что немецко-иранское сотрудничество в указанный период только наращивалось. К 2009 г. торговый оборот между странами вышел на уровень 7 млрд. долл. США. В вопросе инвестиций германские компании стремительно брали инициативу в свои руки, опережая менее решительных коллег по ЕС. Так, в ноябре 2008 г. немецкая фирма «Штайнер» («Steiner») заключает контракт на сумму 147 млн. долл. США на участие в строительстве трех фабрик по производству СПГ.[187] Объявление об этой сделке немедленно вызвало бурный резонанс. Фактически она нарушала негласную договоренность ведущих держав временно не передавать технологии выработки СПГ в руки иранцам и не способствовать строительству подобных предприятий. Официальный Берлин в те-

чение некоторого времени старался оставить эту сделку без комментариев. Вместе с тем, когда ситуация начала накаляться, он достаточно жестко обозначил, что действия фирмы «Штайнер» «полностью соответствуют требованиям существующего законодательства».[188]

В июле 2009 г. другая немецкая компания – «Коперион» («Coperion») приняла решение об участии в создании нефтехимического комплекса «Риджаль». В ноябре 2009 г. исполнительный директор Национальной иранской газовой компании Р.Касаизаде сообщил о присоединении некоей немецкой фирмы к переговорам, ведущимся с австрийской «OMV» относительно возможности разработки 12-го блока газового месторождения Южный Парс.

Берлин дольше всех членов «евротройки» сомневался в целесообразности введения жестких санкций 2010 г. Еще за год до этого в июле 2009 г. на встрече руководителей внешнеполитических ведомств ЕС заместитель министра иностранных дел Германии Г.Глосер заявил о решимости своей страны проводить переговоры с Ираном. В тот момент его слова были интерпретированы рядом аналитиков, как явный отказ Берлина от применения санкций.[189] И хотя уже в августе 2009 г. А.Меркель выступила с куда более жестким заявлением,[190] немецкие власти оговаривали возможность применения к ИРИ новых рычагов давления только при отсутствии прогресса по ИЯП.[191] Тем самым в политике Берлина в отношении санкций до осени 2009 г. продолжала сохранятся двойственность: с одной стороны, несговорчивость Тегерана по ядерному досье, обязательства перед партнерами по ЕС, периодическое давление со стороны США и Израиля подталкивали руководство Германии к более решительным действиям. Однако, с другой стороны, устойчивые экономические интересы немецких компаний в ИРИ не позволяли сократить свое присутствие в этой стране или оказать на Тегеран воздействие, выходящее за оговоренные резолюциями СБ ООН и решениями Европейского совета рамки.

Отмеченная двойственность, несомненно, способствовала снижению эффективности применяемых санкций. Не исключено, что в некоторых случаях во властных структурах Германии старались не замечать и некоторых нарушений. Косвенно об этом свидетельствует ряд фактов, «неожиданно» вскрывшихся после того, как «евротройка» в конце 2009 – начале 2010 гг. окончательно сошлась во мнении о необходимости усиления давления

на Тегеран. В декабре 2009 г. немецкое правительство начало расследование относительно возможных поставок фирмой «Сименс» товаров двойного назначения в ИРИ. В июле 2010 г. власти обратили внимание на зарегистрированный в Гамбурге «Европейско-иранский торговый банк» (European-Iranian Trade Bank AG), который принадлежал иранцам и, как утверждалось, проводил операции в интересах внесенных в «санкционный» список лиц и структур.[192] Не знать об осуществлении подобной деятельности было практически невозможно, принимая во внимание европейскую систему строгого контроля за экспортом в Иран и банковскими операциями с этой страной. Возможно, в Берлине были прекрасно осведомлены о деятельности как «Сименс», так и «Европейско-иранского торгового банка». Но меры были приняты лишь тогда, когда пришли к выводу, что любая уступка Тегерану воспринимается там как проявление слабости и подтверждение правильности выбранного курса по реализации ИЯП.

Во многом определяющим в вопросе о необходимости введения новых санкций для Германии и Франции стал фактический отказ Ирана от участия в сделке по обмену ядерным топливом в октябре 2009 г. Немецкий министр иностранных дел Г.Вестервелле (Guido Westerwelle) в ходе своего визита в Израиль в конце ноября 2009 г. заявил, что терпение Берлина в отношении ИЯП «не бесконечно» и его страна может ввести новые санкции даже без поддержки остальных государств.[193] Одновременно Германия поддержала новую резолюцию МАГАТЭ. Как и английское правительство, руководство этой страны постаралось заручиться поддержкой своих партнеров в вопросе применения новых мер в отношении Тегерана. Зимой – весной 2010 г. были проведены соответствующие консультации с представителями США, Великобритании, ОАЭ и Бразилии.

Ухудшение франко- и германо-иранских отношений произошло в 2010 г. и в экономической сфере. С мая (по другим данным, с июня) 2010 г. «Тоталь» объявила о своем решении прекратить экспорт бензина в Иран. В конце января 2010 г. немецкий консорциум разорвал контракт на модернизацию иранского порта Бандар-Аббас. С февраля 2010 г. немецкие бизнесмены стали отмечать возникновение значительных трудностей при ведении дел с ИРИ, в том числе, по причине возросшего давления со стороны США и Израиля. Крупнейшие страховые компании «Munich Re AG» и «Allianz SE» объявили о прекращении заключения новых сделок с иранскими фирмами.

Вслед за ними в апреле 2010 г. концерн «Даймлер» сообщил о своем намерении деинвестировать средства из ИРИ (ему принадлежало 30% акций совместного с «Иран Ходро» предприятия). 8 августа 2010 г. немецкие власти блокировали поставку компанией «Сименс» груза для АЭС «Бушер».[194]

Ужесточение позиции Германии и Франции, которые были на протяжении долгого периода времени одними из главных европейских торгово-экономических партнеров Ирана, в вопросе применения санкций дало надежду сторонникам скорейшего и кардинального решения проблемы ИЯП на то, что впервые благодаря совместным усилиям ведущих держав удастся создать эффективный санкционный режим, способный принудить Тегеран к конструктивному диалогу. Немаловажным оказался настрой Берлина и Парижа реализовывать свои решения на практике. Несмотря на то, что ряд аналитиков исходил из предположения о скором смягчении подходов Берлина и Парижа в угоду упускаемой ими экономической выгоде, последние явно не намерены останавливаться на достигнутом, продолжая работу со своими бизнес кругами.

10 сентября 2010 г. немецкая компания «Линда» (Linde), обладающая технологией производства СПГ, сообщила о своем уходе из Ирана, хотя, по приблизительным подсчетам, стоимость реализуемых ею проектов в этой стране составляет 49 млн. долл. США.[195] Со схожим заявлением 23 сентября 2010 г. выступила сталелитейная корпорация «Тиссен-Крупп» (ThyssenKrupp), чьи сделки с ИРИ оцениваются уже в 256 млн. долл. США.[196] Обращает на себя внимание, что обе эти компании объявили о своем полном уходе из страны (т.е. разрыве уже заключенных сделок), а не о заморозке переговоров по новым проектам, как это практиковалось европейскими фирмами до летних санкций 2010 г. Сам факт ухода иностранного бизнеса из сфер, напрямую не связанных (в случае с «Тиссен-Крупп») с нефтедобычей, транспортным или финансовым секторами, позволяет говорить о распространении санкций на всю экономику ИРИ.

В то же время нет полной уверенности в готовности немецкого и французского бизнеса прервать все контакты с ИРИ в рамках политических интересов руководства своих стран. Эти сомнения подкрепляются и определенными фактами. Так, по некоторым данным, в период с мая по август 2010 г. «Тоталь», а также «Эни» и «Шелл» значительно увеличили закупки иранской нефти у НИНК.[197]

4.3. Италия и Испания

Зачастую при рассмотрении вопроса о эффективности санкций исследователи концентрируют все внимание на решениях «евротройки» и их реализации на практике. Между тем необходимо уделить внимание и тем странам, которые, не афишируя сотрудничество с ИРИ в торгово-экономической сфере, заметно смягчали своими действиями последствия применявшихся в 2007–2009 гг. мер. Речь прежде всего идет о Италии, Испании, Австрии, а также ряде государств Центральной и Восточной Европы, проявлявших особый интерес к иранскому энергетическому сектору и по этой причине не спешивших вмешиваться в ситуацию вокруг ИЯП.

Италия и Испания традиционно являлись главными европейскими импортерами иранской нефти. Как члены ЕС эти страны присоединились к мерам, введенным Советом Европы в 2007–2009 г., отказавшись при этом от дополнительного одностороннего давления на Тегеран. В феврале 2009 г. Испания и Италия вместе с Австрией, Швецией, Кипром и Грецией даже выступили против предложенного «евротройкой» ужесточения санкций.[198] В Мадриде неоднократно указывали, что не ставят под сомнение иранское право на использование мирного атома и подчеркивали свою заинтересованность в укреплении торгово-экономических связей с Ираном. Испанским флагманом на этом направлении выступала испанская компания «Репсол». Она с 2002 г. вела переговоры с представителями ИРИ о своем участии в разработке некоторых блоков месторождения «Южный Парс». Однако успеха на указанном направлении «Репсол» не достигла и фактически к 2010 г. свернула свою деятельность, объясняя это усилившимся давлением со стороны США.

Более успешно развивать торгово-экономические отношения с Ираном в условиях санкций 2007–2009 гг. удавалось итальянцам, которые в указанный период увеличили объемы товарооборота с ИРИ с 7,5 до практически 9 млрд. долл. США.[199] Причем не помешала этому и более жесткая, чем у Испании, позиция Рима по ИЯП. Итальянские официальные лица строго указывали на необходимость остановки Ираном обогатительного процесса и возобновления полноценного диалога с «шестеркой». Однако до 2010 г. Рим не поддерживал ни

усиление давления на ИРИ, ни военный вариант решения проблемы. В этом смысле подход руководства Италии был близок к германскому. Рим подчинялся резолюциям СБ ООН и решениям Совета Европы, однако не проявлял индивидуальной инициативы и готов был выступить за снятие санкций сразу после начала переговоров.

В 2007–2009 гг. итальянские компании, несмотря на давление со стороны США, продолжили проявлять определенную активность на инвестиционном рынке ИРИ. Так, компания «ENI», хотя и периодически озвучивала намерение уйти из Ирана, лишь временно «заморозила» переговорный процесс по новым проектам. Вместе с тем работы по уже подписанным договорам в энергетическом секторе не прекращались. Можно предположить, что сведения о паузе в диалоге по новым проектам были сознательно запущенной итальянской стороной дезинформацией для отвлечения американского внимания.[200] Косвенно это подтверждают просачивавшиеся в разное время в прессу заявления иранских высокопоставленных чиновников о планах по налаживанию поставок газа в Грецию и Италию (апрель 2009 г.),[201] а также о подписании с неназванной итальянской фирмой контракта на участие в разработке 12-го блока месторождения Южный Парс (ноябрь 2009 г.).[202]

Кроме энергетической прорабатывались и другие сферы сотрудничества. В частности, в июле 2008 г. «Фиат» объявил о принятии решения по налаживанию автомобильного производства в ИРИ. Сами иранцы в 2008 г. проявляли интерес к налаживанию более тесных отношений с итальянской банковской системой. Говорилось также о стремлении привлечь Рим в 2009 г. к развитию иранской космической программы. Обе инициативы были заранее обречены на провал. Их озвучивание Тегераном преследовало исключительно пропагандистские цели. Вместе с тем выбор итальянской стороны в качестве потенциального партнера косвенно характеризует хороший уровень сотрудничества двух стран. В этих условиях правительство ИРИ пыталось продемонстрировать наличие у него альтернатив менее сговорчивым торгово-экономическим партнерам.

С 2009 г. Италия начала менять свою позицию относительно экономического сотрудничества с ИРИ. Еще в марте 2009 г. министр иностранных дел Ф.Фраттини заявил, что международное сообщество должно активизировать свои действия по урегулированию иранской ядерной проблемы. В феврале

2010 г. Израиль обратился к Риму с просьбой о внесении КСИР в европейский список террористических структур, ссылаясь на то, что ранее итальянцы выступили за причисление к террористическим организациям «Хамас». В этом же месяце С.Берлускони, выступая перед кнессетом, заявил, что Италия не допустит, чтобы Иран, призывающий к уничтожению Израиля и отрицающий холокост, получил доступ к ядерным технологиям.

Эти заявления были подтверждены и практическими шагами: с февраля 2010 г. итальянское правительство приняло решение препятствовать осуществлению итальянскими компаниями новых инвестиций в нефтегазовый сектор ИРИ, отказавшись от предоставления гарантий по экспортным кредитам своим инвесторам в этой сфере. В ответ иранские власти организовали митинг басиджей перед посольством Италии в Тегеране (по некоторым данным, демонстранты пытались даже атаковать дипмиссию).[203] В конце июня 2010 г. премьер-министр С.Берлускони на встрече лидеров G-8 в Онтарио высказал свои опасения относительно ИЯП, подчеркнув, что Тегеран не может гарантировать мирный характер своих разработок.[204]

4.4. Швейцария и страны Восточной Европы

С момента введения ЕС первых санкций Тегеран активизировал контакты с представителями тех европейских фирм, которые обладали необходимыми иранцам технологиями и средствами, но располагались в странах, не играющих первостепенной роли в мировой политике и по этой причине менее ангажированных в вопросе ИЯП. В частности, в 2007–2009 гг. улучшились связи с бизнесменами Румынии, Венгрии и не входящей в ЕС Швейцарии. Стимулом к развитию торгово-экономических отношений с ИРИ для них стали не только сигналы из Тегерана, но и желание представителей самих стран воспользоваться моментом. В ситуации, когда крупные западные компании были вынуждены сдерживать свою экспансию на иранском рынке, их более мелкие конкуренты получили возможность проявить инициативу.

Так, в 2007 г. румынские компании, специализирующиеся на производстве оборудования для добычи, транспортировки и переработки нефти и газа, приняли участие в проводившейся на острове Киш Четвертой международной выставке «ENEX-

2007», посвященной вопросам энергетики, нефте- и газодобычи, нефтехимии. Итогом указанного события стало подписание иранской и румынской сторонами ряда контрактов на поставку оборудования и оказание инжиниринговых услуг. Сохранила интерес к инвестициям в нефтегазовую отрасль ИРИ и австрийская «OMV». Не особо афишируя этот факт, она продолжила вести переговоры с иранской стороной относительно своего участия в строительстве транзитного трубопровода Туркменистан-Иран-Турция-Европа.

Особое внимание на себя обращает Швейцария, которую в 2007–2009 гг. можно считать фактически стратегическим партнером Тегерана в Европе. Берн, пользуясь своей политикой нейтралитета, установил тесные контакты с руководством ИРИ и не раз создавал бреши в санкционном режиме. Например, в момент очередного усиления санкционного давления на Иран в конце лета – осенью 2007 г., когда из-за наложенных ограничений была фактически временно парализована система внешних финансовых расчетов страны, именно швейцарские банки (Credit Suisse, Union Bank Swiss (UBS) и Synthesis Bank) первыми предложили свою помощь ЦБ ИРИ.

Другим показательным событием стало прибытие в Тегеран 16–17 марта 2008 г. министра иностранных дел Швейцарии М.Калми-Ре. Ее приезд явился первым визитом европейского чиновника такого уровня в Иран после принятия СБ ООН резолюции №1803. В ходе проведенных швейцарцами встреч между Национальной Иранской Газовой Компанией (НИГК) и швейцарской EGL был подписан контракт на сумму около 40 млрд. долл. США на поставку газа из ИРИ через Турцию в Европу сроком двадцать пять лет. Занимавший на тот момент пост министра нефти ИРИ Г.-Х.Нозари в своих комментариях, сообщил, что поставки газа начнутся с 2009 г. и к 2012 г. их объемы достигнут 5 млрд. м. куб. в год (по другим данным, 5,5 млрд. м. куб. в год). На первом этапе «голубое топливо» планировалось доставлять из Турции по Адриатике в Албанию и Италию. По словам М.Калми-Ре, после завершения в 2010 г. строительства всей необходимой инфраструктуры иранский газ вместе с азербайджанским предполагалось пустить по трубопроводу Греция-Албания-Италия.[205]

Визит Калми-Ре немедленно активизировал в иранских кругах дискуссию о целесообразности подключения к другому амбициозному проекту европейцев – «Набукко», тем более, что

тогдашний еврокомиссар по внешней политике Х.Солана периодически указывал на важность присоединения к нему ИРИ. Соглашение о начале строительства этого газопровода было подписано в Анкаре 13 июля 2009 г. между Австрией, Болгарией, Румынией, Венгрией и Турцией. Протяженность будущего трубопровода составит 3300 км, пропускная способность 31 млрд. кубометров газа в год, а общая стоимость – 11,1 млрд. долл. США. Начать строительство планировалось в первом квартале 2010 г., а к 2014 г. – завершить первую фазу проекта. Главными странами-экспортерами газа для ЕС должны были стать Азербайджан (месторождение Шах-Дениз, которое сможет выйти на необходимый уровень добычи к 2014 г.), Туркменистан (месторождение Иолтон общим объемом 6 трлн. кубометров газа) и Ирак (месторождения в Курдистане).[206]

Со своей стороны, Иран, официально не привлеченный к участию в проекте, неоднократно предлагал свои услуги не только как страна-поставщик, но и как страна-транзитер «голубого топлива» из Центральной Азии в Европу. Еще в середине мая 2009 г. исполнительный директор иранской компании «Петропарс» Г.-Р.Манучехри заявил о ведущихся с туркменской стороной переговорах по участию его фирмы в развитии месторождения Иолтон. Сообщалось, что предварительный проект договора уже готов и в Тегеране лишь ожидают некоей «дополнительной информации» из Ашхабада. Г.-Р.Манучехри не исключил, что в будущем газ с этого месторождения будет экспортироваться через Иран в Европу. В продолжение, 10–11 июля 2009 г. Ашхабад посетила иранская делегация, подробно обсудившая условия экспорта туркменского газа в ИРИ и договорившаяся по его цене (170–190 долл. США за тыс. кубометров). Вместе с этим стороны договорились об увеличении поставок «голубого топлива» с 8 до 14 млрд. кубометров в год.

На этом фоне в Иране весьма прохладно отнеслись к словам американского особого представителя по евроазиатским энергетическим вопросам Р.Морнингстара, заявившего весной 2009 г. о том, что участие Ирана в проекте неприемлемо для США.[207] По мнению официального Тегерана, без ИРИ «Набукко» будет экономически невыгоден. Более того, подчеркивалось, что другие участники строительства газопровода не только не отказываются от иранского предложения поставлять свой газ в ЕС, но и заинтересовались им. В частности, официально не исключала такой возможности и Турция, желающая продемонстриро-

вать независимость своей политики от воли европейских и американских партнеров. Еще в марте 2009 г. по инициативе президента Турции А.Гюля в ходе 10-го саммита Организации экономического сотрудничества в Тегеране были проведены четырехсторонние переговоры между главами Ирана, Турции, Азербайджана и Туркменистана, которые касались непосредственно «Набукко». То, что Тегеран может присоединиться к проекту, подтвердил после подписания упомянутого договора 13 июля 2009 г. в Анкаре и премьер-министр Турции Т.Эрдоган.[208]

В целом в Иране традиционно не скрывали своего желания самостоятельно выйти на европейский газовый рынок, что как утверждалось, должно было способствовать укреплению, как политических, так и торгово-экономических связей ИРИ с ЕС. Важным обнадеживающим официальный Тегеран фактором являлись оценки экспертов, согласно которым у европейцев, несмотря на все их заявления, нет надежного источника, способного наполнить будущий трубопровод. Иракские месторождения неразвиты и труднодоступны по причинам безопасности, запасы газа азербайджанского месторождения Шах-Дениз, по некоторым данным, невелики, а доступ к туркменским месторождениям Иолтон и Девлетабад невозможно получить в обход все той же ИРИ. В результате в 2007–2009 гг. руководство ИРИ вело своеобразную дипломатическую игру, предлагая европейцам более твердо противостоять давлению США и не проявлять излишней инициативы в вопросе применения санкций.

Способствовать поднятию значимости ИРИ для проекта «Набукко» должна была и позиция Туркменистана. С нашей точки зрения, упомянутое увеличение поставок «голубого топлива» из Туркменистана в Иран фактически означает присоединение Ашхабада к «Набукко». Для этого Ашхабадом было обговорено одно важное условие, газ поставляемый ИРИ, считается проданным на границе. Таким образом, Туркменистан фактически не несет политической ответственности за его дальнейшую судьбу: Иран уже сам выбирает, использовать ли сырье для своих нужд или перепродать Западу (обсуждение последней возможности на данный момент полным ходом идет в Тегеране). В этой ситуации Туркменистан де-факто поставляет газ в Европу, однако обвинить его в нарушении требований США исключить ИРИ из «Набукко» нельзя. Европейским же участникам проекта нужно было «лишь» решить ситуацию с вопросом санкций.

Однако 2010 г. принес значительные изменения в позицию как Швейцарии, так и стран восточной Европы. В декабре 2009 г. швейцарский банк «Credit Suisse» был оштрафован американскими властями на сумму 536 млн. долларов США за ведение финансовых операций с Ираном.[209] В январе 2010 г. компания «Гленкур» («Glencore International AG») остановила поставки бензина в ИРИ.[210] В марте 2010 г. ее примеру последовала голландско-швейцарская «Витол» («Vitol»). В то же время 11 августа 2010 г. швейцарская компания «EGL» подтвердила свое намерение реализовать подписанный несколько лет назад с НИГК контракт на сумму 23,2 млрд. долл. США по поставкам газа. Представитель этой фирмы заявил, что договор не нарушает никаких законодательных актов и сама «EGL» не должна попасть под действие санкций.[211]

Впрочем, решение «EGL» не повлияло на позиции ИРИ в другом проекте – «Набукко». 23 августа 2010 г. официальный представитель энергетического консорциума, занимающегося строительством трубопровода, объявил, что в планах этой структуры на ближайшее время не предусмотрено подключение к участию в проекте Ирана. Это обусловлено складывающейся политической ситуацией и желанием консорциума действовать в полном соответствии с международным законодательством.[212]

4.5. Арабские страны Ближнего Востока

Арабские страны Ближнего Востока традиционно испытывают значительные трудности при выработке собственной позиции по проблеме иранской ядерной программы. Значительным испытанием в этом плане для них стал 2010 г., еще раз подтвердивший, что заявления некоторых западных аналитиков относительно единодушного (за исключением Сирии и Ливана)[213] неприятия арабскими государствами ядерных разработок Тегерана и их полной уверенности в наличии у ИРИ планов по созданию атомного оружия не соответствуют действительности.[214]

Наиболее последовательным противником ИЯП выступает лишь Саудовская Аравия. В последние годы она периодически поднимает вопрос о необходимости более жесткого реагирования на действия иранцев, которые, по словам Эр-Рияда, заняты созданием собственной ядерной бомбы. Саудиты еще нака-

нуне введения Совбезом ООН, Соединенными Штатами и Евросоюзом летних санкций 2010 г. выступили в поддержку самой идеи их принятия, отмечая, что при этом должны быть учтены недостатки предыдущих мер подобного характера, никак не затронувших экономику ИРИ.

Необходимо иметь в виду, что у КСА имеется несколько причин для занятия жесткой позиции в вопросе применения санкций и связаны они в значительной степени отнюдь не с желанием указанной страны любой ценой защитить режим нераспространения. С экономической точки зрения, поддержка действий СБ ООН, США и ЕС в отношении Ирана для Саудовской Аравии практически ничего не стоит: товарооборот между Королевством и ИРИ традиционно незначителен. Политический же выигрыш может, наоборот, оказаться весьма весомым. Кроме демонстрации лояльности своему стратегическому партнеру – США, поддержка Эр-Риядом санкций связана с его расчетами на то, что принятые в отношении ИРИ меры смогут ослабить влияние Тегерана на Ближнем Востоке путем нанесения ущерба финансовому источнику иранского могущества – энергетическому сектору. Уязвимость последнего давно известна саудовскому руководству. Так, Эр-Рияд периодически поддерживал в рамках ОПЕК, играя на невыгодное Тегерану повышение объемов добычи нефти, ценовую политику, прямо противоположную иранской.[215]

В свою очередь, Соединенные Штаты традиционно рассчитывают, что примеру КСА (являющегося одним из региональных лидеров) в вопросе санкций последуют и другие страны региона, прежде всего члены ССАГПЗ. Для последних проблема ИЯП в течение долгого времени была весьма чувствительной темой. Появление у одной из стран Персидского залива ядерного оружия является абсолютно неприемлемым, с точки зрения Совета, созданного как военно-политический блок.

К этому можно добавить и исторически сложившееся недоверие заливных монархий к иранской внешней политике, подкрепляемое периодическим вмешательством Тегерана в региональные проблемы (такие, как ситуация в Ираке, Палестине, Ливане, Сирии). Подтвердить верность американских расчетов на арабскую поддержку новых санкций в отношении ИРИ должны были и возросшие контакты между Западом и регионом по линии военно-технического сотрудничества. Так, по мере обострения ситуации вокруг ИЯП военный бюджет членов

ССАГПЗ демонстрировал устойчивый рост и даже достиг своего исторического максимума. При этом многие страны не только нарастили свой военный потенциал, но и пошли на частичное сращивание некоторых систем национальной обороны с вооруженными силами западных стран (ОАЭ, Кувейт – в вопросах ПВО).[216] Достаточно серьезно рассматривался и вопрос о развертывании над Ближним Востоком и Персидским заливом американского «ядерного зонтика».

Все эти мероприятия носили ярко выраженный антииранский характер. Однако, как оказалось, они не смогли гарантировать полную поддержку арабов в вопросе применения санкций. Так, например, Египет в отличие от Саудовской Аравии фактически оказал поддержку ИЯП. В ноябре 2009 г. правительство АРЕ раскритиковало резолюцию МАГАТЭ по обогатительному объекту близ Кума. Представители Египта воздержались от голосования по ней, подтвердив право ИРИ на мирный атом, но осудив Тегеран за несвоевременное информирование Агентства о строительстве имеющихся объектов. 19 июля 2010 г. Иран и Египет, несмотря на возможные санкции со стороны США и ЕС, объявили о решении открыть в Тегеране представительство совместного банка «Misr Iran Development Bank» (MIDB), финансирующего общие проекты.[217] Такая самостоятельность Каира вызвала явное недовольство американских властей, которые в начале октября 2010 г. настоятельно рекомендовали египтянам повременить с развитием торгово-экономических контактов с ИРИ.[218]

Непоследовательным оказался и союзник США Бахрейн. С одной стороны, еще в 2008 г. шейх Бахрейна С.Халифа заявил, что предполагаемая военная компонента ядерной программы Ирана существенно затрудняет отношения между Манамой и Тегераном.[219] С другой стороны, во время визита высокопоставленной бахрейнской делегации в ИРИ в январе 2010 г. представители Манамы выразили поддержку иранскому праву на доступ к мирному атому, с сожалением подчеркнув, что некоторые силы пытаются помешать этому.[220]

Кувейт официально выразил поддержку всем санкциям СБ ООН, наложенным на Иран, однако вплоть до середины ноября не спешил реализовывать требования резолюции №1929 на практике.[221] Отмечается, что внутри этой страны нет единого мнения по вопросу ИЯП. В частности, спикер национального парламента Дж.Харафи еще в середине 2008 г. указал, что некото-

рые западные страны специально провоцируют Иран, усугубляя ситуацию, которую нужно решать мирным путем. Кувейт также призвал США уважать иранский суверенитет и гарантировал, что его территория не будет предоставлена для использования ее в качестве базы для нанесения военного удара по ИРИ.[222]

Весьма схожи с бахрейнской и кувейтской позиции Катара и Омана. Официально они озвучили поддержку санкциям, но на практике стараются не обострять отношения с ИРИ. Более того, на уровне ССАГПЗ заметны все большие тенденции к осторожному сближению с Ираном в противовес всем усилиям США. Руководство Совета все чаще признает, что Иран является неотъемлемой частью Залива и арабские страны тесно связаны с ним культурно и исторически. Как со стороны ИРИ, так и со стороны ССАГПЗ выражается заинтересованность в укреплении связей и скорейшем мирном разрешении существующих конфликтных ситуаций.[223]

Определенных успехов в вопросе оказания санкционного давления на Тегеран Западу удалось добиться при работе с Ираком, ОАЭ, Кувейтом и даже Ливаном, воздержавшимся при голосовании по резолюции №1929. Еще в январе 2010 года иракское руководство выразило МАГАТЭ свою обеспокоенность относительно иранских планов по строительству ядерных реакторов близ границы с Ираком.[224] 1 августа 2010 г. представители иракского Центрального банка заявили, что в свете новых санкций в отношении ИРИ два иранских банка «Корафарин» и «Парсиян» не получат разрешения на открытие своих филиалов в этой стране.[225] В начале сентября 2010 г. руководство центрального банка Ливана сообщило о своем решении следовать требованиям резолюции СБ ООН №1929. В частности, всем финансовым институтам страны были разосланы санкционные списки, а шести представительствам банка «Садерат» было предложено подчиниться указаниям Совбеза.[226]

Власти Эмиратов пошли на более жесткие меры. 28 июня 2010 г. со ссылкой на резолюцию СБ ООН №1929 ими было принято решение о заморозке банковских счетов 41 иранской компании и физического лица, включая «Хатам-оль-анбия». 30 июня 2010 г. постпред ОАЭ при МАГАТЭ заявил о том, что власти его страны перехватили груз, направляемый в Иран. По словам дипломата, перевозимые материалы относились к товарам двойного назначения и могли быть использованы Тегераном для развития его ядерной и ракетной программ. В част-

ности, представитель Эмиратов упомянул титан, применяемый в производстве ракет дальнего радиуса действия.[227] 28 июля 2010 г. власти свободной торгово-экономической зоны Рас-аль-хайма (ОАЭ) закрыли доступ новым иранским компаниям на свою территорию.[228] В начале августа 2010 г. в прессе появилась информация, что суда, перевозящие бензин для ИРИ, стали подвергаться более тщательному досмотру в портах ОАЭ, а терминалы Фуджейры и Джебель Али были фактически закрыты для них.[229] Еще через две недели местные СМИ распространили новость о том, что расположенным в Дубае компаниям более не разрешено страховать контракты по доставке грузов в Иран и из него.[230]

В то же время даже в случае с Ливаном, ОАЭ и Ираком говорить о полном успехе западной дипломатии по созданию санкционного режима в отношении Ирана, по нашему мнению, не приходится. Так, 10 августа 2010 г. иранские банки «Карафарин» и «Парсиян» все же получили «предварительное» разрешение на открытие своих филиалов в Ираке, несмотря на ранее озвученные представителями ЦБ этой страны заверения, что этого не произойдет.[231] Действия Ливана можно объяснить нежеланием идти на обострение отношений с мировым сообществом, которые и без того осложнились после голосования по резолюции СБ ООН №1929. Сам шаг Бейрута был более похож на демонстрацию лояльности решению Совбеза, чем на практическую попытку сократить торгово-экономические отношения с Ираном, выступающим одним из главных «спонсоров» «Хизбаллы».[232]

Неоднозначно складывается и ситуация с позицией ОАЭ. То, что традиционно имеющие тесные контакты с ИРИ Эмираты не пойдут на полный отказ от сотрудничества с Ираном, Абу-Даби ясно дал понять Вашингтону еще в середине августа 2010 г., когда посол ОАЭ в США Ю.Отайба (Yousef al-Otaiba) заявил в СМИ, что не вся торговля с Тегераном попадает под категорию «незаконных» действий.[233] По этой причине власти страны пытаются определить, какие направления торгово-экономического сотрудничества все же придется «заморозить», а какие развивать далее. В продолжение его слов министр иностранных дел ОАЭ А.Гаргаш (Anwar Gargash) отметил существующую для Эмиратов необходимость соблюсти баланс между требованиями резолюций ООН и экономической выгодой.[234] Обращает на себя внимание, что выполнение по-

становлений СБ ООН, а также обязательств перед некоторыми западными странами происходит в ОАЭ с некоторой задержкой (в зависимости от случая – до месяца). Складывается впечатление, что власти этой страны дают иранцам определенный срок для ухода из-под действия санкций. Так, ЦБ ОАЭ заморозил счета четырех банков ИРИ из «черного» списка резолюции СБ ООН №1929 только спустя три месяца после принятия этого документа.

Однако, как отметили представители Центробанка Эміратов, замороженные средства незначительны по сумме, а остальные 37 юридических лиц просто не имеют на данный момент активов, размещенных в финансовой системе страны. Без ответа остались вопросы о том, как эти новости соотносятся с заявлениями о заморозке счетов 41 иранской компании в конце июня 2010 г. и почему ЦБ так долго тянул с принятием решения, явно позволив иранцам вывести свои деньги. Вместо этого мировое сообщество было в очередной раз заверено властями ОАЭ, что все транзакции с Ираном сейчас находятся под строгим контролем, а их количество, по словам неназванного банкира, незначительно.[235]

Схожую стратегию, судя по всему, выбрал и Кувейт, который, чтобы не испортить отношения с западными партнерами, подчинился требованиям резолюции №1929. В то же время о своем шаге он заявил только в середине ноября 2010 г., когда ЦБ страны принял решение о заморозке счетов соответствующих иранских организаций, а также запретил финансовым институтам ИРИ открывать свои представительства в Кувейте, равно как и самим кувейтским банкам создавать филиалы или открывать счета на территории Ирана.

Существует несколько причин того, что арабские страны Ближнего Востока фактически оказались неготовыми беспрекословно поддержать санкции в отношении ИРИ. Во-первых, в случае с Ираком, ОАЭ и Кувейтом на ситуацию оказывают влияние тесные торгово-экономические связи с ИРИ и наличие в ряде из них крупной иранской общины, обладающей определенной значимостью в этих странах. Так, Объединенные Арабские Эмираты традиционно являются крупным перевалочным пунктом, через который в Иран ввозятся товары со всего мира (с 2002 по 2008 гг. в ИРИ направлялось примерно 15% всего экспорта ОАЭ). Кроме того, Эмираты в течение многих лет являются главным рынком сбыта иранских ненефтяных товаров.

Численность иранской общины, проживающей в ОАЭ, по разным данным, составляет от 300 до 800 тыс. человек. Преимущественно они живут в Дубае, где сосредоточен их главный бизнес. Считается, что объем иранских капиталовложений в экономику ОАЭ в 2008 г. составил около 300 млрд. долл. США. Пятая часть этой суммы вложена в эмиратские торговые центры. Как следствие, ущемление экономических интересов ИРИ немедленно отражается на ситуации в самих ОАЭ, заставляя руководство страны действовать осмотрительнее, опасаясь не только негативной реакции Тегерана, но местных деловых кругов. Так, часть эмиратских бизнесменов в начале ноября 2010 г. обратилась к премьер-министру М.Мактуму с жалобой, что санкции наносят ущерб их бизнесу.[236] В результате 7 декабря 2010 г. министр иностранных дел ОАЭ А.Нахайян (Abdullah Bin Zayed Al Nahyan) был вынужден заявить, что его страна хотела бы пересмотра вопроса о санкциях в СБ ООН с последующим их снятием, при условии «надлежащего содействия со стороны Ирана».[237]

Во-вторых, сказывается отсутствие единства внутри самого арабского сообщества, чье относительно мирное существование во многом зависит от баланса между региональными центрами силы, такими как Иран, Саудовская Аравия, Египет и, в прошлом, Ирак. Ослабление или, как это произошло с Ираком, уничтожение одного из них немедленно ведет к усилению остальных претендентов на лидерство и, в результате, нарушает имеющееся равновесие. Укрепление политических позиций Саудовской Аравии за счет Ирана не входит в интересы как других членов ССАГПЗ, так и Египта. Еще больший рост американского присутствия в районе Персидского залива за счет нагнетания отношений с Тегераном также не видится ими в качестве пути к мирному существованию.

В-третьих, ситуация с ИЯП во многом проецируется арабскими странами и на свое будущее. Уже сейчас ими, в том числе и с привлечением западных институтов, прорабатываются пути создания альтернативных нефти и газу источников энергии. Делается это как в расчете на будущую ситуацию, связанную с исчерпанием углеводородного сырья, так и с целью перевести внутреннего потребителя на более дешевые, чем постоянно дорожающий бензин (низкие цены на который многие арабские страны поддерживают исключительно за счет субсидий), виды топлива. Перспектива строительства АЭС на этом фоне выглядит, по крайней мере, не менее привлекательно,

чем идея создания ветряных и солнечных электростанций. Так, в попытках возобновить исследования в области ядерной энергетики в 2005 г. был замечен Египет. Определенный интерес к указанному вопросу проявляют Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар и ОАЭ.[238] Естественно, что они проводят параллели с ИЯП, включая ситуацию с обвинениями в нарушении режима ДНЯО. Подстегивает их и тот факт, что ряд западных экспертов уже подозревает некоторые арабские режимы в планах по разработке ядерного или других видов ОМУ.[239] В складывающейся ситуации ближневосточные страны не торопятся в полную силу поддерживать применяемые к Ирану санкции, резонно предполагая, что подобные средства могут быть когда-нибудь применены и к ним.

Наконец, необходимо признать и эффективность внешнеполитической стратегии Ирана, который вместо ожидавшегося от него обострения отношений с лояльными к США странами ближневосточного региона пошел на сближение с ними, демонстрируя выгоды диалога с собой по сравнению с конфронтацией в угоду Западу. В этой ситуации эксперты с 2005 г. отмечают рост количества дипломатических контактов между Ираном и арабскими государствами. Значимым прорывом в отношениях по линии ИРИ – ССАГПЗ стал саммит государств-членов Совета, прошедший 3 декабря 2007 г. в Дохе, на котором впервые в истории организации принял участие президент Ирана М.Ахмадинежад. В ходе этого мероприятия состоялись его переговоры с королями Саудовской Аравии и Омана, эмирами Бахрейна, Катара и Кувейта, а также правителем ОАЭ. Официальный Тегеран остался доволен итогами встреч, всячески подчеркивая, что это событие открыло новую страницу в истории отношений с государствами Персидского залива.

По словам М.Ахмадинежада, приглашение в Доху указало на готовность арабских заливных монархий придать новое качество своим отношениям с Ираном. Необходимо отметить, что на встречу иранцы прибыли не с пустыми руками. Ими был выдвинут на рассмотрение пакет из 12 предложений по «консолидации связей и поддержанию мира, безопасности и дружбы» в рамках региона. В частности, странам ССАГПЗ было предложено подписать с ИРИ совместное соглашение о безопасности в Персидском заливе.

Немаловажный акцент был сделан и на экономические вопросы. Среди инициатив Тегерана выделяются такие, как соз-

дание региональной экономической организации, снятие визовых барьеров, легализация сделок с приобретением недвижимости, а также содействие взаимным инвестициям в нефтегазовом секторе. Кроме того, иранская сторона предложила создать в районе Персидского залива зону свободной торговли, внедрить современные технологии получения воды и добычи газа, активизировать работы по формированию транспортных коридоров, развивать туризм, принять программу помощи развивающимся мусульманским странам, придать новый импульс сотрудничеству в сфере экологии, образования и науки. Несмотря на то, что большая часть инициатив пока так и осталась на бумаге, Тегераном была продемонстрирована готовность к общению, которую не смог умалить и разразившийся в 2008 г. скандал вокруг спорных островов.[240]

В целом к концу 2010 г. арабские страны оказались в весьма сложной ситуации: обострение отношений с Тегераном невыгодно для многих из них. По этой причине в самом начале частью из них была выбрана выжидательная тактика в надежде на скорое улучшение обстановки. Когда же стало очевидно, что ни Тегеран, ни западные страны не собираются отступать от выбранных позиций, арабские государства из числа традиционных партнеров США и ЕС начали постепенно присоединяться к санкционному режиму, дав при этом иранцам возможность вывести большую часть своего бизнеса из-под удара. Как будет в дальнейшем развиваться ситуация, пока сказать трудно. Поддержка международных и односторонних мер в отношении ИРИ наносит явный ущерб экономическим и политическим интересам многих арабских государств, вызывая определенное внутреннее недовольство. Результатом этого может стать попытка арабских режимов приспособиться к ситуации, найдя обходные пути сотрудничества с Тегераном.

4.6. Страны Дальнего Востока (Япония, Южная Корея и Китай)

Дальний Восток традиционно является одним из приоритетных направлений экономической дипломатии Ирана. Главными торговыми партнерами здесь выступают Китай, Япония и Южная Корея. Товарооборот ИРИ с этими странами в течение последних лет демонстрировал устойчивую тенденцию к росту

и был весьма ощутим в количественном выражении. В 2009 г. его суммарный объем превысил отметку в 44 млрд. долл. США.[241] Из них 21 млрд. долл. пришёлся на торговлю ИРИ с Китаем, 13 млрд. долл. США – с Японией и 10 млрд. долл. США – с Южной Кореей.[242]

При этом иранский экспорт формировал основную часть товарооборота. Главной его статьей являлась нефть (99% японского импорта в 2007 г. – из Ирана),[243] что придало для Пекина, Сеула и Токио особое значение торгово-экономическим связям с ИРИ. Так, в 2007 г. Иран удовлетворял до 12,5% всех потребностей Японии в сырой нефти, в то время как для КНР данный показатель составлял 10–15%.[244] Все три дальневосточные страны неразрывно связывали вопросы взаимодействия с Тегераном с собственной энергетической безопасностью. В качестве задела для развития сотрудничества с ИРИ в этом направлении ими были сделаны (или планировались) серьезные инвестиции в иранский топливно-энергетический сектор.

Принятие вслед за резолюцией СБ ООН №1929 Соединенными Штатами и Евросоюзом новых односторонних санкций в отношении Ирана поставило КНР, Японию и Южную Корею перед дилеммой: как развивать отношения с Тегераном далее. С одной стороны, ИРИ представляет собой весьма перспективного партнера, разрыв или сокращение связей с которым может негативно сказаться на результатах внешнеэкономической деятельности этих стран. С другой стороны, китайские, японские и южнокорейские компании также имеют весьма серьезные связи с США и ЕС, а в некоторых случаях частично принадлежат европейскому или американскому бизнесу. В этой ситуации отказ следовать требованиям односторонних санкций Вашингтона или Брюсселя может нанести еще больший ущерб, нежели сокращение присутствия в Иране.

4.6.1. Япония

Япония продемонстрировала наибольшую лояльность к Западу, с 2005 г. последовательно выступая против выбранной Тегераном линии поведения в вопросе ИЯП. Японские власти активно поддержали все резолюции, принятые СБ ООН по указанному вопросу, и даже вышли за их рамки при проведении собственной политики в отношении ИРИ. Так, в феврале 2007 г. были заморожены счета 10 иранских компаний и 12 частных

лиц. Ранее, в конце 2006 г., японская фирма «Inpex» фактически отказалась от участия в разработке месторождения «Азадеган», сократив свое присутствие в проекте с 90% до 10%, а количество занятых на объекте сотрудников – с 1000 до 400 человек. Действия Токио в рамках резолюции сопровождались двусторонними консультациями по существующей проблеме с целым рядом государств, включая Великобританию и ОАЭ. В результате, по имеющейся информации, в конце 2006 – начале 2007 года было заключено англо-японское соглашение о противодействии реализации ядерных программ КНДР и ИРИ.

МИД Японии неоднократно указывал на готовность Токио использовать любую возможность для того, чтобы побудить Иран подчиниться требованиям резолюций СБ ООН и заставить его вернуться к переговорам. Видя в ИЯП серьезную угрозу режиму ДНЯО, японцы подчеркивали необходимость его защиты, что, по их мнению, особенно важно для поддержания стабильности в регионе Ближнего и Среднего Востока, от которого непосредственно зависит их энергетическая безопасность. Подобная позиция японского руководства в вопросе ИЯП непосредственным образом сказывалась и на торгово-экономических отношениях двух стран. Еще в 2006 г. Токио утратил статус торгового партнера Ирана «номер один». От значительной потери позиций в 2006–2008 гг. японцев спас скачок цен на нефть, обеспечивший даже определенный рост объемов их товарооборота в стоимостном выражении в 2008 г. (до 13 млрд. долл. США)[245] при падающих физических объемах. Характерно, что также постепенно снижалась и доля ИРИ в обеспечении потребностей Японии в энергоносителях (до 10% в 2010).[246]

В преддверии принятия новых, еще более жестких санкций 2010 г. в отношении Ирана японское руководство уже в 2009 г. применило ряд мер, направленных на сокращение сотрудничества с Ираном. В частности, определенному снижению с осени 2009 г. подверглись объемы импорта нефти из ИРИ,[247] и без того сократившиеся с приблизительно 11 млрд. долл. США в 2008 г. до 9 млрд. долл. США в 2009 г. (впрочем, здесь необходимо сделать поправку на колебания цен на нефть в течение года).[248] Вслед за этим в феврале 2010 г. одна из четырех крупнейших японских компаний, занимающихся импортом нефти в страну, заявила о своем намерении снизить закупки этого вида сырья у НИНК на 10%.[249]

Летом 2010 г. Токио поддержал резолюцию №1929 СБ ООН и приветствовал односторонние санкции, принятые США и ЕС. В свою очередь, японское правительство немедленно приступило к разработке собственного пакета мер, который был принят 3 сентября 2010 г. Созданные по европейской модели, японские санкции в значительной степени выходят за рамки, оговоренные резолюцией №1929 СБ ООН.[250] Новый документ предполагает заморозку счетов 88 юридических (включая IRISL и ее дочерние фирмы) и 24 физических лиц ИРИ. Были прекращены операции с 15 иранскими банками. Счета и активы их дочерних структур в Японии также подлежали заморозке. Оказался усилен контроль за любыми финансовыми транзакциями с ИРИ. Японским банковским институтам было запрещено заключать новые корреспондентские договора с иранскими банками и открывать свои дочерние структуры в ИРИ, равно как и иранским институтам запрещалось создавать свои дочерние структуры в этой стране. Значительные ограничения вводились на предоставления страховых услуг иранским фирмам, а также на брокерскую торговлю ценными бумагами, эмитированными компаниями ИРИ. В сфере торговли принятый документ предусматривал отказ «Japan Bank for International Cooperation» (JBIC) и «Nippon Export and Investment Insurance» (NEXI) от предоставления экспортных кредитов для торговли с Ираном сроком на два и более лет, а также требовал от NEXI ограничить срок возврата краткосрочных экспортных кредитов одним годом.

Строгий запрет был предусмотрен на инвестирование средств в энергетический сектор ИРИ (разрешались только краткосрочные контракты). От японских фирм требовалось воздержаться от участия в развитии нефтеперерабатывающего сектора иранской экономики и проведения геологоразведки. Токио также потребовал от своих компаний быть максимально осмотрительными при реализации существующих контрактов. В результате 15 октября 2010 г. компания «Inpex» заявила о своем выходе из проекта по развитию месторождения «Азадеган»,[251] за что 17 ноября 2010 г. Государственный департамент США пообещал не проводить расследования вопросов, связанных с деятельностью этой фирмы в Иране на предмет соответствия требованиям санкционного законодательства Соединенных Штатов.[252]

На текущий момент санкции, введенные Японией в отношении ИРИ, по своей строгости не уступают европейским или

американским. Впрочем, эксперты отмечают одну немаловажную деталь: руководство этой страны сделало все возможное, чтобы принятые меры никак не повлияли на импорт нефти из Ирана, который весьма ощутим по своим объемам.[253] Япония, несмотря на предпринимаемые ею с конца 2006 г. попытки, так и не смогла значительно сократить свою зависимость от иранских поставок. По этой причине власти страны в течение долгого времени воздерживались от введения новых санкций. Можно предположить, что именно эта зависимость от иранской нефти в будущем может стать причиной отхода японцев от жесткого следования принятым мерам.

4.6.2. Южная Корея

Подход Южной Кореи оказался несколько отличным от японского. С одной стороны, Сеул был вынужден подчиниться давлению со стороны США и 8 сентября 2010 г. ввел собственные односторонние санкции в отношении ИРИ (несмотря на то, что изначально руководство этой страны планировало только определиться по вопросу об их применении к октябрю 2010). В соответствии с принятым документом корейским гражданам было запрещено вести бизнес со 102 юридическими и 24 физическими иранскими лицами, которые оказались внесены в созданный в Корее «черный список». Кроме того, Сеул пообещал подвергнуть тщательной проверке грузы, следующие в ИРИ и из нее, а также временно прекратить любые инвестиции в энергетический сектор иранской экономики.

В то же время у экспертов уже имеются вопросы относительно того, насколько корейские обещания были искренними: настораживает достаточно четкий отказ Кореи подчиниться американским требованиям о закрытии представительства банка «Меллят» в Сеуле.[254] Вместо этого власти только ужесточили в сентябре 2010 г. контроль за ведущимися им транзакциями[255]. 11 октября 2010 г. корейцы все же объявили о временной заморозке деятельности сеульского филиала банка «Меллят» сроком на два месяца,[256] но предприняли все меры, чтобы минимизировать возможный ущерб от этого шага. Так, 17 сентября 2010 г. ими было объявлено о переходе с 1 октября 2010 г. при ведении расчетов с Ираном с доллара США и евро на корейскую вону для снижения негативного влияния санкций на торгово-экономическое сотрудничество двух стран. Право на осуществление операций с вонами получили Цен-

тральный банк ИРИ, Промышленный Банк Кореи (Industrial Bank of Korea) и банк «Вури» («Woori Bank»).[257] Указанные действия корейских властей не оставили у экспертов сомнения в том, что, понимая всю сложность ситуации, Сеул постарается удержать свои позиции в ИРИ.

Южная Корея действительно может понести значительные потери от разрыва с Тегераном. Торгово-экономические отношения двух стран в последние годы демонстрировали устойчивое развитие. Только за первое полугодие 2010 г. взаимный товарооборот составил 6,5 млрд. долл. США.[258] Основу его, как и в прежние годы, формировал иранский экспорт нефти. По данным за середину 2009 г., ИРИ обеспечивала до 15% потребностей экономики Кореи в названном виде сырья (150 тыс. баррелей в день).[259]

На начало 2010 г. с Ираном вели бизнес около 2000 корейских фирм. Преимущественно они представляли малый бизнес республики, однако сотрудничество с ИРИ развивали и такие корпорации, как «Самсунг», «Daelim Industrial Company», «Hyundai Heavy Industries» и «GS Engineering and Construction». Интерес для корейцев традиционно представляют автомобильная промышленность (здесь у Сеула и Тегерана имеется некоторый опыт успешной реализации совместных проектов), электроника, нефтехимия и железнодорожный транспорт.

Особо привлекателен для корейских инвесторов энергетический сектор экономики ИРИ. «Daelim Industrial Company» уже заключила договоры на участие в модернизации НПЗ в Исфагане (март 2007 г.), строительство емкостей для хранения СПГ в порту Томбак (февраль 2007 г.), а также на развитие 12-го блока газового месторождения Южный Парс (ноябрь 2009).[260] С 2009 г. внимание корейцев приковано и к каспийским провинциям ИРИ, где Тегеран планирует начать разработку нефтяных месторождений.

На этом фоне ирано-корейское торгово-экономическое сотрудничество оказалось весьма восприимчиво к введению новых санкций СБ ООН, США и ЕС. 1 июля 2010 г. южнокорейская компания «GS Engineering and Construction», ссылаясь на режим санкций, расторгла заключенный с компанией «Парс» контракт стоимостью в 1,2 млрд. долл. США по созданию мощностей для сероочистки природного газа. В конце июля 2010 г. корейские компании «Daelim Industrial», «GS Engineering and Construction» и «Doosan Heavy Industries» выразили

обеспокоенность развитием ситуации вокруг ИРИ. По словам их представителей, наибольшие трудности возникают с финансовым обеспечением сделок, т.к. южнокорейские банки практически прекратили работу с Ираном. Под угрозу оказались поставлены не только поставки оборудования, но и выплаты по уже реализуемым проектам.[261]

Корейское руководство было не намерено мириться со складывающейся ситуацией.[262] 9 августа 2010 г. правительство РК представило в СБ ООН подробный отчет о применении санкций по отношению к Ирану. Общая позиция Сеула была сформулирована как «готовность взаимодействовать с Совбезом и властями США по всем вопросам, связанным с ИЯП, минимизируя при этом любой ущерб, наносимый санкциями сотрудничеству с Тегераном в сферах, не связанных с ядерной программой».[263]

Вслед за этим 25 августа 2010 г. южнокорейское министерство экономики, по информации местных СМИ, заявило о возможном оказании помощи (включая выдачу кредитов на весьма благоприятных условиях) компаниям своей страны, сотрудничающим с ИРИ и пострадавшим от американских санкций. Для упрощения взаиморасчетов в условиях ужесточения санкционного режима руководство Южной Кореи в начале октября 2010 г. разработало схему, в соответствии с которой Центральный Банк ИРИ имеет право хранить средства, вырученные иранцами от экспорта нефти в эту страну, на депозитных счетах банка «Ури» и Промышленного банка Кореи и использовать их для оплаты импорта корейских товаров.[264]

Характерно, что власти США ничего не могут сделать в отношении своего союзника РК и в вопросе северокорейской ядерной программы. Формально Сеул не только подчиняется положениям резолюции СБ ООН №1929, но и под давлением Вашингтона пошел на создание собственной законодательной базы, обеспечивающей некий национальный санкционный режим в отношении Тегерана. При этом корейцы ясно дают понять представителям США, что они не ставят знак равенства между ядерными программами КНДР и ИРИ. Если в первом случае затронуты вопросы военной безопасности Южной Кореи, то в другом случае – ее экономической безопасности и выгоды. Решать обе проблемы Сеул также намерен поразному, но в обоих случаях применяя прагматичный подход. В итоге США не остается ничего, кроме как для сохранения

собственного имиджа давать положительную оценку действиям корейцев, в целом создающих бреши в санкционном режиме. Так, комментируя их решение об открытии соответствующих депозитов для ЦБ ИРИ в банке «Вури» и Промышленном банке, представители Соединенных Штатов заявили, что эта мера направлена на то, чтобы сделать финансовые транзакции с ИРИ более прозрачными.[265]

4.6.3. Китай

Наиболее открыто из всех дальневосточных стран существующий санкционный режим не приемлет Китай, выступающий в поддержку иранского права на мирный атом. Даже голосуя за принятие новых резолюций Совбеза ООН, представители КНР всегда заявляют, что «санкции, особенно принятые в одностороннем порядке, не помогут решить» проблему ИЯП.[266] Свои слова в этом вопросе китайцы традиционно сопровождали практическими шагами. За это Пекин не раз обвинялся Соединенными Штатами и Евросоюзом в попытках подрыва международного санкционного режима в отношении Тегерана, а также в поставках Ирану товаров двойного назначения.[267] США, несмотря на тесные отношения с КНР, даже применили свое законодательство против нескольких китайских компаний, предположительно экспортировавших в ИРИ химические материалы, которые могли быть использованы в военной промышленности.[268]

Во время подготовки СБ ООН резолюции №1929 представители КНР приложили все усилия, чтобы максимально выхолостить текст, оставив в нем только положения, непосредственно связанные с режимом ДНЯО.[269] После принятия Совбезом документа Пекин немедленно заявил, что санкции не должны нанести вред иранскому обывателю и закрывать для Тегерана путь к переговорам.[270]

Такая позиция КНР объясняется вовсе не «борьбой за справедливость» или желанием Пекина исполнить обязательство перед потенциальным стратегическим партнером на Ближнем и Среднем Востоке, а простым прагматичным расчетом. Иран выступает важным элементом системы энергетической безопасности Китая, найти замену которому «Поднебесной» так и не удалось. По некоторым данным, если в 2008 г. Иран ежедневно поставлял в Китай 408 тыс. баррелей сырой нефти, то в 2009 г. этот показатель равнялся уже 544 тыс.

баррелей, что составляло 16% всего китайского импорта сырой нефти.[271]

Значительных объемов достиг и сам товарооборот между странами, который вырос с 14,4 млрд. долл. США в 2006 г. до 21,2 млрд. долл. США в 2009 г., превратив КНР в одного из ведущих торговых партнеров ИРИ. Доля китайских товаров в общем объеме иранского импорта за 2009 г. составила 13% (7,9 млрд. долл. США).[272] КНР является одним из главных поставщиков бензина для ИРИ. С сентября 2009 г. Пекин обеспечивает не менее трети иранских потребностей в импорте указанного вида сырья.[273] Еще от 30 до 40 тыс. баррелей бензина в сутки в конце 2009 г. поставлялось китайцами в Иран через третьи страны.[274] ИРИ, помимо нефти, экспортировал в КНР ненефтяных товаров на сумму 3,12 млрд. долл. США, что сделало Китай вторым после ОАЭ крупнейшим рынком их сбыта.[275] При этом важную часть иранского ненефтяного экспорта составляли пропан, железная руда, алюминий, медь, мрамор, хром, чугун, свинец и сера.[276]

По оценкам некоторых экспертов, действительный объем товарооборота между странами превышает официальный показатель в 21,2 млрд. долл. США, т.к. часть китайских товаров фактически экспортируется в Иран через третьи страны (в первую очередь ОАЭ). В таком случае, если учитывать и этот поток, в стоимостном выражении ирано-китайская торговля достигает 30–36 млрд. долл. США, превращая КНР в ведущего партнера ИРИ, значительно обходящего ЕС. Все это позволяет иранским официальным лицам заявлять о возможном выводе в неопределенной перспективе объемов товарооборота с Китаем на уровень 50 млрд. долл. США и более.[277]

В указанной ситуации тесные ирано-китайские торгово-экономические связи делают любые экономические санкции в отношении ИРИ, ограничивающие возможности сотрудничества двух стран, неприемлемыми для КНР.[278] То, что Китай не поддержит новые односторонние американские и европейские санкции 2010 г., было прогнозируемо еще накануне их принятия, когда в апреле 2010 г. Пекин демонстративно увеличил объем поставок бензина в ИРИ на фоне массовых отказов европейских компаний экспортировать топливо в эту страну, гарантировав, таким образом, бесперебойность его поступления.

В результате ни у кого не вызвало удивления, что 30 июля 2010 г. официальный представитель министерства иностран-

ных дел КНР Дж.Ю (Jiang Yu) выразил недовольство односторонними санкциями, введенными ЕС в отношении ИРИ.[279] Примерно в это же время в западных СМИ появились сообщения о новом наращивании китайскими компаниями объема поставок бензина в ИРИ.[280] Более того, 2 августа 2010 г. консалтинговая компания «Energy Market Consultants Ltd.» (ЕМС) заявила, что китайские и турецкие фирмы стали основными экспортерами горючего в Иран,[281] разрушая, таким образом, надежды европейцев и американцев на топливную блокаду этой страны.

Не настроен Китай и сокращать свое присутствие на инвестиционном рынке ИРИ, где с 2006 года им были заняты достаточно хорошие позиции. Только в 2008 г., по некоторым данным, на территории этой страны реализовывалось около 200 проектов с китайским участием.[282] При этом отмечалось, что две трети контрактов было заключено на межгосударственном уровне. С учетом такого положения дел оба государства намеривались увеличить долю частного капитала. Важно подчеркнуть, что иранская сторона была готова развивать сотрудничество с КНР на долгосрочной основе. В 2008 г. Тегеран озвучил намерение создать совместное ирано-китайское нефтеперерабатывающее предприятие, а также участвовать в формировании стратегических резервов нефти на территории Китая.

Всего, по некоторым данным, с 2005 по 2010 г. между двумя странами было подписано инвестиционных контрактов на сумму 120 млрд. долл. США.[283] За последние несколько лет предприниматели из КНР уверенно закрепились в таких сферах экономики ИРИ, как сельское хозяйство (озвучено намерение инвестировать в СЭЗ «Арас»), развитие портов (Чабахар, Бендер-е Хомейни), строительство дорог (шоссе Тегеран – Север стоимостью 260 млн. долл. США), вагоностроение (контракт на поставку 60 вагонов для метро в Мешхеде), автомобилестроение (совместный проект по производству «народного» автомобиля стоимостью до 6 тыс. долл., испытывающий пока что значительные трудности при реализации), сооружение плотин (китайцами выражена готовность инвестировать до 800 млн. долл. в строительство пяти плотин), энергетика (строительство ГЭС и ТЭЦ) и производство строительных материалов (цемент).[284] В мае 2009 г. на совместной ирано-китайской встрече по экономическим вопросам в Тегеране был заключен ряд контрактов на общую сумму 17 млрд. долл. США, предусматривающих участие КНР в развитии строительного

сектора ИРИ и железных дорог.[285] Кроме того, китайские чиновники выразили заинтересованность своей страны в разрабтке иранских титановых залежей.[286] Предполагалось, что Тегеран, в свою очередь, присоединится к проекту по возведению крупного торгового центра в Синьцзяно-Уйгурском автономном округе КНР.[287]

Особый интерес для Китая Иран представляет и как крупный региональный транспортный узел. По имеющимся данным, представители Пекина уже обратились к руководству ИРИ с рядом амбициозных проектов, которые предполагают развитие иранской транспортной инфраструктуры и участие Тегерана в проекте железной дороги Китай – Казахстан – Узбекистан – Туркменистан – ИРИ.[288] В июне 2010 г. министр транспорта Ирана Х.Бехбехани во время встречи со своим китайским коллегой Л.Жиджуном (Liu Zhijun) выступил со встречным предложением по созданию с участием Ирана транспортной сети, связующей КНР с Европой.[289]

В 2006–2010 гг. в складывавшейся непростой ситуации вокруг ИЯП Пекин явно стремился использовать уход европейских компаний с энергетического рынка ИРИ для укрепления собственных позиций. За этот период его компаниями были подписаны контракты на модернизацию НПЗ Арак (июль 2006 г., «Sinopec», 956 млн. долл. США), развитие нефтяных месторождений Северный Азадеган (январь 2009 г., «CNPC», 1,75 млрд. долл. США), Ядаваран (декабрь 2007 г., «Sinopec», 2 млрд. долл. США), Гармсар (июнь 2009 г., «Sinopec», 20 млн. долл. США) и 11-го блока газового месторождения Южный Парс (февраль 2010 г., «CNPC», 4,7 млрд. долл. США).[290] Случай с 11-м блоком Южного Парса весьма показателен, так как здесь китайцы взяли на себя реализацию проекта, от которого под давлением санкций отказалась французская «Total».[291]

По некоторым данным, в июле 2009 г. Иран обратился к КНР с пакетом инвестиционных предложений на сумму 48,2 млрд. долл. Все инициативы непосредственно касались энергетического сектора ИРИ и, в частности, предполагали создание семи новых НПЗ.[292] Считается, что Пекин дал согласие на ряд проектов общей стоимостью 2,2 млрд. долл. США, предусматривающих, в том числе, строительство 10 морских буровых платформ, семи наземных буровых установок и двух плавучих кранов.[293] В августе 2009 г. КНР приняла решение об участии в ряде проектов стоимостью 3 млрд. долл. по модернизации

иранских НПЗ (включая НПЗ в Абадане),[294] а в ноябре 2009 г. представители «Sinopec» подписали предварительное соглашение на предоставление 6,5 млрд. долл. США для финансирования еще ряда проектов по развитию нефтеперерабатывающей промышленности ИРИ.[295] В сентябре 2009 г. представителями «Sinopec» и «CNPC» с иранской стороной был подписан четырехмиллиардный контракт на работы по повышению производительности иранских нефтяных полей.[296]

Этот успех китайские фирмы решили закрепить и после принятия санкций летом 2010 г. Уже в конце июля 2010 г. в прессу стала просачиваться информация о том, что китайская «Sinopec» и малазийская «SKS Ventures» активно пользуются складывающейся ситуацией и ведут с иранской стороной переговоры о передаче им контрактов ушедших из ИРИ иностранных компаний.[297] В частности, представители КНР продолжили переговоры с Тегераном относительно перспектив развития газового месторождения Северный Парс (с последующей закупкой произведенного сырья), а также ранее обещанного индийцам 12-го блока другого газового месторождения – Южный Парс.[298] В последнем случае в марте 2009 г. китайским консорциумом уже был подписан договор на развитие трубопроводной инфраструктуры, позволяющей осуществлять транспортировку сжиженного газа с указанного блока.[299] КНР также может заменить индийцев и в проекте газопровода «Иран-Пакистан-Индия». Впрочем, по этому вопросу пока высказываются лишь сами иранцы и пакистанцы, китайцы же хранят молчание.[300]

В середине октября 2010 г. официальные лица в Госдепартаменте США были вынуждены признать, что Китай попрежнему готов вести дела с ИРИ, в том числе сотрудничать с ней в вопросах развития нефтегазового сектора. Ими также отмечалось, что хотя КНР и является на данный момент единственной страной, активно развивающей торгово-экономические связи с Тегераном, масштабы ее деятельности таковы, что позволяют обеспечить Тегеран целым рядом важных видов продукции, в том числе и двойного назначения.[301] В конце сентября 2010 г. американские сенаторы Дж.Киль (Jon Kyl) и Ч.Шумер (Charles Schumer) направили Госсекретарю США Х.Клинтон письмо, в котором называли китайские компании главными нарушителями американского режима санкций. Наиболее опасными из них были названы «CNPC» (как важ-

ный инвестор), «Sinopec» и «Жухай Женранг» («Zhuhai Zhenrong»). Последняя несет ответственность за поставки бензина в Иран.[302]

Необходимо отметить, что помимо указанной «Жухай Женранг» экспорт топлива в ИРИ не прекратили китайские «ChinaOil» и «Unipec», а также сингапурская «Hin Leong Trading» и «Emirates National Oil Company» из ОАЭ.[303] Важным инструментом в руках КНР, позволяющим Пекину нарушать режим санкций, выступает малый бизнес, не имеющий связей с американским рынком и пользующийся значительной свободой действий. В частности, активизировались малые транспортные компании из Китая, Сингапура, Японии и Индии, частично восполняя уход своих более крупных коллег по бизнесу.[304]

В то же время нельзя утверждать, что даже в условиях санкционного режима ирано-китайское сотрудничество развивается абсолютно спокойно. В американской политической элите постепенно растет недовольство неспособностью правительства США заставить КНР подчиняться требованию санкций. Отдельные политические деятели открыто задают вопросы относительно того, почему Белый Дом не торопится применять меры в отношении китайских компаний. В ответ на это заместитель главы Государственного департамента США У.Бернс заявил 1 декабря 2010 г., что руководство Соединенных Штатов работает на данном направлении и продолжает оказывать давление на Пекин. По его словам, определенные подвижки уже заметны.[305]

Руководством США действительно был сделан ряд шагов. В частности, по некоторым данным, под вопрос был поставлен договор китайской «CNOOC» с американской «Chesapeake Energy» о развитии нефтяных проектов в Техасе.[306] Схожая судьба может постигнуть сделку другой компании из КНР – «CNPC» с «Chevron Corp» по разработке газовых месторождений в Австралии.[307] По мнению экспертов, давление со стороны Вашингтона уже привело к тому, что Пекин умерил свои инвестиционные аппетиты в Иране.[308] Сообщается также, что в середине октября 2010 г. Банк Китая прекратил открывать кредитные линии для иранских бизнесменов, ссылаясь на недовольство своих американских партнеров. Впрочем, как отмечают аналитики со ссылкой на иранскую общину в КНР, в этой стране осталось достаточно крупных банков, желающих продолжать вести бизнес с представителями ИРИ.

Объем заключаемых компаниями сделок достаточно велик, и китайские финансовые институты не желают упускать возможность получить свою выгоду от их обеспечения.[309] Существуют определенные сомнения и в том, что же в конечном счете предпочтет «CNPC» – сделку с «Chevron Corp» объемом около 1 млрд. долл. США или участие в проекте по развитию газового месторождения Северный Парс с куда большей предположительной стоимостью.[310]

Глава 5.

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИКУ ИРИ

С момента введения летом 2010 г. новых односторонних санкций в отношении ИРИ западные эксперты пристально отслеживают ситуацию, складывающуюся вокруг Ирана. В своем анализе они исходят из того, что меры, принятые ЕС и США, в отличие от «выхолощенной усилиями России и Китая» резолюции СБ ООН №1929 несомненно окажут влияние на Тегеран.[311] По мнению некоторых специалистов, санкции уже негативно сказались на возможностях ИРИ по импорту бензина, а также значительно ограничили приток иностранных инвестиций в энергетический сектор страны. Западные аналитики также нередко используют существующий санкционный режим для объяснения тех трудностей, которые испытывает финансовая система ИРИ.[312] В то же время порою для доказательства успешности применения выбранных ЕС и США рычагов давления на Тегеран пытаются использовать и те возникшие у Ирана сложности, которые являются следствием внутренних структурных проблем экономики ИРИ.[313]

5.1. Макроэкономическая ситуация в ИРИ

Экономическая ситуация в Иране в рассматриваемый период действительно складывалась непросто. По данным МВФ, рост ВВП ИРИ в 2010 г. был незначительным: с 325,9 в 2009 г. до 337,9 млрд. долл. США (ненефтяная часть возросла только на 1,7% против 1,9% в 2009 г.). При его расчете на душу населения увеличение оказалось более ощутимым – 4,8% (с 5375 долл. США в 2009 г. до 5613 долл. США в 2010 г.), однако при сравнении с показателями 2005, 2006 и 2007 гг. (21,4%, 17,6%, 21,4% соответственно) оно выглядит достаточно скромно.[314]

Таблица 1.

Изменение годичных темпов прироста цен на продукты питания в Тегеране в апреле – сентябре 2010 г. (%)[315]

Продукты	Апрель 2010 г.	Сентябрь 2010 г.	Октябрь 2010 г.
Молочные продукты	+4,4	+3,8	+3,9
Куриные яйца	-8,8	-3,6	+16,7
Рис	-2,6	-4,3	-3,5
Бобовые	+1	+5,2	+7,5
Фрукты	+19,4	+0,8	+17
Овощи	+13,7	+26,4	+31,6
Красное мясо	+32,2	+23,7	+24
Куриное мясо	+33,9	+38,7	+29,4
Сахар	+56,8	+27,8	+32,1
Чай	+8,2	+12,5	+13
Масло	+4,3	+3,7	+28,5

Определенные опасения вызывает и ряд других социально-экономических показателей. По разным оценкам, из без малого 75 млн. иранцев за чертой бедности живут от 14 до 25 млн. человек (максимально – не менее 35% всего населения). Достаточно сильным является социальное расслоение: доходы богатейшей части населения в 15,5 раз превосходят доходы беднейшей его части. Темпы роста безработицы за год увеличились с 14,6% (по другим данным, с 11,1%) до 15,4% (по другим данным, 14,6%).[316] Значительным был и рост цен. По данным ЦБ ИРИ, только за период с середины сентября по середину октября 2010 г. ощутимо увеличились годичные темпы прироста стоимости продовольствия в Тегеране (Таблица 1). Высокими оставались показатели по куриному и красному мясу (29,4% и 24% соответственно).[317] К сентябрю 2010 г. общее увеличение стоимости товаров и услуг в иранских городах составило 9,6% в год (Таблица 2). Наиболее активно росли цены на продовольствие (10,7%), одежду (10,3%), медицинские услуги (20,5%), перевозки (10,7%), образование (14,6%).[318]

Таблица 2.

Изменение годичных темпов прироста цен на некоторые группы потребительских товаров и услуг в городах ИРИ в 2009–2010 г. (%)[319]

Товары/услуги	Август 2009 г.	Апрель 2010 г.	Август 2010 г.
Общее изменение цен	+13,1	+10,3	+9,6
Продовольствие	+13,8	+13,8	+10,7
Табачные изделия	+41,8	+16,9	-0,3
Одежда	+10,8	+8,8	+10,3
Жилье и коммунальные услуги	+16,3	+5,1	+5,9
Предметы быта	+4,5	+5,2	+6,4
Медицинские услуги	+18,8	+21,7	+20,5
Перевозки	+3,9	+10,2	+10,7
Связь	+0,9	-0,1	-0,6
Образование	+16,2	+15	+14,6

Причины тяжелой социально-экономической ситуации в ИРИ многие специалисты видят, в первую очередь, в принятых США и ЕС новых санкциях. Они считают, что это также хорошо известно и официальному Тегерану, который в течение уже длительного времени скрывает или искажает реальные статистические данные (в частности, утверждается, что действительный уровень инфляции в стране составляет не заявляемые правительством 8–10%, а 25%). Состояние внутреннего рынка ИРИ европейскими аналитиками характеризуется как «хаос с непрогнозируемыми перспективами». Иранские деловые круги к осени 2010 г. стали активно жаловаться на возникающие сложности с импортом необходимого сырья и комплектующих, а также получением аккредитивов для их ввоза. По некоторым данным, с момента введения новых санкций только себестоимость импорта промышленного оборудования выросла на 30%, вызвав естественный рост цен в зависимых от этого отраслях экономики. Со схожими проблемами сталкиваются иранская фармацевтика и компании по производству строительных материалов.[320]

Между тем западные эксперты, ищущие доказательства эффективности применения новых санкций, явно стараются не замечать тот факт, что не все социально-экономические пока-

затели 2010 г. в ИРИ были столь удручающими. Более того, если ориентироваться на данные МВФ, ситуация демонстрировала определенные тенденции к улучшению по сравнению с 2008–2009 гг. Несмотря на негативные прогнозы, показатель нефтедобычи стабилизировался на уровне 3,7 млн. баррелей в сутки, а объемы экспорта «черного золота» были 2,1 млн. баррелей в сутки.[321] Уровень инфляции значительно снизился с 25,5% в 2008 г. и 13,5% в 2009 г. до 8% к концу 2010 г., что было в целом выше среднего показателя по региону, но соответствовало общей тенденции на уменьшение. Обращает на себя внимание и тот факт, что, по оценкам МВФ (в этом случае идущими вразрез с другими прогнозами),[322] даже при монетизации существующих в ИРИ льгот и субсидий уровень инфляции поднимется лишь до 10%.[323]

В 2010 г. благодаря решимости правительства Ирана удалось снизить темпы роста денежной массы с 21,7% до 9%[324] (для сравнения в 2007 г. и 2008 г. они составляли 18,3% и 16,6% соответственно).[325] Несмотря на мрачные предсказания аналитиков, иранские валютные резервы не только не сократились, но и возросли с 78 до 88,9 млрд. долл. США, превысив показатель докризисного 2008 г. в 79,6 млрд. долл. США и позволив ЦБ ИРИ стабилизировать ситуацию на валютном рынке страны осенью 2010 г.

Приводимые показатели, демонстрирующие как проблемы, существующие в иранской экономике, так и ее сильные стороны (точнее, потенциал к стабилизации), доказывают, что примененные к ИРИ Евросоюзом (и Соединенными Штатами) меры пока не имеют того влияния на макроэкономическую ситуацию в стране, которое бы хотели видеть на Западе. Дело в том, что иранская экономика находилась в тяжелом положении задолго до принятия экономических санкций летом – осенью 2010 г. К моменту их введения Иран фактически так и не оправился от последствий международного финансового кризиса. Высокие темпы роста инфляции, спад внутреннего производства и безработица в течение всего 2009 г. были главными факторами, негативно влияющими на жизнь страны. По мнению экспертов, действующий кабинет министров никак не ожидал столь резкого снижения цен на нефть в конце 2008–2009 годов. В период с января по июль 2009 г. от ее экспорта было получено лишь 26 млрд. долларов США, что на 48% меньше, чем за аналогичный период 2008 года. Падение стои-

мости барреля ниже уровня 75 долл. США (в среднем в 2009 г. за иранские сорта давали около 60 долл. США) привело к дефициту средств в государственной казне. Сокращение притока иностранной валюты нарушило инвестиционные планы правительства ИРИ, а также уменьшило его возможности по финансированию затратных социальных программ, ухудшив тем самым и общий внутренний экономический климат.[326]

Падение цен на ввозимую в 2009 г. в Иран продукцию привело к снижению стоимости аналогичных товаров иранского производства. В итоге достаточно резко снизились доходы строительных и сталелитейных корпораций, предприятий АПК и легкой промышленности, что стало причиной сокращения налоговых поступлений в казну. По данным главы ТПП Ирана М.Нехавандияна, к концу сентября 2009 г. до 50% предприятий в промышленных центрах страны либо объявили о вынужденной приостановке своей деятельности, либо находились на пороге принятия такого решения. Крупные компании, с его слов, в большинстве случаев работали на 30% своих производственных мощностей. Более того, один из флагманов иранской экономики – автоконцерн «Иран Ходроу» летом 2009 г. оказался на грани банкротства. Обеспокоенность иранских экспертов вызывает и тот факт, что основная часть невозвращенных долгов банковской системе ИРИ после кризиса приходится на долю производственного сектора.[327] К 2010 г. снизилась активность и внешнеторговой деятельности. Уменьшились объемы иностранных инвестиций. В первую очередь это отразилось на нефтегазовой и нефтехимической отраслях. Под угрозой оказалось выполнение многих контрактов, подписанных в период высоких цен на нефть.

На этом фоне в 2009 г. правительством предпринимался ряд мер, направленных на стабилизацию ситуации. В частности, был ужесточен контроль за валютными операциями, прорабатывалась перспектива полного перехода при их ведении с доллара на евро. Была начата кампания по выплате государственных долгов иранской банковской системе, а также по созданию полугосударственных компаний, которые могли бы выкупать у банков частные долговые обязательства. Велась борьба с бесконтрольным импортом продовольствия в страну. Нетарифными методами ограничивались поставки импортных товаров, эквиваленты которых производятся в самом Иране (в том числе ограничивался ввоз автомобилей иностранного производства).

Указанные меры иранского руководства дали определенные результаты. В добавление к уже приведенным выше положительным тенденциям стоит отметить относительную активизацию в 2010 г. внешней торговли страны. По информации МВФ, объемы экспорта выросли с 87,1 в 2009 г. до 95 млрд. долл. США в 2010 г., а импорта – с 75,4 до 80,7 млрд. долл. США.[328] С 29,5 до 13,1% к началу 2010 г. снизился прирост цен на потребительские товары в городах.[329] А к сентябрю 2010 г. этот показатель даже опустился до уровня 9,6%. При этом характерно, что приводимые данные по отдельным товарам на сентябрь – октябрь были, как правило, ниже кризисных.[330]

В то же время достаточно тяжелой на момент введения новых санкций оставалась ситуация в производственном секторе. В сообщениях различных новостных агентств продолжала циркулировать информация об имеющих место многомесячных невыплатах заработной платы и простое ряда предприятий в некоторых городах, ни опровергать, ни подтверждать которую официальный Тегеран не спешил.[331] Именно на эти последствия мирового экономического кризиса и наложился эффект от введенных летом 2010 г. односторонних санкций, в ряде случаев усугубив их, но никак не явившись первопричиной существующих трудностей.

5.2. Влияние санкций на нефтеперерабатывающую отрасль экономики ИРИ

Проблема с удовлетворением внутренних потребностей ИРИ в бензине существовала задолго до введения санкций 2010 г. К лету 2010 г. в Иране силами 9 нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) производилось 43,7–45 млн. литров бензина в сутки при ежедневно необходимых 63–66 млн. литров. Недостающие 21,3–22 млн. литров страна импортировала из-за рубежа.[332] Основными поставщиками бензина в ИРИ в течение долгого времени выступали ОАЭ, Индия, Турция, Туркменистан, Алжир, Тайвань, Голландия (де-факто, англо-голландская «Роял Датч Шелл»), Франция, Хорватия и Азербайджан. Однако с 2009 г. усилиями США из этого списка «выпало» большинство государств. В качестве основных экспортеров сохранили свои позиции лишь ОАЭ. Весной 2010 г., опасаясь дальнейшего ухудшения ситуации, а также возможного введения Соеди-

ненными Штатами новых санкций, ограничивающих иранские возможности по импорту бензина, руководство ИРИ объявило своей приоритетной задачей обеспечение устойчивого доступа внутренних потребителей ко всем видам топлива нужного качества в необходимом объеме.[333]

Для этого официальный Тегеран осуществлял попытку переориентации на более устойчивых к американскому давлению, чем европейцы, поставщиков бензина. Сообщалось, что в первой половине 2010 г. им был налажен импорт данного вида горючего из Румынии, Китая, Катара, Малайзии. Якобы вновь были возобновлены поставки из Индии (компания «Релайанс»). В 2009 г. был подписан договор на импорт 20 тыс. баррелей указанного горючего из Венесуэлы, а также ведется поиск партнеров в странах Центральной Азии. В Тегеране активно подчеркивали, что к 2010 г. важное место среди экспортеров заняла китайская «Жухай Женранг». В целом же, по их словам, не менее трети бензина завозилось компаниями из КНР, ставшими, видимо, главными поставщиками бензина.[334]

Однако, на наш взгляд, подобные заявления являлись не более чем пропагандистским шагом иранцев. Китайцы и ранее были включены в процесс поставок бензина, но выступали в нем лишь посредниками, покупающими топливо в Сингапуре и перепродающими его через Дубай. В иранской таможенной статистике приобретенный таким образом бензин проходил как импорт из ОАЭ. В целом же, по существующим оценкам, КНР сама сталкивается с проблемой удовлетворения внутреннего спроса на горючее и не может выступать его надежным поставщиком в ИРИ. Кроме того, весной 2010 г. в американской прессе появилась информация о том, что китайцы, якобы недовольные несговорчивостью Тегерана по ядерному досье, выразили готовность поддержать бензиновые санкции. Для компенсации возможного прекращения поставок нефти из Ирана представители КНР, по данным западных СМИ, провели успешные переговоры с арабскими монархиями Персидского залива на предмет наращивания объемов продажи «черного золота» в Китай.[335]

Накануне принятия санкций 2010 г. в Тегеране также заявляли о существовании некоего плана, в соответствии с которым к 2011 г. в ИРИ должен был быть реализован ряд проектов, позволяющих увеличить производство бензина с 40–43 до необходимых 71 млн. литров в сутки (а в будущем и до

190 млн. литров в сутки).[336] Главными из них являлись ввод в эксплуатацию нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) «Сетарейэ Халидж» и реконструкция старых НПЗ в Исфагане и Абадане. Между тем выполнить эти планы в условиях финансового дефицита и новых санкций Тегеран полностью так и не смог.

Установленные европейцами и американцами ограничения по ввозу нового оборудования для нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей ИРИ значительно ограничили иранские возможности по проведению модернизации старых и созданию новых производственных мощностей. Кроме того, под давлением США из Ирана уходят иностранные инвесторы. Еще в 2009 г. от участия в проектах отказались «Лукойл» и Государственная нефтяная компания Малайзии. Технического и финансового потенциала иранских корпораций для выполнения названных проектов оказалось недостаточно.

В середине сентября 2010 г. иранские власти все же официально объявили о достижении необходимого уровня самообеспеченности ИРИ бензином. По словам руководства Национальной Иранской Нефтеперерабатывающей Компании, в результате реализации чрезвычайного плана по повышению производственных мощностей НПЗ страны им удалось выйти на уровень переработки в 66 млн. литров в сутки, что примерно соответствует среднему показателю внутреннего потребления указанного вида топлива. Эти меры, как заявили чиновники, стали ответным шагом Тегерана на введенные летом 2010 г. санкции США и ЕС, направленные на сокращение возможностей ИРИ по импорту бензина и модернизации расположенных на ее территории НПЗ. Одновременно с выступлением представителей Национальной Иранской Нефтеперерабатывающей Компании новостные агентства Ирана распространили известие о том, что руководство этой страны не только планирует прекратить завоз топлива из-за рубежа (якобы уже был прекращен импорт бензина из Турции), но и в среднесрочной перспективе начать его экспорт, обеспечивая потребности всего региона.[337]

Главными составляющими принятой иранцами к исполнению чрезвычайной программы действий стали: (1) перевод НПЗ страны на интенсивный график работы; (2) частичное переключение мощностей нефтехимической промышленности на производство бензина; (3) получение топлива методом ароматизации (реформинга), добавление различных присадок, по-

вышающих октановое число, а также использование на внутреннем рынке отдельных низкокачественных сортов топлива, ранее поставлявшихся лишь на экспорт; (4) смешивание малоиспользуемого в Иране бензина класса «премиум» с наиболее востребованным бензином класса «регуляр». Некоторые эксперты (в первую очередь из самой ИРИ) уже поспешили назвать произошедший в Иране скачок в производстве бензина с 44–47 до 66,5 млн. литров в день промышленным чудом, доказывающим, что приобретенный в годы ирано-иракской войны и международной изоляции опыт опоры исключительно на собственные ресурсы не был забыт и вновь послужил на благо страны.[338]

В то же время анализ чрезвычайного плана правительства показывает, что говорить о полном успехе иранцев в вопросе нейтрализации бензиновых санкций пока рано. Указанные меры могут дать положительный результат по увеличению объемов доступного для иранского потребителя топлива лишь в краткосрочной перспективе. Достигнутый уровень производства должен быть закреплен давно запланированным (но так до сих пор и не реализованным) вводом в строй новых НПЗ. В случае, если Тегеран не сможет этого сделать и будет продолжать использовать свой текущий чрезвычайный план, то ущерб от его применения окажется куда большим, чем выгода. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, большинство оборудования, используемого на существующих в ИРИ НПЗ, устарело и сильно изношено. Даже по мнению самих иранских экспертов, оно не сможет долго работать в чрезвычайном режиме.[339] Между тем возможности по закупке запчастей у Ирана после введения новых санкций сильно ограничены. Во-вторых, использование мощностей нефтехимической промышленности для удовлетворения внутренних нужд страны в бензине неизбежно сокращает объемы производства других видов продукции, идущей, в том числе, на экспорт и являющейся значимым источником дохода иранского бюджета. Тем самым в значительной степени нивелируется выгода от экономии средств, достигнутая по результатам отказа Тегерана от импорта бензина. В-третьих, применение различных присадок, равно как и использование технологии реформинга плохо сказывается на эксплуатационных и экологических показателях топлива, повышая нагарообразование и выбросы канцерогенных веществ.[340]

Определенные сомнения вызывает и сам факт достижения Ираном самообеспеченности бензином. Прежде всего иранские чиновники неохотно говорят о существующем уровне потребления этого вида топлива в стране, а также о том, что им с большим трудом удается сдерживать его рост.[341] До последнего времени значительную роль в вопросе сдерживания объемов потребления бензина играла введенная несколько лет назад система электронных карточек, выданных населению для покупки бензина. С их помощью правительство устанавливало определенный лимит (изначально 80–100 литров в месяц) на приобретение топлива по льготным ценам, сокращая, тем самым уровень потребления. После введения СБ ООН, США и ЕС новых санкций летом 2010 г. руководство ИРИ приняло решение о новом сокращении лимита до 60 литров в месяц, однако объем потребления на этот раз остался практически неизменным.[342]

В этой ситуации руководство страны было вынуждено пойти на более решительные меры и с конца декабря 2010 г. объявило о частичной отмене госдотаций, выделяемых на поддержание низких цен на основные виды горючего.[343] Только после увеличения стоимости продаваемого по квоте бензина с 10 до 40 центов США за литр (и с 40 до 70 центов США при покупке сверх шестидесятилитровой нормы) удалось добиться снижения внутреннего потребления на 5–20%.[344]

Не находят подтверждения и заявления о полной остановке импорта бензина. Уже сами официальные лица ИРИ к концу сентября 2010 г. стали делать оговорку о том, что прекращен ввоз лишь топлива марки «премиум» (в то время как наиболее востребованным на иранском внутреннем рынке является «регуляр»).[345] А сам факт того, что иранские власти продают своему потребителю смесь двух видов бензина, говорит о том, что удовлетворить потребности в марке «регуляр» не удалось и он до сих пор импортируется. Кроме этого, заявляя о прекращении завоза топлива из Турции, иранцы «забывают» о двух других важных поставщиках – ОАЭ и КНР, сотрудничество с которыми продолжается.

В целом, по нашему мнению, в складывающейся ситуации речь может идти лишь о частичном и временном преодолении зависимости страны от импорта бензина. Можно предположить, что текущий чрезвычайный план является промежуточным этапом в иранской стратегии по развитию производственных мощ-

ностей собственного нефтеперерабатывающего комплекса, главной целью которого выступает ввод в строй новых НПЗ. Однако, если ранее Тегеран рассчитывал на финансовую и техническую помощь зарубежных стран, то в условиях новых санкций ему приходится опираться прежде всего на свои возможности. По этой причине экономия средств за счет сокращения импорта бензина (хоть и путем усиления нагрузки на нефтеперерабатывающую отрасль) позволяет направить дополнительные суммы на строительство новых НПЗ.[346]

Улучшение ситуации на внутреннем топливном рынке руководство ИРИ связывает и с произошедшим в декабре 2010 г. повышением цен на бензин. На случай же наиболее кризисной ситуации в стране еще накануне введения летних санкций 2010 г. были созданы значительные резервы топлива. Об этом свидетельствуют данные статистики, в соответствии с которыми в 2009 г. Иран импортировал 10 млрд. литров бензина, что на 154% больше ввезенных 4 млрд. в 2008 г. Кроме того, активные закупки продолжились и после введения санкций.[347]

5.3. Нефтегазодобывающий сектор экономики ИРИ и режим экономических санкций

Новые санкции ставят под угрозу судьбу наиболее амбициозных иранских инвестиционных проектов в энергетической сфере: эксперты говорят о «тотальном бегстве» иностранного капитала из ИРИ.[348] Судя по всему, компаниям из европейских стран (выступающих в роли одних из главных инвесторов в иранском нефтегазовом секторе) не позволят применить даже ставшую уже традиционной для этих случаев тактику «оставайся уходя», которая предполагает имитацию полного отказа от сотрудничества с Ираном. В указанном случае фирма объявляет о своем уходе с рынков ИРИ или прекращении участия в новых инвестиционных проектах на ее территории. При этом ее руководство, ссылаясь на «кодекс деловой чести», продолжает выполнять обязательства по уже заключенным контрактам, откладывая, таким образом, закрытие своего представительства до момента истечения всех прежних обязательств (как правило, срок растягивается от двух-трех до десяти и более лет). В действительности такое поведение позволяет иностранным компаниям потянуть время в ожидании возможного

улучшения ситуации вокруг ИРИ. Однако новый американский закон четко оговаривает, что санкции будут применены, в том числе, и к фирмам, нарушающим своими действиями уже наложенные ограничения, а не только по отношению к их будущим контрактам. Европейские правительства, в свою очередь, не пытаются защитить свои фирмы от американского законодательства.

Без инвестиций под угрозой может оказаться существование иранского топливно-энергетического сектора как такового. Несмотря на периодически звучащие в ИРИ официальные заявления о возможном увеличении объемов добычи и экспорта нефти, иранские эксперты все чаще указывают на то, что главной задачей, стоящей перед правительством страны в ближайшие 30 лет, является удержание объемов производства «черного золота» на прежнем уровне. По их словам, растущее внутреннее потребление вместе с падением КПД разработки существующих нефтяных полей создают серьезную угрозу сокращения поставок нефти на внешние рынки.[349]

К 2009 г., по информации центра стратегических исследований меджлиса,[350] увеличение внутреннего спроса составляло от 2 до 5% в год при ежегодном падении добычи в 8%. Спасти ситуацию может лишь экстренное направление средств в размере 4,5 млрд. долл. США в год на реализацию программ по поддержанию необходимого давления в нефтеносных слоях основных месторождений за счет впрыскивания газа или воды. Подобные проекты уже разработаны для нефтяных полей «Дарховейн», «Фурузан-Эсфандийар», «Масджед-э Солейман», «Салман», «Доруд», первых блоков «Раг-э сефид» и «Азадеган». Однако в условиях существующих санкций привлечь необходимый объем инвестиций будет сложно, учитывая также, что около 70% средств должно было быть обеспечено за счет ПЗИ.[351]

К 2010 г. в Иране исходили из трех возможных сценариев развития событий. В соответствии с основным вариантом руководству ИРИ удастся собрать половину необходимых средств, сократив тем самым падение объемов производства до 4%, а рост внутреннего потребления до 1%. Тогда с учетом прогнозируемой конъюнктуры мирового рынка через 16 лет Иран исчерпает свои возможности страны-экспортера и начнет импортировать нефть из-за границы. Если же ситуация останется на прежнем уровне, то прекращение поставок иранского

«черного золота» на внешние рынки наступит еще раньше – через 8 лет. С точки зрения аналитиков, в том случае, если даже руководству Ирана все же удастся собрать необходимые средства, страна сможет лишь поддержать уровень добычи «черного золота» на прежнем уровне.[352]

Ранее компенсировать сокращение доходов от экспорта нефти (в результате падения объемов ее добычи или увеличения внутреннего потребления) иранцы планировали за счет развития газовой отрасли и увеличения поставок «голубого топлива» на внешние рынки. Местные чиновники периодически заявляли о необходимости пересмотра в рамках реализации пятого пятилетнего плана развития страны (2010–2015) существующего взгляда на использование энергоресурсов, которыми владеет Иран. Тегерану, как утверждалось, давно пора сделать их не только источником дохода, но и мощным средством по отстаиванию собственных внешнеполитических интересов. По мнению иранских аналитиков, к 2025 году мировой энергетический голод достигнет своего пика и в значительной степени обострит противоречия между «сложившимися к тому моменту группировками». До этого момента, по их словам, ИРИ необходимо стать одним из ключевых узлов в системе международной энергетической безопасности.[353]

На европейском направлении иранцы видели (и попрежнему видят) себя как альтернативного России поставщика природного газа. Обсуждение данной перспективы, идущее уже достаточно давно в политических кругах ИРИ, было в значительной степени подогрето в 2008–2010 гг. периодическими контактами с Турцией, чье руководство неоднократно подчеркивало, что сейчас сложились наиболее благоприятные условия для строительства альтернативного российскому «Южному потоку» трубопровода «Набукко». При этом турецкие власти на том основании, что некоторые восточноевропейские страны якобы выражают свое желание закупать газ именно в Иране, вполне прозрачно намекали на возможность присоединения к проекту ИРИ.[354]

Все это позволило прозападной группировке в иранском правительстве активно заявить о себе в 2008 – первой половине 2009 гг. и предложить придать европейскому направлению энергетической политики первостепенное значение.[355] В Иране даже выступили с проектом «Персидского трубопровода», который рассматривался в качестве альтернативы не только

«Южному потоку», но и самому «Набукко». Указанный газопровод стоимостью около 8 млрд. долл. США и протяженностью 1850 км должен был быть проложен от месторождения Асалуйе до пограничного города Базарган, где его планировалось состыковать с турецкой газораспределительной системой. Далее из Турции иранский газ должен был поставляться через Грецию, Италию, Швейцарию (а не через страны Восточной Европы) в Австрию и Германию. Обеспечить наполнение «Персидского трубопровода» предполагалось силами 22-го, 23-го и 24-го блоков месторождения Южный парс, обещанных для разработки Турции.[356] Строительство «Персидского трубопровода» планировалось завершить к 2014 г. Однако в условиях новых санкций эти планы могут отложиться на неопределенный срок, т.к. у Тегерана не будет ни финансовых средств, ни технологий для их реализации.

Приведенные выше выкладки позволяют некоторым аналитикам сделать вывод о том, что новые санкции вполне способны не только затормозить развитие нефтехимического, нефте- и газодобывающего секторов экономики ИРИ, но и значительно отбросить его назад. Это серьезным образом сократит доходы иранского правительства, которые оно планирует использовать на реализацию крупномасштабной экономической перестройки, и ухудшит и без того тяжелую социальную ситуацию в стране.[357]

5.4. Финансовый сектор экономики ИРИ в условиях применения санкций

Произошедший в ИРИ осенью 2010 г. серьезный скачок вверх (приблизительно на 15%) курса доллара США по отношению к иранскому риалу равно как и общее тяжелое положение банковской системы ИРИ многие западные аналитики также объясняют влиянием новых экономических санкций.[358] По их словам, принятые меры в значительной степени ограничили доступ иранских финансовых институтов к банковским системам стран-членов ЕС, США и ряда других государств. Кроме того, через запреты на открытие представительств европейских банков в ИРИ (и наоборот), на создание совместных финансовых институтов с участием иранского капитала, а также на инвестирование средств в развитие иранских банков евро-

пейцы, с точки зрения экспертов, фактически уничтожили последнюю надежду руководства ИРИ на реанимацию банковской системы страны.[359]

Действительно, резкий скачок курса доллара США по отношению к иранскому риалу был не в последнюю очередь спровоцирован решением ЕС и США заморозить счета ряда иранских банков, через которые в ИРИ поступала валюта и проводились необходимые финансовые операции. Примеру западных стран последовал и ряд других государств.

После того как под давлением американцев и европейцев в начале сентября 2010 г. на заморозку счетов иранских банков согласился и традиционный торгово-экономический партнер Ирана на Ближнем Востоке – ОАЭ,[360] представители деловых кругов ИРИ стали опасаться вынужденного перехода при ведении расчетов по внешнеторговым операциям с безналичного на наличный расчет.[361] Одновременно среди иранских бизнесменов возникла паника относительно возможного дефицита иностранной валюты внутри страны, которая затронула и рядовых жителей Тегерана, а также других крупных городов. Население стало скупать имевшиеся в иранских обменных пунктах доллары США, вызвав таким образом рост остававшегося в течение долгого времени стабильным валютного курса. Немедленное вмешательство ЦБ ИРИ, впрочем, смогло прекратить рост доллара и тем самым стабилизировать ситуацию, хотя до конца так и не сняло общей напряженности.

В то же время скачок валютного курса, судя по всему, был в большей степени вызван негативными ожиданиями последствий введения санкций, чем практической реализацией этих прогнозов. Очень скоро выяснилось, что не все государства закрыли свои банковские системы для иранцев (например, Южная Корея) и даже те, что официально объявили об этом, не всегда готовы строго выполнять свое решение (те же ОАЭ).[362]

Лица, распространявшие слухи о предстоящих нехватках инвалюты в ИРИ, предположительно опирались на неоднократно озвученные в конце 2009 г. – начале 2010 г. опасения иранских аналитиков относительно состояния фонда[363] валютных поступлений ИРИ от экспорта нефти (т.н. «хесаб-э захайер-э арзи»).[364] По официальным данным, за время работы президента М.Ахмадинежада изъятия из него достигли своего пика и практически истощили фонд. Кроме того, из-за снижения ми-

ровых цен на углеводородное сырье, перехода осуществления расчетов за экспорт нефти с доллара на евро и падения в сентябре 2008 г. курса европейской валюты по отношению к американскому доллару уменьшились и сами поступления в фонд. По всей видимости, инициаторы осенней паники 2010 г. рассчитывали на то, что у Ирана просто не хватит средств на валютную интервенцию, забыв, впрочем, что в «хесаб-э захайер-э арзи» сосредоточены далеко не все валютные запасы ИРИ.[365]

Вместе с информацией о грядущей нехватке валютных средств в Иране активно распространялись и слухи о скором банкротстве ряда банков ИРИ, не последнюю роль в котором якобы должны сыграть и принятые ЕС и США меры. Характерно, что первые упоминания о грядущем кризисе иранской финансовой системы появились еще 28 января 2010 г., т.е. задолго до введения летних санкций. В этот день ЦБ ИРИ под предлогом реализации программы по борьбе с отмыванием денег запретил банковским институтам страны разрешать своим клиентам в течение дня снимать с депозитов средства, превышающие по объему 150 млн. риалов (около 15 тыс. долл. США). Упомянутый факт вызвал панику среди населения, часть которого попыталось в экстренном порядке снять средства со счетов.

Вслед за этим в интернете появилась явно ложная информация о скором банкротстве двух крупнейших банков ИРИ – «Мелли» и «Меллят» якобы по причине острой нехватки финансовых активов. Всё это, как и случай с неожиданным скачком валютного курса осенью 2010 г., судя по всему, являлось лишь очередной попыткой вызвать панику среди иранского населения и дестабилизировать общую ситуацию. Большинство приводимых аргументов в пользу утверждения о грядущем крахе банковской системы носило откровенно надуманный характер.

Не менее спекулятивной выглядит и попытка увязать все проблемы банковской системы ИРИ с негативным влиянием на нее санкций. Как правило, те сложности, с которыми она сталкивается, имеют внутреннее происхождение. Например, периодическая нехватка финансовых средств у банков обусловлена значительным количеством невозвращенных долгов.[366] Так, общий долг физических и юридических лиц иранским банкам по кредитам увеличился семикратно за последние несколько лет и достиг 33,6 млрд. долларов США (по другим данным, 48 млрд. долл. США), что приблизительно равно двукрат-

ному объему уставного капитала финансовых институтов ИРИ и составляет 20% их активов. Примерно половина долгов приходится на «флагманы» иранского банковского сектора – банки «Мелли», «Меллят», «Садерат», «Теджарат».

По заявлению советника министра труда и социальных вопросов Ирана Г.Карими, к 2010 г. 1418 предприятий Ирана имели проблемы с выплатой долгов банкам. Их общая сумма составляла 13,5 млрд. долларов США, а средний долг каждого предприятия – около 9,5 млн. долларов США. По другим – уже неофициальным – данным, около 70% долгов сконцентрировано в руках всего 1000 предприятий. Более того, часть из этих фирм существует только на бумаге. Иранским финансовым институтам к концу 2009 г. пришлось арестовать более 10% залоговых обязательств должников (3 млрд. долларов США).[367]

Причин, приведших к росту объемов невыплаченных долгов, существует несколько, включая международный финансовый кризис. Косвенно к ним можно причислить и санкции, которые привели к задержке поставок необходимого сырья в ИРИ и последующему кризису на ряде производств, которые, в свою очередь, оказались неспособны вернуть взятые кредиты. Однако основная причина невыплат имеет исключительно внутренний характер.

Правительство М.Ахмадинежада несколько лет назад, стремясь активизировать приток средств в реальный сектор экономики, в законодательном порядке ограничило кредитную ставку уровнем 12%.[368] Тем самым фактически была создана основа для денежных спекуляций. В государстве с высоким уровнем инфляции, в некоторых случаях (в том же 2009 г.) практически трехкратно превышавшим банковскую кредитную ставку, оказалось очень удобно брать в долг у банковской системы с последующим использованием этих сумм на теневом кредитном рынке (где ставка процента составляла 30–45%) или размещением их на депозитах в других банках по более высокой ставке. Отложенные выплаты по кредиту в таком случае становились еще одним способом увеличить доход. Иногда имело место и злоупотребление, когда связанные с государством структуры путем некоторых махинаций получали кредит без предоставления достаточных гарантий и в итоге оказывались не в состоянии выплатить его или просто отказывались это делать.[369] Вся эта ситуация была никак не связана с экономическими санкциями.

Куда более негативное влияние принятые ЕС и США в отношении ИРИ меры оказали на планы иранского руководства по улучшению работы банковской системы страны. После исламской революции 1979 г. финансовая сфера экономики ИРИ, как и все стороны жизни, была приведена в соответствие с догмами Корана. В первую очередь строгому запрету подверглось использование процентной ставки в традиционном ее понимании. Вместо этого банки были вынуждены принимать участие в проектах своих заемщиков, деля с ними не только прибыль, но и риски. В результате финансовые институты ИРИ в значительной степени потеряли заинтересованность в развитии сферы кредитования и оказались незащищенными перед системными экономическими колебаниями. Государственный контроль, практическое отсутствие конкуренции и закрытость для внешнего мира привели к стагнации банковской системы ИРИ и ослаблению ее роли в развитии экономики.

Вынужденное (фактически полноправное) участие банков в проектах своих клиентов стало причиной еще одного важного недостатка банковской системы Ирана. Финансовые институты страны превратились в своеобразные «государства в государстве», в основном обеспечивающие денежными средствами подконтрольные им фирмы. В результате иранские банки зачастую оказываются заняты не финансовой, а хозяйственной деятельностью. Имеют место факты создания ими коммерческих компаний, которые получают от банков необходимый капитал с последующей передачей вырученной прибыли обратно финансовому институту.[370]

Сегодня в Иране развернута достаточно жаркая полемика относительно того, каким образом провести изменения, чтобы активизировать кредитно-инвестиционную деятельность банков. Практически все аналитики сходятся во мнении, что необходимо пересматривать существующую законодательную базу. Наиболее осторожные эксперты предлагают в «Законе о банковской деятельности на основе исламских принципов беспроцентности» ярче акцентировать прямые инвестиции как основной вид деятельности банков. Предлагаются и более радикальные меры, включающие отказ от существующего принципа распределения ответственности за риски между банком и заемщиком, а также учет при определении возвратной ставки по кредиту существующего уровня инфляции.[371]

Предвидя возможное сопротивление со стороны ультраконсервативных кругов[372] в вопросе реформирования законодательной базы, определяющей основные принципы функционирования банковского сектора ИРИ, иранское правительство во главе с М.Ахмадинежадом в последние несколько лет стремилось активизировать деятельность отечественных финансовых институтов и другими способами, не предусматривающими отказа от исламских принципов. В первую очередь, оно пыталось способствовать развитию рыночной конкуренции в сфере банковских услуг. Важным шагом в этом направлении стало постепенное открытие финансового сектора страны для иностранных участников.

В 2007–2010 гг. Тегеран обращается с идеей о создании совместных банков к ряду государств. Соответствующие предложения были направлены правительству Китая, Индии и России. Также имела место попытка установления и прямых контактов с зарубежными финансовыми институтами. Еще осенью 2007 г. между Центральным Банком ИРИ и швейцарским «Credit Suisse» были проведены переговоры по вопросу о возможном сотрудничестве. С инициативой помочь Тегерану вести свои международные финансовые операции также выступили швейцарские Union Bank Swiss (UBS) и Synthesis Bank.

Как уже говорилось ранее, к 2010 г. для создания устойчивой системы внешних финансовых расчетов правительство Ирана пошло на беспрецедентный шаг – решило предоставить возможность зарубежным банкам открывать филиалы на своей территории. Необходимо отметить, что иностранные финансовые институты после революционной национализации 1980-х гг. были лишены права открывать свои представительства или иметь долю в иранских банках (за исключением свободных экономических зон). 5 мая 2007 г. Финансовый совет ИРИ одобрил инициативу ЦБ страны по разработке закона, предоставляющего иностранным финансовым институтам такую возможность. Это постановление, противоречащее иранским принципам исламской экономики, по заявлениям руководства ИРИ, стало приносить плоды.

В начале января 2008 г. ЦБ Ирана объявил о том, что в Тегеране в ближайшее время откроются представительства двух иностранных банков – некоего «Ирано-европейского банка» и «Фьютчерз банка», зарегистрированного в Бахрейне. Хотя эти финансовые институты, скорее всего, принадлежат самому

Ирану и лишь имитировали присутствие иностранного капитала, но сама тенденция выглядела многообещающей.

Особую уверенность в скором открытии иранской банковской сферы для иностранного присутствия придало заявление главы ЦБ ИРИ Т.Мозахери, сделанное 16 февраля 2008 г. на 25-м собрании Исламского Банка Развития, проходившем в Тегеране. В нем он сообщил, что на территории его страны уже действуют представительства трех иностранных финансовых институтов, одно готовится к началу работы, а возможность открытия еще шести рассматривается. Названия иностранных банков приведены не были, но отмечалось, что значимую долю среди потенциальных партнеров ИРИ занимают представители арабо-мусульманского мира и Азии. Повторно информация о готовности иранцев принять иностранных инвесторов в банковском секторе страны была повторена и в 2009 г.[373] Однако именно в этих условиях и проявилось негативное влияние новых санкций 2010 г.

Ограничения на сотрудничество с Ираном в банковской сфере были введены США уже достаточно давно. В соответствии с ними американским финансовым институтам не разрешлось обслуживать счета иранских государственных организаций или частных лиц, выдавать аккредитивы, предоставлять кредиты, осуществлять вклады в банки Ирана и проводить транзакционные операции с участием иранского капитала или с помощью иранских финансовых институтов. Открытие представительств банков США на территории ИРИ (и наоборот) или создание совместных финансовых институтов также было запрещено.

В данных обстоятельствах представители ИРИ традиционно болезненно реагируют на любые ограничения в банковской сфере, а также попытки со стороны других государств ввести подобные меры. Так, принятый ЕС 23 июня 2009 г. в Евросоюзе пакет санкций в отношении Ирана наносил серьезный удар по деятельности крупнейшего финансового института страны – «Банк-е мелли». В соответствии с одобренным решением деятельность филиалов указанного банка в Лондоне, Гамбурге и Париже фактически прекращалась. МИД Ирана тогда назвал принятие односторонних санкций по Ирану незаконным и «двуличным шагом» со стороны ЕС, идущим вразрез с переговорным процессом по выдвинутым ранее предложениям по урегулированию проблемы ИЯП.

Принятая 9 июня 2010 г. резолюция СБ ООН №1929 лишила иранцев возможности пользоваться традиционной риторикой о «незаконности», фактически одобрив применение мер в отношении финансового сектора ИРИ. Также сложно будет иранцам реализовать и их план по преобразованию банковской системы страны за счет создания совместных банков или открытия представительств иностранных финансовых институтов на своей территории:[374] решение СБ ООН призывает государства быть осторожнее, намекая на возможную связь банков ИРИ с ИЯП. Ссылаясь именно на этот пункт, власти ЕС, Канады, Австралии, Японии летом – осенью 2010 г. запретили своим гражданам инвестировать средства в иранский банковский сектор, равно как и закрыли свой для ПЗИ из ИРИ. Впрочем, сам по себе этот шаг не привел к кризису иранской банковской системы, а лишь закрыл для нее один из возможных путей решения существующих проблем.

Глава 6.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И ИРАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА

6.1. Санкции как инструмент влияния на расстановку политических сил в Иране

Введение в отношении Ирана новых односторонних санкций, по замыслу их западных (и в первую очередь американских) разработчиков, преследовало несколько целей. Среди официально декларируемых можно выделить в качестве основных (1) сокращение иранских возможностей по финансированию ядерной и ракетной программ, а также (2) принуждение руководства ИРИ к продолжению переговоров и изменению позиции в вопросе дальнейшего развития ИЯП.[375] И первая, и вторая цель должны были быть достигнуты за счет последовательного сокращения возможностей Тегерана по развитию и модернизации нефтегазодобывающего и нефтехимического секторов экономики, выступающих в качестве основного источника дохода иранского бюджета. Существовала также и третья, мало афишируемая (но от того не менее важная) задача, которая заключалась в изменении расстановки политических сил внутри ИРИ через поддержку действий оппозиции и приведение к власти более либеральных и лояльных Западу фигур. Весьма желаемым исходом для некоторых стоящих за односторонними санкциями сил была бы полная смена формы правления в стране. Решать эту задачу предполагалось тем же путем лишения действующего иранского правительства финансовой подпитки от экспорта нефти и ограничения существующих у иранских фирм возможностей по ведению внешнеэкономической деятельности.[376]

Расчет строился на том, что в результате президентских выборов 2009 г. в Иране сложилось достаточно мощное оппозиционное «Зеленое движение», которое по своим масштабам значительно превосходило те пролиберальные оппозиционные

силы, существовавшие во время президентства М.Хатами.[377] Важным положительным моментом было и то, что «зеленые» оказались внутренним продуктом иранской политической жизни, имели крепкие устойчивые связи с обществом, не были дискредитированы в глазах населения (как, например, ОМИН или прошахские элементы) и в отличие от прочих антиправительственных сил не были ограничены национальными рамками (например, курдская организация «Пежак»). Возможности «Зеленого движения» наглядно продемонстрировали выступления, прошедшие в Тегеране и провинциальных центрах сразу после выборов 12 июня 2009 г., в день Студента (7 декабря 2009 г.), а также по случаю Ашуры (27 декабря 2009 г.). Весьма положительно на Западе были восприняты многочисленность демонстрантов (по словам мэра Тегерана, М.Галибафа,[378] 12 июня 2009 г. на улицы вышло до 3 млн. человек)[379] как символ демократического выражения общественного мнения, а также факты выкрикивания лозунгов не только против действующего президента, но и против А.Хаменеи. Обнадеживающими для некоторых внешнеполитических оппонентов ИРИ выглядели сообщения относительно неспособности властей на первых порах локализовать выступления представителей «Зеленого движения» и эффективно им противостоять, что частично списывалось и на раскол внутри иранского руководства.[380]

Последним и самым важным аргументом в пользу необходимого усиления поддержки действий иранской оппозиции для руководства США и некоторых европейских стран, судя по всему, оказалась выявленная американскими аналитиками гипотетическая связь между ростом внутренней нестабильности и изменением позиции официального Тегерана в вопросе ИЯП.[381] С их точки зрения, возникшие летом 2009 г. проблемы с «Зеленым движением» привели к тому, что руководство ИРИ было вынуждено проявить гибкость и согласилось в октябре 2009 г. на сделку по обмену ядерным топливом. Последовавший в ноябре 2009 г. отказ от октябрьских договоренностей, таким образом, объяснялся усилением позиций М.Ахмадинежада внутри страны. Схожие трактовки периодически возникали и в отношении попыток Тегерана использовать в 2010 г. турецко-бразильскую инициативу.[382] В такой ситуации роль оппозиции в решении проблемы ИЯП значительно возрастала в глазах Запада.

Необходимо отметить, что поддержка оппозиционных течений осуществлялась представителями США и странами ЕС уже достаточно давно, была весьма разнонаправлена и включала работу с эмигрантскими организациями, сепаратистскими движениями, а также внутренней оппозицией. Прямых доказательств, подтверждающих циркулировавшую летом 2009 г. в Иране информацию об эмиссарах Запада, якобы принимавших участие в демонстрациях и осуществлявших провокационные действия, автору найти не удалось. Более того, нельзя исключать и некоторую преувеличенность роли внешнего фактора в происходивших событиях. Идею о вмешательстве неких третьих сил периодически обсуждали как представители правительства, так и представители оппозиции, пытаясь таким образом объяснить причины своих неудач.[383] В то же время в разговорах с автором некоторые иранские аналитики заявляли, что ряд проводившихся в ходе манифестаций мероприятий достаточно четко вписывался в сценарий спонсируемых Западом «цветных» революций. В частности, отмечалось, что инициативы с использованием цветовых знаков отличия и «акций молчания» не свойственны иранской политической культуре и проводились исключительно на европейский манер. Немаловажная поддержка «зеленому движению» была оказана иностранными СМИ и интернетом, подававшими информацию о демонстрациях с наиболее выгодной для манифестантов стороны (были в значительной степени акцентированы жертвы среди мирного населения и жестокость полиции).

Куда более доказанным и общепризнанным является использование США санкционных рычагов помощи оппозиции, облеченных в форму поддержки правозащитного движения. Так, традиционно американцами применяются санкции в отношении не только чиновников, связанных с ракетной и ядерной программами Тегерана, но и тех, кто был замечен в ущемлении человеческих свобод.[384] Одновременно из списка товаров, запрещенных к экспорту в ИРИ, Соединенными Штатами исключаются программы, необходимые для развития интернета и обхода создаваемых правительством электронных фильтров, ограничивающих доступ к оппозиционным и антиправительственным веб-сайтам. Впрочем, с принятием санкций 2010 г. этот метод поддержки оппозиции должен был выйти на качественно новый уровень и способствовать, по мнению некоторых экспертов, как усилению ее роли, так и возможному изменению ее социальной

базы.[385] Последнее было особенно важно в условиях 2009–2010 г., так как основные проблемы «Зеленого движения» ряд аналитиков связывал именно с узостью его общественной опоры, которая формировалась за счет представителей студенчества, интеллигенции, части среднего и высшего классов.[386]

Малообеспеченные слои общества, к которым относятся, по разным оценкам, до 60% иранского населения, не только не оказали массовой поддержки оппозиции, но и частично содействовали подавлению выступлений.[387] Несмотря на крайнюю политизированность иранского общества, его низы, рабочий класс и базар во многом сохраняют ориентацию на традиционные, консервативные ценности,[388] а также зачастую оценивают успешность деятельности того или иного правительства уровнем обеспеченности своих собственных повседневных нужд, а не уровнем демократических свобод. В указанной ситуации иранское правительство никогда не скупилось на поддержку городских малоимущих социальных групп, выигрывая их доверие. Кроме того, сторонники «Зеленого движения» воспринимались указанными слоями как естественные антагонисты, что было во многом обусловлено социально-культурными различиями и порожденной на их основе завистью, ведущей к взаимному неприятию. Впрочем, новые санкции должны были несколько изменить эту ситуацию.

К 2010 г. в Иране складывалась тяжелая социально-экономическая ситуация, обусловленная как внутренними структурными проблемами, так и последствиями мирового финансового кризиса, затронувшего и ИРИ. В этом положении, по мнению некоторых экспертов, сохранять лояльность малообеспеченных слоев иранского общества руководству страны удавалось только за счет обширной системы косвенных субсидий, направленных на поддержание низкого уровня внутренних цен на энергоносители и часть потребительских товаров.[389] Причем с каждым годом бремя этих дотаций росло, и к 2006–2007 гг. обеспечивать его за счет бюджетных средств (в зависимости от расчетов, до 90% формируемых за счет поступлений от нефти) государству стало проблематично.

В результате с 2008 г. правительство стало обсуждать планы по частичной монетизации и сокращению льгот, что вызвало неоднозначную реакцию в иранском обществе. Внешние силы, враждебно настроенные к действующему руководству ИРИ, резонно восприняли складывающуюся ситуацию как

удобный момент для нанесения удара по оппонентам в Тегеране. С их точки зрения, сокращение бюджетных доходов от экспорта нефти способно было не просто заметно снизить возможности правительства М.Ахмадинежада по субсидированию малоимущих слоев населения, приведя, таким образом, к росту недовольства среди них, но и поставить под угрозу реализацию амбициозной программы экономических реформ, что, в свою очередь, подняло бы вопрос о компетентности действующего кабинета министров и доверии к нему.

Дополнительными факторами, негативно влияющими на социально-экономическую ситуацию в стране, должны были стать ограничение возможностей по импорту топлива и ведению внешнеторговой деятельности (через санкции, связанные с финансовым и транспортным секторами экономики). В конечном итоге, комплекс названных мер должен был привести к переориентации бедных слоев населения на поддержку оппозиции, тем самым значительно расширив ее социальную базу и лишив М.Ахмадинежада и стоящие за ним политические группы ощутимой части сторонников.

В свою очередь, усиленная оппозиция уже имела бы основания претендовать на право выражать мнение всего иранского населения и требовать проведения перемен. Поддержка части духовенства (при отсутствии антирелигиозных лозунгов) также могла быть гарантирована. Как показывает практика, Верховный лидер ИРИ А.Хаменеи склонен лавировать между политическими течениями и для сохранения своих позиций поддерживать сильнейшую сторону. Кроме того, в иранском обществе уже в течение долгого времени циркулируют слухи, что рохбар и его сторонники имеют ряд разногласий с М.Ахмадинежадом и не совсем довольны самостоятельностью (если не говорить иначе – своеволием) нынешнего президента, а также растущей властью КСИР.[390] Несмотря на логичность предложенного сценария, развитие ситуации по нему не пошло.

6.2. Иранская оппозиция и санкции 2010 г.

На удивление европейцев и американцев, первыми, кто выступил против санкций, были именно представители оппозиции. Когда вопрос об их возможном применении еще только обсуждался в теории, бывший глава Министерства культуры и

исламской ориентации ИРИ в период президентства М.Хатами, А.Мохаджерани, воспринимаемый как один из лидеров сегодняшней иранской оппозиции, заявил в середине ноября 2009 г., что санкции, равно как и попытка военного решения проблемы ИЯП, не принесут желаемых результатов. Более того, по словам иранца, те меры, которые США и некоторые европейские страны разрабатывали в отношении Тегерана, могли значительно укрепить позиции правительства М.Ахмадинежада и ослабить его противников. А.Мохаджерани неоднократно подчеркивал, что только сильный иранский средний класс будет способен привести к власти оппозицию и произвести изменения. Однако предлагаемые США и ЕС шаги только ухудшают его финансовое положение.[391]

Слова бывшего министра культуры ИРИ в несколько измененном виде были повторены в начале августа 2010 г. в открытом письме лидеров «Зеленого движения» М.Х.Мусави и М.Кярруби (вслед за этим М.Кярруби дал развернутое интервью британскому изданию «Guardian»). В нем политики обвинили Запад в выборе «ошибочного пути» решения иранской ядерной проблемы. С их точки зрения, санкции дали М.Ахмадинежаду еще один повод усилить борьбу с инакомыслием, а дальнейшая изоляция страны от внешнего мира может сделать иранское руководство еще более неразборчивым в методах борьбы со своими внутренними врагами.[392] Также М.Х.Мусави и М.Кярруби с опасением отмечали, что принимаемые в отношении иранской экономики меры вовсе не являются настолько узко целенаправленными, как о том говорят в США и ЕС. Более того, в отличие от западных политиков, настаивающих на том, что основной удар санкций придется по экономическим интересам иранского правительства и их сторонникам, руководство оппозиции нисколько не сомневалось в том, что негативное влияние указанных мер в первую очередь ощутит иранский обыватель.[393]

После этого письма двух видных политических деятелей именно «беспокойство» за благополучие рядового обывателя стало главным доводом оппозиции против использования санкций в отношении ИРИ.[394] С точки зрения ее представителей, своими действиями США, ЕС и их сторонники только ухудшат состояние иранской экономики, повысив тем самым уровень безработицы в стране и ослабив покупательную способность населения. Созданные же ограничения в сфере

внешней торговли, по словам оппозиционеров, неизбежно сократят объем импорта бытовых товаров в ИРИ. При этом среди ввозимой продукции могут оказаться и предметы первой необходимости. В поддержку этого тезиса приводится пример с санкциями в отношении Ирака, когда из-за их применения серьезно выросла детская смертность в стране.[395]

Впрочем, по нашему мнению, заявленная забота о простых иранцах является не более чем пропагандистским шагом. Действительные причины непринятия оппозицией новых санкций связаны с тем, что последние действительно представляют угрозу как ее руководству, так и основному ядру движения. В первую очередь следует помнить о таком явлении, как иранский национализм, сформировавшийся за годы соперничества европейских держав за Персию и Иран в XIX – XX вв., когда интересы коренного населения не всегда принимались в расчет. С тех пор любое действие иностранцев, ущемляющее те или иные позиции страны, вызывает у иранского населения резкое отторжение, при этом нисколько не стимулируя его задуматься относительно обоснованности примененных мер.

В этой ситуации не стоит рассчитывать (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) на то, что иранцы в массе своей обвинят собственное правительство в провоцировании применения санкций. Наоборот, следует ожидать бурного всплеска антизападных чувств. Принимая во внимание другую национальную черту иранцев – поиск виновного и, по возможности, «установление справедливости», в складывающихся условиях правительству будет достаточно легко[396] сформировать из «зеленой» оппозиции образ «пособников Запада» и расправиться с ней.[397] Здесь стоит обратить особое внимание на то, что для городских низов и базара расправа над «выскочками» из верхов общества и среднего класса уже само по себе ассоциируется с «установлением справедливости».

Расширенная «санкционная» поддержка Запада в этом случае, оказалась явной «медвежьей услугой» для оппозиции. При этом до определенной степени представители «Зеленого движения» сами же ее и спровоцировали, периодически обращаясь к европейцам и американцам с просьбой «не забыть» правозащитный вопрос при принятии пакета мер. Однако они никак не рассчитывали, что под прикрытием правозащитной тематики для быстрого решения ядерного вопроса ЕС вместе

с американцами примет столь суровые экономические меры. В этом смысле весьма показательны слова М.Кярруби в его августовском заявлении «Guardian». В нем политик заверил читателей британского издания в том, что он по-прежнему верен идее «исламской» республики, а «Зеленое движение» не следует считать революционным, так как оно реформаторское по своей сути и не требует ничего, кроме свободных выборов.[398] Все это звучит одновременно и как попытка отмежеваться от иностранной поддержки, и сигнал Западу, что от оппозиции не следует ждать многого.

До нового всплеска активности «Зеленого движения» в феврале 2011 г. (произошедшего под влиянием народных волнений в Египте, Бахрейне, Тунисе и Ливии) М.Ахмадинежад и его сторонники все же не пошли на развертывание полноценной «охоты на ведьм». По имеющимся данным, некоторые аресты несогласных с политикой правительства проводились, но они не приобретали масштабов репрессий, а более служили напоминанием оппозиционерам о том, кто контролирует ситуацию в стране. В частности, в ноябре – декабре 2010 г. подверглись аресту три либерально настроенных журналиста, четыре политика и один экономист, слишком рьяно критиковавший программу реформ М.Ахмадинежада. В январе 2011 г. была приговорена к 11 годам тюрьмы иранская правозащитница Н.Сутуде, а чуть ранее на шесть лет был осужден оппозиционно настроенный режиссер Дж.Панахи. Реагируя на убийство двух причастных к ИЯП ученых-ядерщиков в ноябре 2010 г. и террористическую атаку в Чебахаре, совершенную смертником в середине декабря 2010 г., министерство информации[399] ИРИ 10 января 2011 г. объявило об аресте некоей группы, якобы работавшей на Израиль и несущей ответственность за убийство ядерщиков.[400] Одной из наиболее показательных акций стал обыск офиса М.Х.Мусави в сентябре 2010 г.[401]

Впрочем, сами по себе эти события, равно как и их интенсивность, весьма обыденны для Ирана и не позволяют говорить о сколь бы то серьезном ухудшении ситуации с соблюдением прав и свобод человека в стране в последние месяцы. По всей видимости, заявления М.Кярруби и М.Х.Мусави относительно неприятия ими санкций вполне устроили действующее правительство. Кроме того, эти выступления были дополнены жесткими комментариями других не менее важных лиц, таких как бывший президент и действующий глава Совета экс-

пертов А.А.Хашеми-Рафсанджани, а также спикер меджлиса А.Лариджани, которые хоть официально и не ассоциируются с оппозицией, но и к сторонникам действующего президента явно не относятся.[402] В частности, А.А.Хашеми-Рафсанджани в конце июля 2010 г. выступил с заявлением, в котором назвал примененные санкции элементом новой агрессивной тактики, используемой против ИРИ ее врагами.[403] В этой ситуации, по его словам, негативное влияние принятых Западом мер может быть компенсировано только с помощью «активной внешней политики и поддержания внутреннего единства».[404]

Между тем угроза усиления гонений не является главной угрозой для оппозиции. Судя по всему, ее беспокоит и возможное экономическое усиление сторонников президента на фоне ослабления собственных финансовых возможностей оппозиции, обусловленного негативным влиянием санкций. Здесь необходимо сказать несколько слов о происходящем в Иране постепенном переходе рычагов управления над экономической ситуацией в стране в руки так называемых «полугосударственных» структур.

6.3. Санкции и процесс формирования иранской экономической элиты

Сам по себе процесс формирования «полугосударственных» структур начался еще до прихода к власти в стране М.Ахмадинежада в 2005 г. Изначально толчок для его развития дали создаваемые при различных министерствах и ведомствах инвестиционные компании и фонды, главной задачей которых было улучшение благосостояния вышедших в отставку госчиновников (а в некоторых случаях и предоставление им работы). В последствии, пользуясь покровительством правительства, они быстро превратились в центры принятия важных для экономики ИРИ решений. Еще в 2005 г., по словам возглавлявшего на тот момент Организацию управления и планирования Х.-Р.Барадаран-Шурака, в руках полугосударственных образований находилось 35% финансовых и трудовых ресурсов страны. С точки зрения некоторых экспертов, после прихода к власти М.Ахмадинежада, возможности связанных с правительством фондов и корпораций возросли еще больше. В частности, на данный момент иранские эксперты выделяют 12 круп-

ных полугосударственных организаций, которые проникли практически во все сферы экономики. По их словам, проводимая действующим президентом приватизация стала для ряда государственных деятелей удачной возможностью саккумулировать в своих руках контроль над стратегически важными предприятиями страны.[405]

Наиболее активно из «полугосударственных» структур в приватизационный процесс вовлечены компании и инвестиционные фонды, связанные с Корпусом стражей исламской революции (КСИР), такие как «Мехр-э эгтесад-э иранийан», Кооперативный фонд КСИР, холдинг «Бахман Груп» и т.д. Финансовой опорой КСИР в приватизационном процессе выступает Фонд обездоленных («Боньяд-э мостазафан»), сформированный сразу после революции для управления экспроприированным у шахских властей имуществом. Активно играя на бирже, данная структура заполучила в свои руки руководящий пакет акций компаний «Кархнеджат-э канд-э казвин», «Канд-э кучан, ширван ва божнурд», «Канд-э эсфахан», «Иран пуйа», «Санайэ-йэ каши ва серамик-э сина», «Шише ва газ», «Иран тайер», «Чини Иран», «Бехнуш-э иран», «Нафт-э бахаран». По некоторой информации, контролируемые Фондом компании производят в Иране 27% текстиля, 22% цемента, 45% безалкогольных напитков, 28% шин, 25% сахара. С 2008 г. по договоренности с министерством нефти ИРИ «Боньяд-э мостазафан» принимает участие в торговле энергоресурсами.[406]

Нашумевшей крупной биржевой сделкой с участием Корпуса стала покупка в конце сентября 2009 г. 50% акций Государственной коммуникационной компании. Фактически, частный сектор вовсе не участвовал в борьбе за указанный контрольный пакет: и проигравшая «Мехр-э эгтесад-э иранийан» и выигравший консорциум «Тоусеэ-йэ эттемад-э мобин» в конечном счете находятся под контролем КСИР. В частности, указанный консорциум создан компаниями «Гостареш-э электрик-э эттемад-э новин» (исполнительный директор М.Пурранжбар), «Шахрийар Мохестан» (исполнительный директор М.-Р.Модаррес-Хейабани) и инвестиционным фондом «Тоусеэ-йэ эттемад-э мобин». Последние две организации входят в состав холдинга «Бахман Груп», 48% акций которого владеет Кооперативный фонд КСИР. Состоявшаяся сделка вызвала значительный резонанс среди общественности и в деловых кругах ИРИ. Меджлис даже сформировал специальную комиссию по расследова-

нию осбтоятельств. Однако сами власти вполне четко дали понять, что не собирались выпускать из-под своего контроля такую важную для национальной безопасности сферу, как телекоммуникации. Руководство Тегеранской биржи также заявляет о необходимости частному сектору свыкнуться с ситуацией, когда «полугосударственные» организации выступают активными и наиболее сильными игроками (по их словам, этот процесс «естественный, необратимый и характерный для всех стран»).[407]

Существуют и другие крупные полугосударственные структуры, не связанные с КСИР, но играющие активную роль в приватизационном процессе, включая Фонд «Захирэ-йэ фархангийан» при министерстве образования ИРИ, Пенсионный фонд, а также корпорацию «Шоста». Последнюю обычно принято выделять особо. Изначально она была создана в 1986 г. под эгидой Организации соцобеспечения ИРИ для хеджирования страховых рисков. К 2010 г. эта корпорация владела контрольными пакетами акций компаний «Лавазем-э ханеги-йэ Парс», «Месс-э шахид Бахунар», «Кабел-э бахтар», «Солиран», «Парс электрик», «Сармойегоазри-йэ петрошими». В ее состав входили 8 дочерних страховых инвестиционных компаний (Садр, Симан, Даруи, Нафт-о-газ, Санайе-йэ омуми, Петрошими ва шимйои, Умран ва сохтеман, Саба). По оценкам экспертов, на долю корпорации «Шоста» к 2010 г. приходилось 18% осуществляемых на бирже операций и 11% стоимости оборачивающихся на ней бумаг.

С точки зрения экспертов, идущий сейчас в Иране процесс формирования и укрепления «полугосударственных структур» тесно связан с политическими процессами перехода контроля над общей ситуацией в ИРИ из рук старой политической и экономической элиты, представленной бывшими революционерами-клерикалами, в руки относительно новой группировки, сформированной из военнослужащих – бывших и действующих членов КСИР и «Басидж», а также светских технократов.[408] Изначально эта новая элита формировала свои активы за счет имитации приватизации государственного сектора (по данным Международного Банка, только 14% предприятий, выставленных на приватизацию, действительно попали в руки частного сектора).[409] В текущей ситуации можно говорить о частичной эволюции существующего в Иране режима из «теократии» в «корпоракратию», где политика прави-

тельства оказывается тесно связанной с интересами существующих корпораций. В этой ситуации защита «полугосударственных» фирм от негативного влияния санкций стала одной из приоритетных задач правительства М.Ахмадинежада. Так, в качестве вынужденной компенсаторной меры им был передан ряд контрактов ушедших из Ирана под давлением США и ЕС иностранных компаний.[410]

Необходимо отметить, что связанный с государством бизнес и до введения санкций 2010 г. первым получал перспективные и прибыльные проекты в сфере развития энергетического сектора и экономической инфраструктуры (что было не всегда оправданно с точки зрения его финансово-технических возможностей).[411] Наиболее ярок пример созданного на основе инженерных войск КСИР консорциума «Хатам-оль-Анбия», пользующегося активной поддержкой правительства.[412] На начало 2010 г. им реализовывались или были практически завершены такие проекты, как строительство газопроводов Ассалуйе – Ираншахр (передан «Хатам-оль-Анбия» на бестендерной основе), Наин – Мейами (работы проводились совместно с компаниями «Садид» и «Махшахр», частично принадлежащими КСИР), Иран – Армения (завершен), Мейами – провинция Гулестан (планировалось приступить к реализации в 2010 г.), трансиранского газопровода №9 (планировалось приступить к реализации в 2010 г.), а также разработка 15-го и 16-го блоков газового месторождения Южный Парс (получен на бестендерной основе),[413] проведение геологоразведывательных работ на указанном месторождении (силами дочерней инжиниринговой нефтегазовой компании «Сапанир») и строительство необходимой портовой инфраструктуры для проекта по производству СПГ «Iran LNG».

Бизнес оппозиции такой государственной поддержкой не пользуется и в итоге в полной мере ощущает на себе негативное влияние санкций.[414] Важным оказалось и распределение сфер контроля над бизнесом между старой экономической элитой и условно «новой». В соответствии с 44-й главой конституции ИРИ экономическая система страны базировалась на трех секторах – государственном, кооперативном и частном. В течение долгого времени (практически до победы М.Ахмадинежада на выборах в 2005 г.) за госсектором были закреплены исключительные права на все крупные отрасли промышленности и тяжелую промышленность, внешнюю торговлю,

крупные горнодобывающие предприятия, банки и систему страхования, энергоснабжение, плотины и крупные ирригационные системы, радио и телевидение, почту, телеграф и телефон, авиацию, гражданский морской флот, автомобильные и железные дороги. В результате официальные (то есть законные) частные активы старой экономической элиты формировались на базе кооперативного и частного секторов, включавших, согласно конституции ИРИ, кооперативные организации в сферах производства и распределения, создаваемые в городской и сельской местности в соответствии с нормами ислама, а также ту часть сельского хозяйства, животноводства, промышленности и сферы услуг, которая дополняет экономическую деятельность государственного и кооперативного секторов.[415]

Иными словами, старая экономическая элита формировала свой капитал в сфере обслуживания и легкой промышленности. Таким образом, например, развивался фисташковый бизнес клана А.А.Хашеми-Рафсанджани,[416] а также, по некоторым данным, формировалась монополия на торговлю древесиной клана А.А.Натега-Нури.[417] На момент избрания М.Ахмадинежада президентом ИРИ в 2005 г. родственникам А.А.Хашеми-Рафсанджани, помимо крупной доли в производстве и экспорте иранских фисташек, предположительно (официально это никогда не подтверждалось) принадлежали сборочная линия «Daewoo», частная авиакомпания и нефтяная инжиниринговая фирма. Слухи приписывали клану Рафсанджани контроль за портами созданных на Персидском заливе СЭЗ, а также владение целыми курортами в районе Гоа, в ОАЭ и Таиланде.[418] Другой клан старой экономической элиты – Асгаравлади[419] к 2005 г. был вовлечен в процесс экспорта фисташек, тмина, сухофруктов, креветок и икры, а также импорта сахара и бытовых приборов. Официально весь бизнес контролировал Асадолла Асгаравлади, хотя важную помощь ему в процессе становления, судя по всему, оказал его брат Хабиболла, который будучи в 1980-х годах министром торговли ИРИ отвечал за распределение лицензий на право вести внешнеторговые операции.[420]

Пробовала (причем вполне успешно) старая экономическая элита брать под свой контроль и государственный сектор экономики. Ввиду того, что создание частных предприятий в тяжелой и перерабатывающей промышленности, финансовом секторе и добывающей отрасли было запрещено, контроль

над ними устанавливался через назначение доверенных лиц и родственников на руководящие посты в соответствующих министерствах и ведомствах. Тот же клан А.А.Хашеми-Рафсанджани в 1990-х – первой половине 2000-х гг. имел (и в некоторых случаях частично сохранил даже после прихода к власти М.Ахмадинежада) тесные связи с министерством нефти, тегеранским метростроем, а также радио и телевидением. Однако сами по себе такие связи были неофициальны и в большинстве случаев незаконны, своим существованием они стимулировали коррупцию и порождали в обществе бурную дискуссию о вреде, наносимом экономике страны засильем кланов.[421] Подобные дискуссии позже дали сторонникам М.Ахмадинежада повод провести «чистку» министерств под предлогом борьбы с «мафией» (наиболее известна кампания борьбы с нефтяной мафией), то есть фактически заменить неугодных представителей старой экономической элиты на представителей новой элиты.[422]

Все попытки старой экономической элиты провести полномасштабную приватизацию (не случайно впервые инициированную А.А.Хашеми-Рафсанджани)[423] и тем самым легализовать свое право на управление принадлежащими государству секторами экономики в 1990-х годах по ряду причин терпели неудачу. М.Ахмадинежад оказался более успешен в этом вопросе и под предлогом уточнения параметров применения 44-й статьи конституции ИРИ провел в форме приватизации перераспределение собственности. Однако выиграли от него, естественно, уже выходцы из КСИР и технократы, получив возможность легально контролировать теле- и радиокоммуникации, тяжелую индустрию, а также частично энергетику и транспортную инфраструктуру страны.

Только в 2009 г. уже упоминавшаяся «Мехр-э эгтесад-э иранийан» провела крупные сделки по покупке акций таких иранских государственных фирм, как «Азараб», «TideWater Middle East Marine Services Inc., PLC», автомобильный концерн «Бахман», Компания по развитию шахт и Тебризский тракторный завод. Также к 2010 г. она владела акциями «Текнотур» (34,3%), Инвестиционной компании промышленного развития Ирана (Шэркят-э тоусеэ-йэ санати-йэ иран, 24,1%), Иранской литейно-тракторной компании (19%), Инвестиционной компании «Тусгостар» (15,7%), Иранской морской промышленной компании (8%), Иранской горнообрабатывающей компании

(6%), Трубопрокатной компании «Садид» (4,2%), алюминиевой компании «Иралко» (2,8%), сталелитейного завода «Мобаракэ», Финансово-кредитной компании «Сина», Инвестиционной компании по развитию иранского Азербайджана, Лекарственной компании «Джабербан-э хаййан».

При этом поведение связанных с новой экономической элитой компаний значительно отличалось от поведения остальных участников биржи. Действия той же «Мехр-э эгтесад-э иранийан» нельзя охарактеризовать как игру на акциях: количество проводимых ею продаж в 2009 г. было минимально. По мнению экспертов, речь шла о проводимой планомерной скупке акций промышленных предприятий, имеющих стратегическое значение для экономической безопасности ИРИ. Причем не всегда эти сделки были оправданы с точки зрения текущей коммерческой выгоды. Исполнительный директор «Мехр-э эгтесад-э иранийан» И.Резави (кстати, не скрывающий своего военного прошлого в КСИР) заявлял о том, что покупка акций «Иралко» была не оправдана с финансовой точки зрения, но упустить возможность получить доступ к управлению крупнейшим производителем алюминия в Иране указанная фирма не могла.[424]

По словам аналитиков, справедливая рыночная конкуренция на бирже допускалась правительством только в тех случаях, когда не затрагивались жизненно-важные интересы его сторонников. При этом для КСИР было предпочтительнее, чтобы она разворачивалась среди своих же компаний, как, например, ожесточенная борьба между «Мехр-э эгтесад-э иранийан» и «Хатам-оль-Анбия» за 5% акций компании «Садра» в мае 2009 г. Впрочем, что характерно, развернулась она уже после того, как представители «Хатам-оль-Анбия» заполучили 51,18% акций этой компании общей стоимостью 76 млн. долл. США.[425]

Введение санкций оказало серьезное воздействие на процесс разделения сфер контроля между экономическими элитами. Сфера услуг, торговля, а также легкая промышленность первыми почувствовали на себе влияние принятых мер. В то же время добывающий сектор, транспорт, тяжелая промышленность не только поддерживались государством (как в силу связей с ними новой экономической элиты, так и по объективным причинам), но и имели больший запас прочности. Он обеспечивался сохранявшимся к ним интересом иностранных

компаний и низкой эластичностью спроса на их продукцию. Именно в силу указанных причин средний класс и поддерживающая оппозицию часть старой экономической элиты так негативно отреагировали на введение новых санкций. Последние, как представляется, на сегодняшний день в целом ухудшили положение оппозиционных кругов.

6.4. К вопросу о способности экономических санкций повлиять на подходы иранской оппозиции к проблеме ИЯП

В целом на сегодня с большой долей вероятности можно утверждать, что санкции не только не усилили положение оппозиции за счет снижения финансово-экономических возможностей правительства ИРИ, но и даже дали обратный эффект (ее ослабление). Кроме того, весьма спорен и ответ на вопрос относительно того, захотели и смогли ли бы «Зеленое движение» или другие оппоненты М.Ахмадинежада изменить позицию официального Тегерана по вопросу ИЯП в случае прихода к власти (или хотя бы возможности влиять на нее). С нашей точки зрения, ее потенциал к трансформации режима и его внешнеполитической направленности весьма ограничен. Хотя 4 ноября 2009 г. Верховный лидер ИРИ С.А.Хоменеи и выступил с заявлением относительно того, что западные силы пытаются создать раскол в иранском обществе, тем самым принудив руководство страны пересмотреть свои позиции в вопросе ИЯП, внутри самой политической элиты страны принципиального расхождения по этому вопросу не просматривалось. Более того, осенью 2009 г. лидер «Зеленого движения» предупредил своих сторонников относительно необходимости отказа от любых лозунгов, направленных против Верховного лидера и пересмотра иранской внешней политики.[426]

Ныне покойный аятолла А.Монтазери был единственным, кто предложил руководству ИРИ отказаться от попыток создания ядерного оружия независимо от складывающихся обстоятельств.[427] Остальные представители оппозиции предпочли не затрагивать столь животрепещущей темы. С одной стороны, это объясняется тем, что направления иранской внешней политики, вызывающие недовольство части международного сообщества, такие как ядерная программа, поддержка Хизбаллы

и палестинского движения, давно позиционируются властями ИРИ как часть национальной идеи, открыто идти против которой руководству оппозиции не под силу.[428] С другой стороны, ни М.Х.Мусави, ни М.Кярруби не мыслят свое существование вне рамок исламского строя. Для них политическая борьба не связана с вопросами смены формы правления или кардинального пересмотра внешнеполитической доктрины страны (подразумевающей и изменение подходов в вопросе применения ИЯП).[429] Для обоих политиков первичными являются социально-экономические вопросы.

Тяжелая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Иране накануне президентских выборов 12 июня 2009 г., в значительной степени обострила противостояние различных политических группировок внутри страны и усугубила негативное влияние на ситуацию традиционных разногласий в обществе по таким вопросам, как перспективы предоставления больших свобод населению, сокращение вмешательства государства в различные сферы жизни, активизация деятельности частного сектора. Все это привело к тому, что М.Кярруби и М.Х.Мусави уделяли особое внимание пропаганде своей экономической программы действий. При этом, с точки зрения экспертов, важным для кандидатов было не только продемонстрировать имеющееся у них желание улучшить условия жизни и благосостояние населения ИРИ, но и предложить продуманный, конкретный, а также осуществимый план по достижению указанной цели. Ориентиром для многих претендентов на пост президента служила предложенная М.Ахмадинежадом программа реформы, которая, по мнению участников предвыборной гонки, уже не давала им права ограничиться критикой действующего кабинета министров и общими обещаниями.

Достигнуть главной (и общей для всех кандидатов) цели по созданию справедливой экономической системы, основанной на принципах демократии, равноправия и ограниченного государственного вмешательства, каждый из соперников М.Ахмадинежада собирался по-своему: М.Кярруби – через раздачу всем иранцам старше 18 лет акций некоей пока еще не созданной компании (фонда), контролирующей продажу добытых в ИРИ энергоресурсов; М.Х.Мусави путем защиты отечественного производителя, восстановления распущенной М.Ахмадинежадом Организации управления и бюджетного планирования и усиления роли кооперативного и частного секторов. Однако, как под-

черкивают некоторые эксперты, при всем разнообразии подходов в экономической части предвыборных программ у М.Кярруби и М.Х.Мусави просматривался ряд общих черт с предвыборной платформой М.Ахмадинежада.

Все главные конкуренты действующего президента действительно активно критиковали правительство за рост инфляции, безработицы, разорение действующих предприятий, чрезмерное вмешательство государства в управление экономикой и дела частного сектора, бесконтрольный ввоз иностранных товаров, ставящий под угрозу существование внутреннего производителя. Но стоило им только перейти к обсуждению конкретных шагов по улучшению существующей ситуации, тут же возникала оговорка о том, что они не собираются коренным образом отказываться от экономического курса действующего президента, имеющего, с их точки зрения, и положительные моменты. Тот же М.Х.Мусави, ярый критик девятого кабинета министров, предупреждавший на митингах о губительных последствиях реализации плана реформ М.Ахмадинежада, в более спокойной обстановке отмечал, что в случае победы он обязательно проведет реструктуризацию субсидий (не исключая и монетизацию льгот), осуществит введение НДС, активизировав тем самым налоговую политику государства, и продолжит приватизацию, т.е. воплотит в жизнь замыслы прежней администрации.

По мнению многих аналитиков, отмечающих фактическую идентичность предвыборных экономических программ основных кандидатов, главная политическая борьба перед выборами 2009 г. и после них развернулась не за право предложить свою программу реформ, а за право их провести. Накануне выборов М.Ахмадинежад планировал под видом проведения экономических преобразований фактически произвести перераспределение части контрольных функций в свою пользу, а также выйти из под надзора меджлиса и Наблюдательного Совета (НС). В частности, громкое обсуждение вопроса отмены топливных субсидий практически вывело из поля зрения иранской общественности ряд других немаловажных аспектов запланированных реформ: правительство старалось сделать исключительно своей прерогативой право вводить налоги и определять их уровень, а также в завуалированной форме за ним оставалось право контроля за ценами. Наконец, распределение прямых субсидий среди физических и юридических лиц также выводи-

лось из сферы ответственности старых институтов и переходило под контроль государства. Таким образом, фактически ставились под угрозу интересы ряда политических групп, куда входили такие видные политические деятели, как А.А.Хашеми-Рафсанджани, М.Хатами, А.А.Натек-Нури, Х.Рухани, М.Р.Бахонар. Выдвигая в качестве кандидатур на пост президента М.Кярруби, М.Резаи и М.Х.Мусави данные политические группировки старались помешать М.Ахмадинежаду изменить сложившуюся расстановку сил и взять инициативу в свои руки.

По мнению некоторых экспертов, президентские выборы 2009 г. в Иране качественно отличались от предыдущих: анализируя их итоги, уже нельзя говорить о столкновении интересов реформаторов и консерваторов, клерикалов и технократов. Корни борьбы оказались намного глубже: 12 июня 2009 г. старая политическая и экономическая иранская элита проиграла своему относительно новому оппоненту – набирающей силу т.н. «партии военных», выходцев из КСИР и Басидж, поддерживаемых Верховным руководителем С.А.Хаменеи. В данной ситуации, с точки зрения экспертов, политическая борьба до и после президентских выборов основывалась на противостоянии экономических интересов местных элит. По их мнению, призывы к большим свободам и демократии одних, равно как и лозунги о порядке и справедливости других преследовали исключительно манипулятивные цели – настроить общественность против своего оппонента. На практике обе стороны отличались прагматичной настроенностью и не собирались радикальным образом менять внутри и внешнеполитический курс страны. В итоге попытка Запада «помочь» санкциями лидером оппозиции, дать им еще один инструмент обвинить действующее руководство в ухудшении социально-экономического положения ИРИ из-за несговорчивости в вопросе ИЯП изначально была обречена на провал. Принцип исламской республики и ее задач не ставился руководителями «Зеленого движения» под сомнение, а значит, и санкции могли ими восприниматься только как зло.

Весьма показательна в этом плане структура заявлений обоих лидеров оппозиции. И М.Х.Мусави, и М.Кярруби использовали санкции как повод для дополнительной критики в отношении действующего правительства. Однако все их выпады в сторону М.Ахмадинежада касались вопросов ИЯП и санкционного давления лишь косвенно. Так, президенту ИРИ

ставилось на вид, что благодаря его ошибочным действиям экономика страны оказалась в тяжелом положении, которое будет дополнительно ухудшено под негативным влиянием санкций.[430] Лишь непосредственно накануне голосования СБ ООН по резолюции №1929 М.Х.Мусави выступил со словами о том, что складывающаяся ситуация вызвана «бестактными и авантюристичными внешнеполитическими шагами руководства страны».[431] В начале июля 2010 г. М.Кярруби частично повторил его слова, заявив, что главной причиной введения санкций стала неблагоразумная политика действующего президента, спровоцировавшего Запад на подобные действия.[432] Впрочем, в дальнейшем оба лидера старались не концентрировать на этом внимание и проявляли достаточное единодушие с властями в оценке случившегося: действия США и ЕС, мол, оказались контрпродуктивны и наносят Ирану только вред.[433] В этой ситуации невольно складывается впечатление, что попытки М.Х.Мусави и М.Кярруби подменить дискуссию о ситуации с санкциями обсуждением иных вопросов (будь то ситуация с правами человека или тяжелая внутренняя экономическая ситуация) направлены исключительно на сокрытие общности их позиций с М.Ахмадинежадом по указанной проблеме. Очевидно, что именно с этой целью М.Х.Мусави все же иногда повторял свои обвинения в адрес М.Ахмадинежада относительно ответственности последнего за принятие новых санкций в отношении ИРИ в 2010 г., но звучали указанные высказывания достаточно неубедительно.[434]

Несколько отличны в этом вопросе подходы рядовых членов оппозиции. Часть из них действительно считает изменение политического строя и отказ от столь агрессивных подходов в вопросе ИЯП необходимыми.[435] Недаром, несмотря на требования руководителей, рядовые члены «Зеленого движения» в ходе волнений использовали лозунги «Смерть Хоменеи» и «Ядерный Ахмадинежад, пойди отдохни».[436] Впрочем, сами эти лозунги больше испугали лидеров оппозиции, нежели власть. Выводя народ на улицы, они явно не намеревались производить столь коренных изменений.[437] В итоге ни М.Х.Мусави, ни М.Кярруби не были готовы действительно возглавить оппозицию и воспользоваться попыткой внешних сил помочь им (в том числе, и с помощью введения санкций). Фактически, они постепенно стали стремиться сдерживать порывы своих рядовых сторонников.

6.5. Руководство ИРИ и экономические санкции

6.5.1. Действия правительства ИРИ накануне принятия санкций

Президентские выборы в Иране в 2009 г. и последовавшие за ними волнения сыграли важную роль в подготовке правительства ИРИ к другому не менее тяжелому испытанию – принятию санкций 2010 г. Выступления оппозиции после победы М.Ахмадинежада в первом туре голосования наглядно продемонстрировали руководству страны все слабые стороны созданной системы государственного управления. В итоге власти Ирана извлекли из событий второй половины 2009 г. урок и постарались укрепить свои внутриполитические позиции в преддверии принятия санкций.

В стране была развернута скрытая борьба с инакомыслящими и сторонниками «Зеленого движения», выражающаяся в проведении мало афишируемых чисток среди госслужащих, сотрудников высших образовательных учреждений (по имеющимся данным, в значительной степени пострадал преподавательский состав Тегеранского государственного университета) и студентов. На момент принятия санкций 2010 г. властям удалось добиться главного – заставить «зеленых» и сочувствующих им в значительной массе уйти с улиц и быть более осторожными.[438]

После президентских выборов 2009 г. был существенно укреплен карательный аппарат. Так, в октябре 2009 г. руководство ИРИ объявило о начале второго этапа структурного реформирования КСИР и Басидж, направленного на расширение возможностей данных структур по борьбе с внутренними оппонентами. События, последовавшие за президентскими выборами в ИРИ 12 июня 2009 г., усилили опасения правящей элиты относительно того, что главную угрозу для существующего в ИРИ режима представляет не открытая военная агрессия, а инспирированный извне внутренний заговор. В результате дополнительную поддержку со стороны аппарата Верховного руководителя и президента получил реализуемый с 2008 г. план реструктуризации КСИР. Его выполнение, по замыслу руководства ИРИ, должно было помочь сместить акценты в военной

доктрине Корпуса с противостояния открытому внешнему вторжению на борьбу с возможными «цветными революциями» (или, как они официально называются здесь, «мягкими угрозами»). Главными элементами этой программы являются: (1) децентрализация управления Корпусом с большим фокусированием внимания руководства КСИР на ситуации в провинциях, (2) слияние паравоенной организации «Басидж» с КСИР.

В рамках первого этапа реализации данного плана летом 2008 г. в иранских провинциях на базе расположенных там бригад Корпуса было сформировано 29 областных командований КСИР, несущих полную ответственность за развитие ситуации в курируемых ими районах. Еще две группировки КСИР (Сейед аш-Шохада и Мохаммад Росул Алла) руководство ИРИ развернуло в провинции Тегеран. Одновременно в ведение вновь созданных управленческих единиц был передан контроль за расположенными в их районах подразделениями «Басидж», которые в случае необходимости должны были первыми начать подавление «цветных» выступлений. Для более слаженного взаимодействия командующие провинциальными силами «Басидж» оказались назначены на должности заместителей командующих подразделениями КСИР в провинциях.

Однако, как показали события июня 2009 г., данная реформа оказалась недостаточной для повышения эффективности применения как сил Корпуса, так и «Басидж». Последняя структура, будучи весьма громоздкой и выполняя кроме военной еще ряд идеологических, политических и культурных задач, не смогла оперативно среагировать на начавшиеся выступления. В результате еще в июле 2009 г. глава тегеранской полиции А.Раджабзаде сообщил СМИ о планах по созданию в столице пятидесятитысячного резервного подразделения «младших полицейских чинов» из числа добровольцев, которые будут в случае необходимости оказывать поддержку основным силам СОП. В будущем такие подразделения численностью до 300 тысяч человек планируется создать и в других крупных городах страны. Фактически в недрах полиции был запущен процесс формирования новой вспомогательной силовой структуры, призванной заменить отряды народного ополчения «Басидж», которые не всегда профессионально и с соблюдением заданных рамок действовали при подавлении июньских выступлений 2009 г. В октябре 2009 г. руководство ИРИ и вовсе приняло решение, в результате которого силы

«Басидж» в своем нынешнем виде оказались де-факто упразднены. На их базе должны быть созданы две отдельные структуры: «Организация обездоленных басиджей», выполняющая культурно-просветительские и идеологические функции, а также Сухопутные силы сопротивления, наследующие военные обязанности «Басидж» по борьбе с контрреволюцией, но находящиеся под управлением КСИР.

По имеющейся информации, руководители ИРИ остались недовольны и действиями самого Корпуса, не сумевшего вовремя спрогнозировать и остановить массовые выступления «зеленого» движения. По этой причине, по некоторым данным, в отдельную и независимую структуру под командованием бывшего главы контрразведывательного управления Министерства информации Х.Тайеба была выделена разведка КСИР, которая особый акцент в своей работе должна была сделать на борьбу с «мягкими угрозами» и подготовкой «цветных революций».

В целом структурные перестановки в Корпусе, по оценкам экспертов, были закономерны. Режим, ощущая сохраняющийся в обществе взрывной потенциал, извлек уроки из прошедших в июне 2009 г. выступлений и приложил все усилия по улучшению эффективности применения карательного аппарата. В то же время опасения вызывает идущий процесс смещения акцентов в оборонной доктрине с готовности отразить открытое военное вторжение на подавление внутренних мятежей и инакомыслия: итогом превращения КСИР из военной в полицейскую организацию стало общее усиление влияния его руководства на ситуацию в стране, что дополнительно подстегнуло и без того активно идущий процесс слияния властных и военных кругов в ИРИ.

Последовавший после выборов 2009 г. всплеск политической активности также позволил М.Ахмадинежаду выявить инакомыслящих в рядах госслужащих высшего эшелона, ответственного за принятие решений в экономической сфере, и провести чистку в министерствах. В первую очередь это коснулось министерства нефти. В частности, руками главы Национальной Иранской Нефтяной Компании (НИНК) С.Джашнсаза в 2009 г. были отправлены в отставку замминистра по вопросам планирования А.Торкан, глава пенсионного фонда нефтяников Карбасиян, директор специальной энергетической зоны «Южный Парс» А.Разави, директор Национальной бурильной компании Рафии, финансовый директор НИНК Х.Аллахдад, директор по вопросам геологоразведки НИНК С.М.Мохдат. Большинство

из указанных лиц не только принадлежали к числу оппонентов политического курса М.Ахмадинежада, но и относились к ориентированной на большее сотрудничество с Западом политической группировке, неоднократно обвинявшейся в создании препятствий на пути реализации невыгодных ей проектов. Именно эти люди в условиях введения в 2010 г. Западом новых экономических санкций могли бы постараться повлиять на позиции режима в вопросе ИЯП.

С другой стороны, имевшие место волнения побудили руководство ИРИ активнее принимать меры по улучшению социально-экономической ситуации. Во-первых, был сделан ряд шагов по защите внутреннего производителя. 17 июня 2009 г. правительство обязало все государственные предприятия использовать для обеспечения своих нужд только продукты отечественного производства, запретило им ввозить в Иран товары, эквиваленты которых производятся внутри страны, а также значительно ограничило возможности по рекламе импортной продукции. Ранее кабинет министров принял свод таможенных пошлин на 1388 г., значительно увеличивший (в ряде случаев до 21–31%) налоги на ввозимые продукты питания, в том числе рис. В стране была проведена реструктуризация существующих долгов, в первую очередь с предоставлением отсрочек производственному сектору. С 15 до 20 лет увеличен срок освобождения от налогов для предприятий, расположенных в свободных торгово-экономических зонах Киш, Кешм, Чахбахар, Арванд, Аракс и Энезели.

Во-вторых, проводилась осторожная политика либерализации экономики и поощрения развития финансовых институтов. 28 июня 2009 г. парламентом Ирана был принят закон «О развитии новых финансовых институтов для поощрения реализации 44-й статьи Конституции ИРИ», упорядочивающий деятельность ПИФов, предусматривающий 5–20%-ные вычеты из налога на прибыль компаний, занимающихся торговлей на товарной бирже или выставивших свои акции на торги, облегчающий налоговое бремя иранских физических и юридических лиц, играющих на иностранных биржах.

В-третьих, правительство провело изменения в системе принятия решений в социально-экономической сфере. Первым шагом стала отмена непопулярного указа об упразднении Совета по кредитно-финансовому контролю. Был принят план реструктуризации министерств.

6.5.2. Реакция руководства ИРИ на санкции 2010 г.

В конечном итоге, весь указанный комплекс мер привел к тому, что позиции иранского руководства внутри страны накануне принятия санкций оказались значительно укреплены. При этом голос оппозиции был приглушен, а все ветви власти продемонстрировали максимальную сплоченность и единодушие в своем видении ситуации вокруг ИЯП, а также последствий принятых США, ЕС и их союзниками мер. Как и ранее, тональность высказываний иранских политических кругов задавали заявления представителей исполнительной власти. Практически во всех своих выступлениях, в которых затрагивался указанный вопрос, М.Ахмадинежад активно подчеркивал, что, во-первых, принятие санкций стало еще одним «проявлением глупости» со стороны Запада, за которую европейцам и американцам еще придется заплатить, во-вторых, сами санкции не оказывают никакого влияния на экономику ИРИ, и, в-третьих, под умелым управлением правительства Иран в скором времени сможет достичь значительных успехов в ее развитии (подразумевается улучшение ситуации с обеспечением топливом внутреннего потребителя и снятие с бюджета бремени косвенных субсидий за счет их монетизации).[439] Эти позиции рефреном повторяются в выступлении ближайших соратников главы иранского правительства, включая первого вице-президента М.Р.Рахими и советника президента М.Хашеми-Сомаре.[440]

Немаловажной для президента была и поддержка аппарата Верховного лидера ИРИ. 24 июня 2010 г. С.А.Хменеи сделал весьма развернутое заявление относительно принятия резолюции СБ ООН №1929. С его точки зрения, она и наложенные ею санкции явились очередным враждебным действием в отношении Ирана. Более того, по словам Верховного лидера, санкционное давление является далеко не единственным средством, которое западные страны используют против Тегерана. Как заявил С.А.Хаменеи, в «инструментарии» противников исламской республики присутствуют такие меры, как пропаганда, действия, направленные на разжигание противоречий, военные угрозы. О средствах военного запугивания Верховный лидер упомянул особо, подчеркнув, что, несмотря на введение новых санкций, оппоненты ИРИ не отказались от них и «держат их про запас».[441]

Полностью на стороне президента в вопросе санкций оказался и парламент, далеко не всегда поддерживающий М.Ахмадинежада

по остальным вопросам. Особенно активно высказывались спикер меджлиса А.Лариджани и глава комитета по вопросам национальной безопасности и внешней политики А.Боруджерди, чьи речи были наполнены патетическими высказываниями и явными выпадами в адрес Запада.[442] Так, А.Боруджерди назвал «неприемлемым» поведение представителей ЕС, когда они, по словам парламентария, «с одной стороны, принимают санкции против Ирана а, с другой, призывают [его] вести диалог».[443] Депутаты оказались одними из первых, кто предложил принимать в отношении стран, поддерживающих санкции (в том числе, и в вопросе досмотра иранских воздушных и морских судов), ответные меры.[444]

Весьма предсказуемой была реакция военных кругов. В конце сентября командующий силами басидж бригадный генерал М.-Р.Нагди подверг критике двухтрековый подход европейцев к проблеме ИЯП, заявив, что подобное поведение является двуличием, свидетельствующим о «безумии и глупости» оппонентов.[445] В свою очередь, по мнению министра обороны, А.Вахиди, решимость и высокая мотивация иранцев позволят справиться с любыми негативными последствиями санкций.[446] Последние, с точки зрения одного из высокопоставленных офицеров КСИР Х.Мазлюми, несомненно подтолкнут страну к дальнейшему научно-технологическому развитию, заставив ее опираться только на свои возможности.[447]

Единодушны в оценках влияния санкций и дальнейших перспектив иранского развития оказались и представители министерств ИРИ.[448] Так, официальный представитель иранского внешнеполитического ведомства Р.Мехманпараст выступил в конце октября 2010 г. с заявлением, в котором в очередной раз подчеркнул, что принятые ЕС, США и их сторонниками меры никак не смогут остановить развитие страны.[449] Некоторые официальные лица пошли в своих выступлениях еще дальше, считая санкции именно тем катализатором, который придаст дополнительное ускорение иранскому научно-техническому и экономическому прогрессу. Например, министр здравоохранения ИРИ М.Вахид-Дастджерди (Marzieh Vahid-Dastjerdi) в конце сентября 2010 г. заявила, что вынужденная опора на собственные ресурсы значительно подтолкнет развитие иранской фармацевтики, в сфере которой благодаря западным санкциям ее государство уже достигло определенных успехов.[450]

В результате проведенных в 2008–2009 гг. кадровых перестановок М.Ахмадинежаду удалось добиться подчинения

от экономического блока, в котором изначально позиции оппонентов действующего президента были достаточно сильны. Реакция на введение санкций и оценки их влияния на экономику ИРИ, озвученные представителями министерств экономики и нефти, в целом укладывались в заданные М.Ахмадинежадом рамки. Министр нефти М.Мир-Каземи и его заместители с лета 2010 г. периодически заявляли,[451] что усилия США, ЕС и их оппонентов безрезультатны, так как Иран продолжает активно развивать свой энергетический сектор, несмотря на принятые санкции, а также в кратко- и среднесрочной перспективе поразит мир своими успехами в этой области (такими, как начало массового экспорта топлива к 2013 г.).[452] В схожем ключе выдерживались выступления представителей ЦБ ИРИ, минэкономики, минтранспорта и таможни.[453] Даже руководство ТПП Ирана, традиционно отличавшееся достаточной независимостью, строило свои заявления на том, что «санкции все же ощущаются, но их влияние не критично».[454]

Доказать непреклонность правительства в вопросе реализации ИЯП, а также продемонстрировать бессмысленность принятых против ИРИ мер должен был ряд демонстративных акций. Прежде всего в середине августа 2010 г. М.Ахмадинежад одобрил закон о продолжении деятельности по обогащению урана на уровне 20%.[455] По имеющимся данным, указанный документ оговаривал необходимость выработки на правительственном уровне мер по противодействию попыткам досмотра иранских воздушных и морских транспортных судов.[456] Ранее, в начале июля 2010 г., меджлис принял закон, предусматривающий возможность применения ряда ответных мер в отношении стран, подчиняющихся режиму санкций.[457] Правительством ИРИ в качестве меры борьбы с негативными последствиями был задекларирован якобы скорый переход при расчетах по нефтяным поставкам с доллара и евро на иранский риал и валюты стран-импортеров.[458] В достаточно агрессивно-демонстративной манере были выдержаны и предложения представителей экономического блока ИРИ. В частности, зам.главы иранского Центробанка Х.Борхани в конце июля 2010 г. выступил с обещанием прекратить ведение торговых операций со странами, поддерживающими санкции в финансовом секторе, а также провести деинвестирование иранских средств из экономики этих государств.[459]

6.5.3. К вопросу о возможных разногласиях внутри иранского руководства, вызванных принятием санкций 2010 г.

Вышеприведенные высказывания и меры, однако, вовсе не свидетельствуют о том, что руководство ИРИ не понимает всей сложности складывающейся ситуации. Даже М.Ахмадинежад был вынужден признать в одном из своих выступлений, что принятые летом 2010 г. санкции являются вполне серьезной новой попыткой изолировать Иран от мира, подвергнуть его блокаде.[460] До конца не могут скрыть своего беспокойства в отношении введения санкций и представители «экономического блока».

Несмотря на общую поддержку официальной версии бессмысленности санкций и отсутствия их негативного влияния на экономику страны, до конца не могут скрыть своего беспокойства представители «экономического блока» правительства. Так, в первой половине октября 2010 г. министр экономики ИРИ Ш.Хоссейни несколько раз заявлял, что «санкции бесспорно создают трудности в некоторых областях».[461] В частности, по его мнению, они влияют и на решения Всемирного банка, который с 2005 г. отказывается предоставлять ИРИ кредиты даже на проекты в гуманитарной сфере и в сфере развития.[462]

Находит подтверждение на официальном уровне и информация о существующих проблемах в финансовом секторе и внешней торговле. В конце августа 2010 г. глава ЦБ ИРИ М.Бахмани сообщил о вынужденном выводе государственными структурами средств со счетов, открытых в европейских банках.[463] В свою очередь глава ТПП Ирана М.Нахавандиян в начале ноября 2010 г. заявил о 15–30-процентном росте стоимости импортных товаров, который был вызван новыми санкциями.[464] Кроме того, еще в конце сентября 2010 г. в прессу стала просачиваться информация об открытии при ТПП специальных курсов для иранских бизнесменов, где тех специально обучали, как обходить наложенные ограничения.[465] Факт наличия подобных «учебных программ» достаточно показателен.

Вышеприведенные факты и высказывания позволяют говорить о том, что не все представители иранских властей разделяют уверенность М.Ахмадинежада и его сторонников относительно того, что Иран сможет выбраться из ситуации без потерь. Об этом свидетельствует и заявление советника

С.А.Хаменеи по внешней политике А.А.Велаяти, в котором он порекомендовал не считать санкции полностью бессмысленными и не имеющими негативного влияния.[466] Указанный совет явно был обращен к аппарату президента. Весьма характерно, что вслед за принятием резолюции СБ ООН №1929 в иранских экспертных и околополитических кругах даже появилась информация относительно серьезных разногласий между президентом и Верховным лидером ИРИ: С.А.Хаменеи якобы обвинил М.Ахмадинежада в излишнем фрондировании перед Западом (по другой версии, в непосредственном провоцировании европейцев и американцев), приведшем вначале к новым международным, а вслед за тем и к односторонним санкциям.[467] Поводом к подобным измышлениям стало то, что после оглашения решения Совбеза по резолюции №1929 С.А.Хаменеи не столь активно (как ранее в подобных случаях) отреагировал на ее введение и не сразу озвучил свою поддержку действиям М.Ахмадинежада.

Указанные слухи были весьма болезненно восприняты самими иранскими властями и оказались активно подхваченными иностранными СМИ, попав, в том числе, в доклад министра обороны США Р.Гейтса. М.Хашеми-Самаре в своем интервью изданию «The Washington Post» в ноябре 2010 г. даже был вынужден уделить особое внимание этому вопросу, назвав любую информацию о расколе между президентом и Верховным лидером ИРИ необоснованной, а также порекомендовав американцам не выдавать желаемое за действительное.[468]

Вопрос о наличии или отсутствии разногласий между президентом ИРИ и Верховным лидером по проблемам развития ИЯП и санкционного давления уже в течение долгого времени остается одним из самых горячо обсуждаемых среди экспертного сообщества. Сторонники точки зрения относительно общности позиций М.Ахмадинежада и С.А.Хаменеи указывают на то, что политика президента по ядерному досье всецело поддерживается рохбаром, который настолько доверяет главе правительства, что дозволяет последнему проявлять инициативу при принятии решений на внешнеполитическом треке.[469] Также отмечается, что С.А.Хаменеи намного чаще озвучивает свою поддержку в отношении действий М.Ахмадинежада, чем это происходило в случае с М.Хатами.[470]

Противники этой точки зрения тем не менее продолжают настаивать, что разговоры о разногласиях между М.Ахмадинежадом

и С.А.Хаменеи все же могут иметь определенную почву. Во-первых, об этом свидетельствуют действия иранского президента по фактическому выводу части функций, связанных с управлением и контролем внешней политики из-под юрисдикции Верховного лидера (пока что за счет косвенного дублирования функций). Во-вторых, по имеющимся данным, лидер весьма болезненно воспринимает усиление роли КСИР в экономике и политике страны. Именно руководители корпуса считаются одними из главных сторонников и промоутеров ИЯП. В связи с этим неизвестно, насколько бы сам С.А.Хаменеи поощрял столь агрессивное упорство правительства в вопросе развития ядерных разработок, без их поддержки со стороны Корпуса.[471] В-третьих, обращают на себя внимание и некоторые различия в предлагаемых сторонниками президента и сторонниками рохбара сценариях решения проблемы санкций. Если М.Ахмадинежад и его соратники активно развивают идею о необходимости проведения реформ и компенсирования возникших трудностей в отношениях с государствами Европы за счет укрепления сотрудничества со странами других регионов, то представители Верховного лидера предпочитают напирать на более традиционные методы времен Р.Хомейни, связанные с укреплением самодостаточности и опорой исключительно на внутренние ресурсы.[472]

Действительно ли существуют разногласия между Верховным лидером ИРИ и президентом и насколько они серьезны, сказать трудно. Не исключено, что определенные расхождения все же имеются (что вполне логично), однако они вовсе не так велики, как того бы хотелось видеть противникам режима. Обе личности выступают за сильный и независимый Иран, способный играть роль регионального лидера: ядерная программа (даже исключительно в мирном варианте) выступает важным средством по обеспечению такого статуса.[473] В этом плане споры между М.Ахмадинежадом и С.А.Хаменеи скорее всего связаны с деталями реализации ИЯП (в том числе, ее внешнеполитического обеспечения), но они никак не ставят под вопрос саму ядерную программу Тегерана. Кроме всего прочего, поддержка ИЯП и президента со стороны КСИР, усилившего, как и остальные силовые структуры, после лета 2009 г. свои позиции в стране, служит дополнительным средством по укреплению понимания и единства между Верховным лидером и М.Ахмадинежадом.

В целом в складывающейся ситуации иранские власти чувствуют себя весьма уверенно и не намерены менять своей

позиции по вопросу ИЯП. До определенной степени им удалось убрать оппозицию с улиц и ограничить ее возможности влиять на ситуацию в стране. Социальное напряжение при этом не исчезло, но было загнано глубоко внутрь. В западную прессу периодически просачиваются сведения относительно того, что ряд предприятий в Иране (называлось даже нефтехимическое производство в Ассалуйе) в результате санкций испытывает финансовые проблемы, а также трудности с закупками сырья, оборудования и запчастей. Все это приводит к простою производства, невыплатам заработных плат и провоцирует забастовки.[474] Впрочем, найти официальное подтверждение подобной информации в последнее время не удается. Предпринимаемые правительством меры по поддержке производства позволяют предположить, что если подобные явления и имеют место быть, то носят спорадический характер, а их описание сильно утрировано западными СМИ.

То, что руководство Ирана вполне уверено в своих возможностях в условиях санкций контролировать социальную и политическую ситуацию в стране, подтверждает решение М.Ахмадинежада начать с 19 декабря 2010 г. реализацию крайне спорного и весьма опасного с точки зрения возможных последствий плана по монетизации льгот. В случае его успеха правительство сможет дополнительно высвободить до 20 млрд. долл. США, которые ранее расходовались на субсидии населению.[475]

6.5.4. Санкции и государственная программа реформ

Сама идея подобной реформы не является новой. Разговор о необходимости полной отмены или значительного сокращения государственных дотаций на поддержание низкого уровня цен на товары первой необходимости и энергоносители ведется среди правящей элиты ИРИ уже достаточно давно. Большинство цен на так называемые «стратегические товары» (в первую очередь, продукты питания, топливо) было фактически заморожено с 2005 г. Покрывать разницу между их себестоимостью (импортной ценой) и низкими внутренними ценами с каждым годом правительству становилось все тяжелее даже в условиях высоких цен на нефть 2007–2008 гг.[476]

Предлагаемые иранским руководством варианты «бесстрессового» облегчения бремени госдотаций себя не оправдали. Отмена талонов на льготные продукты для жителей городов с населением более 100 тыс. человек, отказ от субсидирования

некоторых второстепенных продуктов, постепенный отпуск цен, небольшое повышение стоимости бензина и распределение его по топливным карточкам в 2007 г. ситуацию принципиально не изменили.[477] Окончательную точку в вопросе отмены госдотаций поставил мировой финансовый кризис, достаточно сильно задевший Иран и потребовавший от правительства страны для поддержания экономики ИРИ на плаву в кратчайшие сроки максимально аккумулировать свободные средства, в том числе и за счет отказа от социальных программ.

В итоге еще в июле 2008 г. М.Ахмадинежад выступил с инициативой проведения крупномасштабных реформ. Официально грядущие преобразования должны ускорить развитие национального хозяйства, сократить безработицу, инфляцию, перерасход средств, а также установить «социальную справедливость».[478] На практике это выразилось в решении руководства ИРИ сократить лежащее на бюджете бремя льгот и предоставляемых ежегодно населению государственных субсидий общим объемом 90–100 млрд. долл. США, а также перераспределить под контролем лояльных М.Ахмадинежаду лиц высвободившиеся финансовые средства.[479] В соответствии с инициативой правительства увеличение стоимости энергоносителей должно было начаться с июля 2009 г. и завершиться к 2012 г. (по другим данным, к 2013 г.). Высвободившаяся от сокращения госсубсидий сумма (изначально по расчетам правительства – от 20 до 34 млрд. долл. США) должна была пойти на проекты по развитию экономики, субсидирование производства и прямые выплаты льгот населению (за исключением трех децилей, относимых статистикой к слоям с высоким доходом) под контролем правительства и специально созданного фонда.[480]

Однако реализация программы была отложена до декабря 2010 г. во многом из-за опасений политических кругов, что введение более высоких цен на энергоносители (независимо – единовременно или постепенно) может оказаться катастрофичным для социально-экономической ситуации в стране. Основными реципиентами субсидий в Иране выступают сфера перевозок (41%), домашние хозяйства (24%), промышленность (19%) и сельское хозяйство (8%).[481] По оценкам экспертов, цепная реакция от увеличения цен может привести к ощутимому росту себестоимости производства товаров до 40% (в некоторых отраслях до 80%), потребительских цен на 59,6%. В итоге совокупная инфляция может достичь не менее 35%. В связи

с этим существовали опасения относительно спада производства и отрицательного роста экономики.[482]

Санкции 2010 г., судя по всему, сыграли решающую роль в вопросе начала отмены субсидий и монетизации льгот. Причем полученный эффект, как и в случае с оппозицией, оказался противоположен ожидавшемуся на Западе. Уже упоминалось, что, по расчетам некоторых экспертов, в результате принятых США, ЕС и их союзниками мер иранское правительство должно было отказаться от проведения реформ, испугавшись, что возможные отрицательные последствия, вызванные их реализацией (в первую очередь, рост социального недовольства), будут усилены негативным эффектом, оказываемым санкциями. В итоге государственный бюджет был бы раздавлен растущим бременем государственных субсидий. Оппонентов режима, возможно, устраивал и другой сценарий, когда правительство в целях экономии средств было бы вынуждено пойти на реализацию проекта реформ в наиболее жестком его варианте.[483] В этом случае руководство ИРИ вполне могло бы оказаться не в состоянии справиться с негативными последствиями, вызванными сокращением объемов предоставляемых населению субсидий.

Необходимо отметить, что возможность радикальных преобразований всерьез прорабатывалась кабинетом министров М.Ахмадинежада. Впрочем, его инициативы встретили сопротивление со стороны парламентариев ИРИ, заставив пойти по более мягкому варианту.[484] 19 декабря 2011 г. президент Ирана объявил о начале процесса сокращения государственных субсидий и монетизации льгот. Сама программа оказалась рассчитана на 5 лет и предусматривала поэтапное повышение цен на энергоносители и ряд товаров первой необходимости (в первую очередь зерно и муку).

Таким образом, Западу удалось подтолкнуть правительство ИРИ к выполнению внешне непопулярного плана. Нуждаясь в дополнительных средствах для развития экономики и не имея других возможностей заставить население экономно потреблять энергоресурсы, правительство пошло на эти меры. Однако на текущий момент положительные стороны указанного решения явно превосходят отрицательные.

С 19 декабря 2010 г., когда в Иране было объявлено о монетизации льгот и поднятии цен на горючее, а также ряд коммунальных услуг и некоторых товаров первой необходимости, к февралю 2011 г. потребление бензина сократилось на 5%, газойля

на 29%, газа на 6,5%, электричества на 11%, воды на 5% (Табл. 3). Таким образом, в руках правительства оказались не только 20 млрд. долл. США, которые планировалось получить в результате проведения реформы, но и сэкономленные излишки горючего, что немаловажно в условиях существующих санкций.[485]

Таблица 3.

Изменение стоимости и объемов внутреннего потребления некоторых видов товаров после принятия правительством ИРИ решения о частичной отмене с 19 декабря 2010 г. государственных субсидий, выделяемых на поддержание низкого уровня цен на энергоносители и предметы первой необходимости[486]

Вид товара	**Цена до сокращения госсубсидии**	**Цена после сокращения госсубсидии**	**Изменение в объемах потребления к февралю 2011 г.**
Бензин	10 центов за литр (40 центов за литр при превышении ежемесячной квоты в 60 литров)	40 центов за литр (70 центов за литр при превышении ежемесячной квоты в 60 литров)	-5%
Газойль	1,5 цента за литр	Цена производителя 15 центов за литр (35 центов за литр на рынке)	-29%
Природный газ	1–1,3 цента за метр куб. для бытового и промышленного потребления, 0,5 цента за кубометр для электростанций	7 центов за метр куб. для бытового и промышленного потребления, 8 центов за кубометр для электростанций	-6,5%
Сжиженный нефтяной газ	Бесплатно	10 центов за литр	-
Сжиженный природный газ	4 цента за метр куб.	30 центов за метр куб.	-
Мазут	1 цент за литр	20 центов за литр	-
Керосин	1,5 цента за литр	10 центов за литр	-
Электричество	В среднем 1,7 центов за кВт в час для бытового потребления	В среднем 4,5 цента за кВт в час для бытового потребления и 4 цента за кВт в час для промышленности	-11%
Мука	Менее 1 цента за кг	28 центов за кг	-
Вода	9 центов за метр куб. для бытового потребления	25 центов за метр куб. для бытового потребления	-5%

Несмотря на то, что стоимость бензина выросла с 10 до 40 центов за литр (с 40 до 70 центов за литр при покупке более 60 литров в месяц), керосина – с 1,5 центов до 10 центов за литр, мазута – с 1 цента до 20 центов за литр и электричества с 1,7 до 4,5 центов за кВт в час, правительству благодаря умелому распределению существующих резервных запасов удалось удержать цены на остальные товары от резкого скачка. Как видно из таблицы 4, годичные темпы прироста цен на продовольствие в Тегеране практически не изменились[487] после проведения реформ (сравни с Табл. 1). По сравнению с началом декабря 2009 г. цены на продукты питания в январе 2011 г. также выросли незначительно.[488]

Таблица 4.

Темпы прироста цен на продукты питания в Тегеране в декабре 2010 – январе 2011 г. в годовом исчислении (%)[489]

Продукты	17 декабря 2010 г.	24 декабря 2010 г.	28 января 2010 г.
Молочные продукты	+4,8	+4,8	+2,9
Куриные яйца	-8,8	+0,6	+10,8
Рис	-0,9	+0,6	+5,6
Бобовые	+23,9	+23,2	+25,3
Фрукты	+9,1	+14,3	+15,9
Овощи	+56	+48,4	+60,4
Красное мясо	+17,4	+19,9	+17,2
Куриное мясо	+3,9	+9,3	+20,6
Сахар	+30,1	+23,1	+15,8
Чай	+11,2	+11,6	+8
Масло	+26,9	+29,1	+25,5

В целом, по имеющимся данным, начало реализации правительственного плана экономических преобразований не привело к значительным потрясениям и росту социального напряжения. Наоборот, как и предсказывали некоторые западные эксперты,[490] М.Ахмадинежаду удалось заручиться еще большей поддержкой со стороны бедных слоев населения за счет выплаты им ежемесячной компенсации за отмену топливных субсидий размером в 78–80 долл. США на человека.[491] В итоге

приблизительно 30 млрд. долл. США в год будет распределено между примерно 31 млн. человек.[492]

Несмотря на формально незначительный размер суммы, не стоит забывать, что, во-первых, посредством проведения монетизации льгот и выплат прямых субсидий исключительно малоимущим государство проявляет свою заботу о них и исполняет ранее данное обещание об установлении социальной справедливости (то есть отменяет положение, при котором топливо по льготным ценам доставалось всем, включая высший и средний класс). Во-вторых, сам факт наличия на руках у бедных слоев населения «живых» денег, безвозмездно полученных от государства, оказывает ощутимый психологический эффект. В-третьих, размер выплат является не таким уж и маленьким, если принять во внимание, что субсидии предоставляются из расчета на человека. Иными словами, на семью, состоящую из родителей и двух детей (минимальный размер для малоимущих слоев), общая сумма достигает 320 долл. США.

Благодаря таким инвестициям в обеспечение лояльности части общества, правительству ИРИ в краткосрочной перспективе удалось укрепить свои позиции внутри страны.[493] Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от того, насколько существующие резервы топлива и продовольствия позволят иранскому руководству плавно повысить и стабилизировать внутренние цены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на проведенном анализе, можно утверждать, что введенные в 2010 г. в отношении Ирана санкции лишь отчасти дали желаемый результат. Иранское правительство, чтобы не идти на дальнейшее обострение отношений с международным сообществом согласилось продолжить переговоры по ИЯП. Однако, как показывают результаты прошедших двух встреч (5–6 декабря 2010 г. в Женеве и 22 января 2011 г. в Стамбуле) представителей «шестерки» (Россия, США, Великобритания, Франция, КНР, Германия) и ИРИ, своей позиции в «ядерном» вопросе Тегеран не изменил. Таким образом, посланный международным сообществом в 2010 г. сигнал в форме санкций, требовавший коренного пересмотра принципов иранской деятельности на указанном направлении, в ИРИ воспринят не был. Не смогли введенные меры ослабить и позиции режима внутри страны.

Неспособность санкций ощутимо повлиять на политическую позицию Тегерана, с нашей точки зрения, обусловлена их умеренным (по сравнению с изначально предполагавшимся) воздействием на экономику ИРИ. Они смогли нанести определенный ущерб нефтеперерабатывающей отрасли и поставили под угрозу вопрос о развитии энергетического сектора страны как такового. Однако в отношении других сфер иранского хозяйства (прежде всего торговли и банков) негативное влияние принятых мер проявляется лишь незначительно. В основном же те трудности, с которыми сейчас сталкивается иранская экономика, объясняются существующими структурными проблемами внутреннего характера, на которые, в свою очередь, накладывается негативное влияние введенных санкций.

При этом не стоит полагать, что применяемые меры полностью неэффективны. Для того, чтобы действия США, ЕС и их сторонников в вопросе давления на Тегеран оказали необходимое влияние на ИРИ, требуется время. Иранская экономика обладает определенным запасом прочности и ресурсов для успешного противостояния применяемым санкциям. Вместе

с тем запасы эти не бесконечны. От Запада требуется лишь набраться терпения и не ослаблять своего давления. Долго работать в режиме постоянного напряжения НПЗ ИРИ не смогут. Не сможет развиваться без необходимых финансовых инвестиций и технологий весь энергетический сектор Ирана – главный источник доходов бюджета страны, а с сокращением поступления валюты от экспорта энергоресурсов под вопросом окажется реализация важных экономических проектов. Впрочем, у Тегерана всегда есть несколько возможностей по минимизации негативного влияния санкций. Вопрос лишь в том, сможет ли он ими грамотно воспользоваться.

Сегодня с особенной тщательностью европейцами и американцами прорабатываются имеющиеся у иранцев возможности по выходу из энергетической и инвестиционной блокады. С нарастающим беспокойством в последние годы ими отслеживалось усиливающееся торгово-экономическое, а в некоторых случаях и политическое взаимодействие ИРИ с КНР, Малайзией, Турцией, Туркменией, Бразилией, Венесуэлой, Пакистаном и рядом африканских стран. Сотрудничество Тегерана с указанными государствами может в значительной степени компенсировать усиление санкционного прессинга на Иран, создав для ИРИ альтернативные рынки сбыта энергоресурсов и новые источники инвестиций. Особую роль в этом вопросе может сыграть растущее сотрудничество с Дальним Востоком.

При установлении достаточно тесных связей с КНР, Южной Кореей и некоторыми другими государствами Тегеран способен обойтись в развитии своего энергетического сектора и без помощи европейских корпораций. Уже по состоянию на конец 2010 г. силами КНР на территории ИРИ реализовывался ряд крупных проектов (в первую очередь в энергетической области), от которых Пекин не сможет отказаться даже под давлением со стороны США и ЕС (особенно учитывая растущие потребности экономики КНР в энергоресурсах).[494] Также обращает на себя внимание существующая в Евросоюзе обеспокоенность пуском АЭС «Бушер». По мнению западных аналитиков, это позволит иранцам сэкономить до 900 000 баррелей нефти в сутки и направить высвободившиеся ресурсы на удовлетворение своих нужд в других сферах.[495]

Не вызывает сомнений, что за введение новых санкций ЕС придется заплатить большую цену. По оценкам экспертов, европейские корпорации и компании из наиболее лояльных США

стран уже постепенно уступают иранский инвестиционный рынок активно вторгающимся сюда азиатским странам.[496] Навредить интересам игроков из Франции, Германии, Италии могут компании и из более бедных европейских государств. Конечно, венгерским или румынским фирмам никогда не заменить западноевропейских гигантов, однако в условиях ужесточения санкционного режима объемы их поставок вполне укладываются в отводимые лимиты, а конкуренция устраняется. Да и отслеживается их деятельность куда труднее. Между тем эти фирмы весьма активно действуют в ИРИ, пользуясь значительной поддержкой торгово-экономических секций посольств своих стран в Тегеране.[497]

К тому же у крупных компаний даже в текущих условиях существуют определенные возможности остаться в Иране, несмотря на давление, или, по крайней мере, не разрывать наработанных связей. Так, одним из возможных вариантов является перенос деятельности фирмы в третью (желательно соседнюю с ИРИ) страну (например, ОАЭ), с чьей территории и осуществляются торговые и инвестиционные операции с Ираном. Для их проведения могут быть использованы как филиал или дочерняя фирма, так и местная компания-посредник.[498] В любом случае, формально корпорация не может быть обвинена в прямых контактах с ИРИ.

Кроме того, ТНК стараются участвовать в проектах, которые формально не могут навлечь на них санкции со стороны США или ЕС. В частности, те же «Роял Датч Шелл», «Петронас», «Тоталь» и «Статоил Гидро» активно сотрудничали с Национальной иранской нефтяной компанией по программе IOR (Improved Oil Recovery), направленной на исследование возможности интенсификации добычи нефти на старых месторождениях, или оказывали техническое содействие в управлении ранее запущенными с их участием нефтяными и газовыми полями. Также европейцы могут и «маскировать» свое присутствие в некоторых проектах, принимая в них участие под видом субподрядчиков азиатских компаний, более свободно действующих в Иране (прежде всего китайских, а в перспективе и турецких). Ранее «Роял Датч Шелл» оказывала (и, предположительно, продолжает оказывать) помощь «Sinopec» при разработке месторождения «Ядаваран».[499] Таким образом, бизнесу лишь необходимо найти государство с натянутыми отношениями с США, компаниям которого нечего терять в случае по-

падания под санкции. Принимая во внимание наличие некоторого числа стран-изгоев, сделать это будет не так сложно.

Существуют способы решения и топливной проблемы (не считая наращивания внутренних мощностей по производству бензина и других видов горючего). Еще накануне введения санкций Тегеран осуществлял попытку переориентации на более устойчивых к американскому давлению, чем европейцы, поставщиков бензина. Сразу же после введения санкций был налажен импорт данного вида горючего из Турции.[500] Вызывает сомнение, что легко откажутся от иранского рынка Китай и ОАЭ. Представителями ИРИ ведутся переговоры или уже реализуются проекты по созданию нефтеперерабатывающих заводов в государствах-партнерах (Сирии, Малайзии, Китае, Сингапуре).

Весьма сложно будет американцам изолировать от внешнего мира и иранскую банковскую систему. Банки ОАЭ и Китая традиционно играли важную роль в иранских финансовых операциях. Значимое место занимали и швейцарские банковские институты. Ведущую роль здесь играли Credit Suisse, Union Bank Swiss (UBS) и Synthesis Bank. Еще в 2007 г. они вышли на руководство Центрального Банка ИРИ, выступив с инициативой помочь Тегерану вести свои международные финансовые операции.

Как видим, возможности для маневра у Ирана все же есть. Полностью компенсировать введение санкций ему не удастся, однако сократить их негативное влияние и выиграть время для того, чтобы выждать, когда гневная волна на политической арене пойдет на спад, Тегеран вполне способен. Более того, судя по заявлениям иранского руководства, оно не совсем осознает всю степень опасности, в которой находится. В ИРИ явно исходят из того, что США «увязли» в решении других региональных проблем (таких, как ситуация в Ираке, Афганистане и Йемене), а европейцы сконцентрированы на вопросах посткризисной реабилитации своей экономики и попросту не имеют в своем распоряжении достаточного количества сил для реализации заявленных намерений на практике. Понимая это, Иран не спешит следовать каким-либо установленным Соединенными Штатами и ЕС срокам, предполагая, что никакого существенного наказания в случае их нарушения не последует.

Впрочем, пока что американцы и европейцы настроены последовательно реализовывать на практике заявленные наме-

рения об ужесточении санкций. Поддержку (в том числе и практическую) они нашли у руководства Австралии, Канады и Японии. Однако есть и те страны, которые либо не торопятся высказывать свое мнение, либо, как Россия, не выражают особого удовлетворения относительно вводимых односторонних мер. Именно они способны создать для Ирана возможности по уходу из-под давления. Экономические интересы крупного европейского бизнеса также идут вразрез с планами политиков. Может оправдаться и иранский расчет на фактор времени. Через несколько месяцев внимание Запада может переключиться на проблемы мирового экономического кризиса, «шпионских скандалов», другие страны и регионы (ситуация с волнениями в Тунисе и Египте 2011 г. явно заставила мировое сообщество забыть о ИЯП), и санкционный режим вокруг ИРИ, как случалось ранее, ослабнет.

При этом надо учитывать, что последствия «невыполненных угроз» могут быть самыми серьезными. Если санкции не подействуют и выход на уровень обогащения в 20% останется безнаказанным, в регионе возникнет серьезная угроза режиму ДНЯО. Причем исходить она не обязательно будет от самого Ирана. Саудовская Аравия, Египет, Иордания, подогретые нагнетаемой вокруг ИЯП истерией, опасаясь дальнейшего развития ситуации по сценарию, при котором в руках у иранцев окажется атомная бомба, не будут дожидаться, когда США предоставят ближневосточному региону «ядерный зонтик», и вполне могут начать создавать свой собственный военный атомный потенциал.[501] В то же время ставить Иран в полностью безвыходное положение также не следует. Ядерная программа приобрела в ИРИ статус национальной идеи, а, как показывает исторический опыт, иранцы – достаточно гордый и целеустремленный народ: будучи «загнанным в угол», он может стать еще более несговорчивым и укрепиться в своей решимости достигнуть поставленной цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. – Westport, 2003. С. 5–7.

[2] Ibid. С. 6–7.

[3] Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. – Westport, 2003; Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Case Studies of U.S. Economic Sanctions: The Chinese, Cuban, and Iranian Experience. – Westport, 2003; Cortright D., Lopez G. A. (ed.) Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder, 1995; Wallensteen P., Staibano C. (ed.) International Sanctions: Between Words and Wars in the Global System. – London, 2005; Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Washington, 2007; Simons G. Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool? – London, 1999.

[4] Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. Westport, 2003. С. 68–69.

[5] Фаминский И. Внешнеэкономический словарь. – М., 2001.

[6] Фаминский И. Внешнеэкономический словарь. – М., 2001.

[7] Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. Westport, 2003. – С. 31.

[8] Khaitous T. Arab Reactions to a Nuclear Armed Iran. // Policy Focus. – Washington, 2009. – № 94.

[9] Meridor D. Israel: the Search for Peace and Security // Proceedings of the 2009 Weinberg Founders Conference Beyond a “New Beginning”. Obama Administration Middle East Policy. – Washington, 2009. С. 63–65.

[10] Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам – http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf

[11] См. Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках. М., 1986; Орлов Е. А. Внешняя политика Ирана после Второй Мировой войны. – М., 1975.

[12] Freilich Ch. Speaking About the Unspeakable. US-Israeli Dialogue on Iran’s Nuclear Program. // Policy Focus. – Washington, 2007. № 77; Herzog M. The Middle East Security Agenda: an Israeli Assessment // Proceedings of

the 2009 Soref Symposium. The Obama Administration and the Middle East: Setting Priorities, Defining policies. Washington, 2009; Khaitous T. Arab Reactions to a Nuclear Armed Iran. // Policy Focus. – Washington, 2009. № 94; Meridor D. Israel: the Search for Peace and Security // Proceedings of the 2009 Weinberg Founders Conference Beyond a "New Beginning". Obama Administration Middle East Policy. – Washington, 2009.

[13] Как, например, санкции, связанные с финансовыми вопросами, ограничением возможностей чиновников по выезду за пределы страны, запретом на продажу запчастей для гражданской и военной авиации «провинившегося» государства или эмбарго на поставки оружия для него.

[14] Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам – http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf

[15] В соответствии с ними в обмен на изменение своей позиции в вопросе развития ИЯП Тегеран получал содействие в строительстве легководных реакторов, гарантии поставок топлива для них, техническую помощь в области гражданской авиации, энергетики, телекоммуникаций и сельского хозяйства.

[16] Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 г. S/RES/1696 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1696.htm

[17] Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 г. S/RES/1696 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1696.htm

[18] Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 г. S/RES/1696 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1696.htm

[19] Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm

[20] Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm

[21] Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm

[22] Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm

[23] Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm

[24] Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm

[25] Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm

[26] Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm

[27] Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm

[28] Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm

[29] Канун-е асаси-йе джумхури-йе эслами-йе иран. Tehран, 1384. С. 29, 40.

[30] Schirazi A. Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran. London, 1993. C. 89.

[31] Арабаджян А. З. Исламская Республика Иран. Экономический потенциал. – М., 2002. С. 41.

[32] Канун-е асаси-йе джумхури-йе эслами-йе иран. Tehран, 1384. С. 26.

[33] Schirazi A. Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran. London, 1993. C. 89.

[34] Создана на основе упрощенной конструкции центрифуги П-2, в которой для изготовления ротора мартенситностареющая сталь была заменена на композитные материалы.

[35] Происхождение следов ВОУ в хранилище ядерных отходов в Кередже и Тегеранском технологическом университете, эксперименты с плутонием, создание центрифуг П-1 и П-2, документация по изготовлению полусфер из металлического урана, эксперименты по получению полония-210, шахта и горно-обогатительное предприятия в Гачине.

[36] Резолюция 1803 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5848-м заседании 3 марта 2008 г. S/RES/1803 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1803.htm

[37] Резолюция 1803 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5848-м заседании 3 марта 2008 г. S/RES/1803 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1803.htm

[38] Резолюция 1803 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5848-м заседании 3 марта 2008 г. S/RES/1803 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1803.htm

[39] Tehran Times, 03.03.2008; 04.03.2008; 05.03.2008

[40] Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2008/15. 26 May 2008.

[41] Tehran Times, 20.07.2008.

[42] Tehran Times, 27.07.2008.

[43] Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2008/38. 15 September 2008.

[44] Резолюция 1835 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5984-м заседании 27 сентября 2008 г. S/RES/1835 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1835.htm

[45] Tehran Times, 28.09.2008.

[46] Tehran Times, 09.04.2009.

[47] Tehran Times, 11.04.2009.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] Там же.

[51] Spiegel. 10.04.2009. http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,618559,00.html

[52] См. августовские выпуски за 2009 г. таких иранских изданий, как «Iran Daily», «Tehran Times», «Джомхури-йэ эслами».

[53] Интервью с одним из российских экспертов-ядерщиков. Москва, 20 ноября 2009 г.

[54] Резолюция 1887 (2009), принятая Советом Безопасности на его 5984-м заседании 24 сентября 2009 г. S/RES/1887 (2009) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2009/res1887.htm

[55] Резолюция 1929 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 г. S/RES/1929 (2010) http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20(2010)

[56] Постоянный представитель США при ООН Райс о резолюции Совета Безопасности ООН по Ирану. 30 июня 2010 г. http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2010/June/20100630162640ejavosson0.624386.html

[57] Afrasiabi K. L. Iran Sanctions as Good as "used tissue" // The Asia Times, 11.06.2010. http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/LF11Ak04.html

[58] Tehran Times, 12.06.2010.

[59] Burns W. J. Iran Policy in the Aftermath of UN Sanctions. Statement before the Senate Foreign Relations Committee. Washington, DC. 22.06.2010. http://www.state.gov/p/us/rm/2010/136721.htm

[60] Castle St. Europe Imposes New Sanctions on Iran // The Washington Post, 27.07.2010. С. А7.

[61] Незначительные выходы за рамки санкционных мер СБ ООН, в частности, были еще 23 апреля 2007 г.

[62] Official Journal of the European Union. L 61. 28.2.2007. С. 49; Official Journal of the European Union. L 106. 24.4.2007. С. 67; Official Journal of the European Union. L 213. 8.8.2008. С. 58.

[63] Official Journal of the European Union. С 83. 30.3.2010. С. 33.

[64] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington, 2010. С. 35.

[65] http://www.iranwatch.org/ourpubs/bulletin/unscmatrix.html

[66] Alikhani H. Sanctioning Iran. Anatomy of a Failed Policy. London, 2000. С. 288–309, 326–330.

[67] Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. С. 23–25, 29–32.

[68] Tehran Dismisses EU's Sanctions On Iran As 'Unhelpful' // Fars News Agency, 27.07.2010; Iran slams West carrot, stick policy // Press TV, 27.07.2010, http://www.presstv.ir/detail.aspx?id=136408&sectionid=351020101.

[69] Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010; Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010.

[70] ИНОГЕЙТ – это программа международного сотрудничества в области энергетики между Европейским Союзом, прибрежными государствами Черного и Каспийского морей и их соседями. Рамки кооперации включают нефть и газ, электричество, возобновляемые источники энергии и энергоэффективность. Для Ирана, считающего ЕС одним из важных рынков сбыта своих энергоресурсов (особенно с учетом планов руководства ИРИ по развитию газового сектора экономики), указанная программа представляет особый интерес.

[71] ТРАСЕКА – международная программа по развитию транспортного коридора для перевозки грузов по маршруту ЕС-Кавказ-Центральная-Азия-Китай. Формально основной путь пролегает несколько в стороне от ИРИ, однако иранские власти, позиционирующие свою страну как важный региональный транспортный узел, периодически поднимают вопрос о расширении ее участия в проекте. С ростом объемов транзитных перевозок через ИРИ в Тегеране связывают определенные надежды как на укрепление позиций исламской республики в региональных торгово-экономических отношениях, так и на возможность использования получаемых от транзита товаров доходов для сокращения зависимости госбюджета от нефтяных поступлений.

[72] EU Relations with the Islamic Republic of Iran. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 2001. С. 6–7.

[73] Alikhani H. Sanctioning Iran. Anatomy of a Failed Policy. London, 2000. С. 326–334.

[74] Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010. С. 21–24.

[75] Alikhani H. Sanctioning Iran. Anatomy of a Failed Policy. London, 2000. С. 326–334; Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010. С. 21–24.

[76] EU Relations with the Islamic Republic of Iran. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 2001. С. 3–4.

[77] Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010. С. 35.

[78] Ibid. С. 35.

[79] Ibid. С. 35.

[80] Iran. Trade and Foreign Exchange Policies in Iran. Reform Agenda, Economic Implications and Impact on the Poor. / Ed. by D.Tarr. Washington, 2001; Islamic Republic of Iran: Industrial Sector Survey on the Potential for Non-oil Manufactured Exports. UNIDO. Washington, 1999.

[81] В декабре 2002 – феврале 2003 гг. прошли два раунда переговоров о подготовке Соглашения о торговле и сотрудничестве с Ираном. Европейцами было принято решение о начале переговоров об углублении торговых связей с Ираном, которые будут проходить в увязке с политическими вопросами (соблюдение прав человека, борьба с терроризмом и нераспространением ОМУ).

[82] Источник: Организация развития торговли Ирана.
http://fa.tpo.ir/documents/document/12031/12120/portal.aspx;
Рахнама-йэ сармайегозари-йэ хареджи дар иран. Техран, 1388.

[83] Источник: Организация развития торговли Ирана. http://fa.tpo.ir/documents/document/12031/12120/portal.aspx; Рахнама-йэ сармайегозари-йэ хареджи дар иран. Техран, 1388.

[84] Соглашение о гарантиях – вид документа, подписываемого каждой страной-членом МАГАТЭ. В нем государство гарантирует (по этой причине соглашению и дано такое название), что не осуществляет ядерных разработок военной направленности.

[85] Интервью с европейским дипломатом, активно участвовавшим в переговорном процессе по ИЯП. – Тегеран. Январь 2007.

[86] Sands D. Analysis: Iran Gas to Europe a problem // UPI, 13.08.2007. http://www.upi.com/Science_News/Resource-Wars/2007/08/13/Analysis-Iran-gas-to-Europe-a-problem/UPI-31101187023825/; Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. C. 12–13, 29–31.

[87] Iran Upbeat over EU Nuclear Talks // BBC. 15.02.2005. http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4267025.stm

[88] Важный процесс химической переработки урана, в ходе которой природный уран в форме порошка переводится в гексафторид урана, легко принимающий газообразное состояние. Именно в такой форме он поступает на последующее обогащение.

[89] Кожанов Н.А. О проблеме присоединения Ирана к ВТО // Мировое и национальное хозяйство. – М., 2010. – № 2 (13).

[90] Ottolenghi E. Iran: the Looming Crisis. London, 2010.

[91] Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях МАГАТЭ является одним из ключевых элементов системы контроля за соблюдением режима нераспространения атомного оружия, позволяющим выявлять незаявленную ядерную деятельность государств. Типовой дополнительный протокол открывает Агентству более широкий доступ к информации и объектам той или иной страны, а предусмотренные в нем меры значительно расширяют возможности МАГАТЭ в плане проведения проверок с целью убедиться, что в государстве, имеющем соглашение о всеобъемлющих гарантиях, весь ядерный материал используется в мирных целях.

[92] Интервью с высокопоставленным российским дипломатом, курировавшим в то время в МИД России проблему ИЯП. Москва. Май 2006.

[93] Official Journal of the European Union. L 61. 28.2.2007. C. 49.

[94] Official Journal of the European Union. L 106. 23.4.2007. C. 67.

[95] Предполагалось, что именно через этот банк в указанный период проводились банковские операции, связанные с ядерной и ракетной программами Тегерана, а также осуществлялось финансирование действую-

щих на Ближнем Востоке военно-политических организаций (Хизбалла, ХАМАС, Фронт освобождения Палестины, Палестинский исламский джихад), считавшихся в ЕС и США террористическими.

[96] Official Journal of the European Union. L 163. 24.06.2008. C. 43.

[97] Official Journal of the European Union. L 303. 18.11.2009. C. 64.

[98] Official Journal of the European Union. L 213. 08.08.2008. C. 58.

[99] Отдельно указывалось еще и соглашение 1929 г. между Италией и Ватиканом.

[100] Афганский «Арьян Банк» (Arian Banc), бахрейнский «Фьютче Банк» (Future Bank) и «Банко Интернациональ Де Десарролло СА» (Banco Internacional De Desarrollo, SA). Формально они попали в список финансовых институтов, зарегистрированных не в Иране или Евросоюзе, как английский «Першиа Интернационал Банк» (Persia International Bank PLC), но основанных или принадлежащих им.

[101] Записано на основе проведенных в Тегеране в разное время в 2007–2009 гг. интервью с сотрудниками некоторых из указанных компаний, а также дипломатами посольств Франции и Австрии в ИРИ. Также см.: Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010. C. 8; Shayerah I. Iran's Economy. CRS Report for Congress. Washington, 2008. C. 8; Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. C. 29–31.

[102] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington, 2010. C. 28–29; Shayerah I. Iran's Economy. CRS Report for Congress. – Washington, 2008. C. 24–25, 29–30.

[103] Источник: Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/

[104] По данным интернет-сайта Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/

[105] По данным интернет-сайта Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/

[106] Источник: Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/

[107] Ansari Javid S. Imminent Breakthrough for Nabucco Pipeline Project // Tehran Times, 04.07.2009.

[108] Источник: Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/

[109] Iran Floats Pars Pipeline Plan // Oil and Gas Insight, September 2008; Iran to Build Pars Pipeline // Iran Daily, 28.09.2008.

[110] Интервью с сотрудником экономической секции посольства Франции в ИРИ, который в 2007–2009 гг. активно участвовал в обеспечении переговорного процесса между представителями «Тоталь» и иранской стороной. – Тегеран. Сентябрь 2008 г.

[111] Интервью с представителем норвежской компании «Статойл Гидро» в ИРИ. – Тегеран. Август 2009.

[112] Fathi N. Iran Offers "Dialogue with Respect" with US // The New-York Times, 10.02.2009, C. A. 5.
[113] Ibid. P. A. 5; Switzerland Offers to Facilitate a Dialogue Between US and Iran // Tehran Times, April 20, 2009. Существовала и несколько иная точка зрения: Clawson P. (ed.) Engaging Iran. – Washington, 2009.
[114] Mattair T. R. The United States and Iran: Diplomacy, Sanctions and War. // Middle East Policy, Vol. XVII, № 2, Summer 2010. C. 54.
[115] Tran M. Ahmadinejad Demands US Apology for "Crimes" against Iran // Guardian, 28.01.2009.
[116] Даже по подсчетам самой оппозиции, количество убитых в ходе летних волнений 2009 г. не превысило 100 человек.
[117] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington, 2010.
[118] http://www.iranwatch.org/international/EU/eu-councildeclarationoniran-121109.htm
[119] Cirincione J. How Iran Can Build a Bomb. http://www.foreignpolicy.com July 2, 2010.
[120] Official Journal of the European Union. L 195. 27.7.2010. C. 39–73.
[121] По данным Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/
[122] Источник: Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/
[123] По данным Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/
[124] Источник: IMF (DoTS); Евростат http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/
[125] Annual Review. 1387 (2008/2009). Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Tehran, 1388. C. 47.
[126] В Тегеране «Future bank BSC» позиционировался исключительно как бахрейнский финансовый институт, не имеющий связи с ИРИ и лишь планировавший сформировать СП с участием иранского капитала.
[127] Исключение составляют суммы, связанные с покупкой продовольствия, медицинскими и гуманитарными нуждами. В этом случае финансовый институт только обязан уведомить местные власти о совершаемой им транзакции при превышении суммы в 10 тыс. евро.
[128] В отличие от предыдущих постановлений речь идет не только о «Иран Эйр Карго» (Iran Air Cargo) и «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн» (Islamic Republic of Iran Shipping Line, IRISL).
[129] Закон о борьбе с терроризмом и применении смертной казни от 24 апреля 1996 г., Закон о содействии международной безопасности и развитию от 8 августа 1985 г., Закон об экономических полномочиях на случай чрезвычайной международной ситуации от 28 октября 1977 г. и Закон о торговле с врагом от 16 октября 1917 г.

[130] Закон о нераспространении вооружений на территорию Ирана и Ирака с внесенными поправками от 23 октября 1992 г., Закон о расширении области действия поправки Хикенлупера от 30 апреля 1994 г., Закон о борьбе с распространением ядерного оружия от 30 апреля 1994 г., Закон 1996 г. о санкциях в отношении Ирана и Ливии от 5 августа 1996 г., Закон о борьбе с терроризмом и применении смертной казни от 24 апреля 1996 г.

[131] Указы президента №12170 (14.11.1979), №12205 (7.04.1980), №12211 (17.04.1980), №12276–12284 (23.01.1981), №12294 (26.02.1981), №12613 (30.10.1987), №12957 (17.03.1995), №12959 (9.05.1995), №13059 (19.08.1997), закон о поддержке свободы в Иране 2006 г. и др.

[132] Изначально назывался «О санкциях в отношении Ирана и Ливии».

[133] Katzman K. The Iran Sanctions Act. – Washington, 2007.

[134] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington, 2010.

[135] Ibid. C. 16.

[136] Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010. C. 6.

[137] Так, в феврале 1998 г. в Тегеран приезжала американская команда борцов, которую с цветами тепло встретили иранские представители.

[138] Katzman K. Iran Sanctions. Washington, 2010; Katzman K. Iran: US Concerns and Policy Responses. – Washington, 2010.

[139] Tehran Times, 08.02.2010.

[140] Резолюция 1929 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 г. S/RES/1929 (2010) http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20(2010)

[141] Резолюция 1929 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 г. S/RES/1929 (2010) http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20(2010)

[142] Кожанов Н.А. К вопросу о введении санкций, ограничивающих возможности ИРИ по импорту бензина. http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/12-05-10.htm

[143] Хабарнамэ-йэ энержи. №77. Ардибихешт 1389.

[144] Johnson F., SEC Writing Disclosure Rules in Wake of Iran Sanctions Law // Automated Trader, 20.07.2010.

[145] AFP, 02.08.2010.

[146] Reuters, 04.08.2010.

[147] CNN, 03.08.2010.

[148] Bloomberg, 05.082010; Wall Street Journal, 17.08.2010.

[149] New York Times, 13.08.2010.

[150] The Wall Street Journal, 25.08.2010.

[151] The Associated Press, 27.08.2010.

[152] Так, еще в 2005 г. под давлением правительства из ИРИ ушла «Бриттиш Петролеум» (при этом руководство компании все же ссылалось не на указание английских властей, а на боязнь за свои позиции в США).
[153] Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009. № 10. С. 6–9; Iran. House of Commons Foreign Affairs Committee. Third Report of Session 2003–2004. С. 7–14; Iran – UK Relations: from Puzzling to Mysterious // AIC Update. October 2005. Vol. 2. № 33.
[154] Интервью с российским дипломатом, участвовавшим в обсуждении вопросов ИЯП с британской стороной. Москва. Июнь 2007.
[155] The Impact of Economic Sanctions. U.K. House of Lords – Economic Affairs Committee. May 9, 2007.
http://www.iranwatch.org/government/UK/uk-lords-report-economicsanctions-050907.htm
[156] The Impact of Economic Sanctions. U.K. House of Lords – Economic Affairs Committee. May 9, 2007.
http://www.iranwatch.org/government/UK/uk-lords-report-economicsanctions-050907.htm
[157] Автор сам был свидетелем одного из подобных выпадов по отношению к англичанам со стороны иранцев, который случился в ходе встречи посла России в Иране А.А.Садовникова с замсекретаря Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) ИРИ А.Багери-Кяни в августе 2009 г.
[158] http://www.ukti.gov.uk/export/countries/asiapacific/middleeast/iran.html
[159] Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009. № 10. С. 6–9, 11; The Operation of the WMD End-Use Control: Guidance. London, 2006.
[160] http://www.iranwatch.org/government/UK/uk-hmrc-threeimprisonedforsmugglingequipmenttoiran-060409.htm
[161] Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009. № 10. С. 5.
[162] Там же.
[163] UK/Iran Trade Statistics. December 2008 –
http://www.bicc.org.uk/downloads/Trade%20Stats%20Dec%2008.pdf
[164] Источник: Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009. № 10. С. 5.
[165] The Iran (Financial Sanctions) Order 2007.
[166] The Iran (European Community Financial Sanctions) Regulations 2007.
[167] http://www.hm-treasury.gov.uk/fin_sanctions_iran.htm#ukl

[168] Источник: Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009. № 10. С. 5.

[169] The Financial Restriction (Iran) Order 2009.

[170] Statement by Ian Pearson, Economic Secretary of the Treasury. UK. House of Commons. June 18, 2009. Источник: http://www.iranwatch.org/government/UK/uk-commons-treasurystatementonfrozenIranianassets-062909.htm

[171] New York Times, 02.02.2010.

[172] Reuters, 05.07.2010.

[173] Lawrence Cannon.

[174] Stephen Smith.

[175] Pletka D. Congress's Ill-Timed Iran Bills // Washington Post, 28.08.2007.

[176] 55 % французского экспорта составляла продукция автомобильной промышленности.

[177] Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. – Washington, 2010. С. 32.

[178] Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. – Washington, 2010. С. 23; Makinsky M. French Trade and Sanctions against Iran // MERIA Journal. – March 2009. – Vol. 13, № 1.

[179] Интервью с сотрудником экономической секции посольства Франции в Тегеране, осуществлявшего помощь «Тоталь» в проведении консультаций с иранской стороной. Август 2008.

[180] Один из советников посольства Франции в ИРИ по торгово-экономическим вопросам неоднократно бравировал перед автором тем, что «не только российский «Газпром» пользуется поддержкой правительства», ссылаясь на то, что нередко принимал участие в неофициальных переговорах «Тоталь» с иранцами в качестве представителя государства.

[181] Germany's Commercial Ties With Iran Prove Hard to Cut // New York Times, 21.09.2007; German Export Guarantees To Iran Drop // Associated Press, 26.01.2008.

[182] Germany's Commercial Ties With Iran Prove Hard to Cut // New York Times, 21.09.2007; Germany Struggles To Unravel Economic Ties With Iran // New York Times, 20.09.2007.

[183] Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. – Washington, 2010. С. 32.

[184] Там же. С. 24.

[185] US Slaps Penalty On DHL Over Shipments To Iran, Syria, Sudan // Agence France-Presse, August 6, 2009.

[186] U.S. Pushes for Tighter United Nations Sanctions Against Iran // The Oil Daily, 07.08.2008.
[187] Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. Washington, 2010. C. 31.
[188] Там же.
[189] Germany Reaffirms 'No' To New Sanctions Over Iran's Nuclear Row // IRNA, 27.07.2009.
[190] А.Меркель назвала неприемлемой для ее страны ситуацию, когда в руках иранского руководства, периодически выступающего с призывами «стереть Израиль с карты мира», окажется ядерная бомба.
[191] Merkel Threatens Energy Sanctions Against Iran // Agency France-Press, August 21, 2009.
[192] Fritsch P. Small Bank in Germany Tied to Iran Nuclear Effort // Wall Street Journal, 18.07.2010; Germany Checking Bank's Iran Dealings // Associated Press, 19.07.2010
[193] Westerwelle Threatens Iran with New Sanctions.
http://www.thelocal.de/national/20091130-23617.html
[194] Deckstein D., Schepp M. Was Siemens Involved in Dubious Trade? // Der Spiegel, 09.08.2010
http://www.spiegel.de/international/business/0,1518,710810,00.html
[195] Swartz S. Another company cuts ties with Iran // Wall Street Journal, 10.09.2010.
[196] AFP, 23.09.2010.
[197] Booth R. Shell increases oil trade with Iran – despite sanctions // The Guardian, 27.09.2010.
[198] Guy D., Bozorgmehr N. Barker A. EU Trio Targets Tougher Iran Sanctions // Financial Times, 25.02.2009.
[199] Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. Washington, 2010. C. 23.
[200] Italian Firm To Partake In SP Phase 12 Development Plan // Mehr News Agency, July 29, 2009.
[201] Nozari: Persian Pipeline Under Study // Fars News Agency, April 13, 2009.
[202] Italian Firm To Partake In SP Phase 12 Development Plan // Mehr News Agency, July 29, 2009.
[203] New York Times, 09.02.2010.
[204] Haaretz, 27.06.2010.
[205] Oil and Gas Insight, September 2008; Iran to Build Pars Pipeline // Iran Daily, 28.09.2008.

[206] Ansari Javid S. Imminent Breakthrough for Nabucco Pipeline Project // Tehran Times, 04.07.2009.
[207] http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/KD28Ak01.html
[208] http://uk.reuters.com/article/2009/07/13/energy-nabucco-iran-idUKLD60806920090713?sp=true
[209] Financial Times, 15.12.2009.
[210] Wall Street Journal, 09.01.2010.
[211] Jerusalem Post, 11.08.2010.
[212] The Wall Street Journal, 23.08.2010.
[213] Lebanese Envoy Underlines Beirut's Support For Iran's N. Rights // Fars News Agency, June 1, 2010.
[214] Khaitous T. Arab Relations to a Nuclear-Armed Iran. Washington, 2009. C. IX.
[215] Эр-Рияд традиционно получает выгоду от увеличения объемов экспорта, Тегеран же заинтересован в их снижении.
[216] Khaitous T. Arab Relations to a Nuclear-Armed Iran. Washington, 2009. C. 3, 6–9.
[217] Tehran Times, 19.07.2010
[218] US cautions Egypt against doing business with Iran // YNet News, 08.10.2010.
Available at http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3966257,00.html
[219] Iran President to Visit Bahrain Amid Tensions // Agence France Presse, November 6, 2007.
[220] Bahrain Backs Iran's Right to Peaceful Nuclear Energy // IRNA, January 15, 2010.
[221] Kuwait In Compliance With UNSC Iran Sanctions Resolution Interior // KUNA, October 2, 2008.
[222] Kuwait's Parliament Speaker Says The West Is 'Provoking' Iran On Nuclear Issue // Associated Press, July 14, 2008.
[223] GCC Secretary General Praises Kuwait Summit // Kuwait Times, 02.01.2010; Mottaki Calls Iran, S. Arabia Two Key Islamic Countries in Islamic World // Tehran Times, 19.01.2010.
[224] Iraq Wants 'Explanations' on Iran's Planned Nuclear Plant Near its Border // Daily Times, 12.01.2010.
[225] Reuters, August 1, 2010.
[226] Bloomberg, 07.09.2010.
[227] Spencer R., Iran's nuclear smugglers raided // The Daily Telegraph, 30.06.2010.
[228] The National, 28.07.2010.

[229] Reuters, August 3, 2010.
[230] Zawya, August 11, 2010.
[231] The Wall Street Journal, 11.08.2010.
[232] Iran's Allies Condemn Lebanon's Abstention // Yalibnan, 10.06.2010.
[233] Bloomberg, 16.08.2010. http://www.bloomberg.com/news/2010-08-16/u-a-e-says-it-s-checking-to-be-sure-its-trade-with-iran-complies-with-un.html
[234] Bloomberg, 16.08.2010.
[235] Emirates Business 24/7, 07.09.2010; The National, 07.09.2010.
[236] http://www.presstv.ir/detail/150362.html
[237] Leaders renew support for UAE on islands issue // Gulf News, 08.12.2010. Available at http://www.zawya.com/story.cfm/sidGN_07122010_081251
[238] Khaitous T. Arab Relations to a Nuclear-Armed Iran. – Washington, 2009. C. 10–12.
[239] Там же. С. X.
[240] Имеется в виду территориальный спор между ИРИ и ОАЭ за острова Абу Муса, Большой и Малый Томб, расположенные на выходе из Персидского залива в Ормузский пролив, владение которыми обеспечивает контроль над стратегически важным участком акватории.
[241] Без учета поставок китайских товаров в ИРИ через третьи страны.
[242] Iran, Japan Trade Increases to 14Bn Dollars // IRNA, February 3, 2009; Noorbakhsh S., Eye on Trade: More Than Just Pistachios // Japan Inc., November 4, 2008; Iran Calls For Joint Projects With South Korea In Afghanistan // Fars News Agency, March 18, 2009; China Takes Over From West as Iran's Main Economic Partner // Agence France-Presse. March 15, 2010.
[243] Особое значение для Тегерана также имел тот факт, что Китай и Япония являются по величине соответственно вторым и третьим после ОАЭ рынками сбыта его ненефтяных товаров.
[244] Diplomat Calls China Iran's Major Trade Partner In Asia // Fars News Agency, July 7, 2009.
[245] Azimi N. Japan's Iran Moment // The New York Times, 17.02.2010.
[246] Chanlett-Avery E., Cooper W. H., Manyin M. E. Japan – U.S. Relations: Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2010. C. 6.
[247] Kuwait Overtakes Iran to Become Japan's 4th Biggest Crude Oil Supplier // Kuwait News Agency, October 31, 2009.
[248] Iran, Japan Trade Increases to 14Bn Dollars // IRNA, February 3, 2009; Noorbakhsh S. Eye on Trade: More Than Just Pistachios // Japan Inc., November 4, 2008.
[249] Cosmo Oil to Cut 2010 Iran Crude Supply // Tehran Times, 21.02.2010.

---

[250] Chanlett-Avery E., Cooper W. H., Manyin M. E. Japan – U.S. Relations: Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2010. С. 6.
[251] Katzman K. Iran Sanctions. Washington: Congressional Research Service, 9.11.2010. С. 24.
[252] Inpex Corporation decision // U.S. Department of State, November 17, 2010. http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/11/151099.htm
[253] Chanlett-Avery E., Cooper W. H., Manyin M. E. Japan – U.S. Relations: Issues for Congress. – Washington: Congressional Research Service, 2010. P. 6.
[254] Kirk D. South Korea Sanctions Iran – Under the US Pressure // Christian Science Monitor, 08.09.2010.
[255] Там же.
[256] S. Korea to suspend Iranian bank as part of sanctions // AFP, October 7, 2010.
[257] Korea, Iran to open won-based accounts // Korea Herald, 17.09.2010.
[258] JoongAng Daily, 26.08.2010.
[259] Iran Fourth Crude Exporter to South Korea // MojNews, 16.09.2009.
[260] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington: Congressional Research Service, 09.11.2010. С. 25–26.
[261] Korea Herald, 29.07.2010.
[262] The Chosun Ilbo, 09.08.2010.
[263] Yonhap, 09.08.2010.
[264] South Korea in deal with Iranian Central Bank to revive trade ties // International Business Times, 08.10.2010.
[265] South Korea in deal with Iranian Central Bank to revive trade ties // International Business Times, 08.10.2010.
[266] Iran, China to Cement Cooperation // Fars News Agency, July 28, 2008.
[267] Simpson G. R., Solomon J. Fresh Clues of Iranian Nuclear Intrigue // The Wall Street Journal, 16.01.2008.
[268] Iran, China to Cement Cooperation // Fars News Agency, July 28, 2008.
[269] Varner B., Zacharia J. Obama's UN Nuclear Summit Sidesteps Iran, North Korea Disputes // Bloomberg, 22.09.2009.
[270] Chang A. After Iran Sanctions Vote, China Wants More Dialogue on Iran Nuclear Issue // CNSNews, 10.06.2010.
[271] U.S. Enlists Oil to Sway Beijing's Stance on Tehran // The Wall Street Journal, 20.10.2009, С. A14; Diplomat Calls China Iran's Major Trade Partner In Asia // Fars News Agency, July 7, 2009.
[272] China Takes Over From West as Iran's Main Economic Partner // Agence France-Presse, March 15, 2010.

[273] Blas J., Dombey D., Hoyos C. Chinese Begin Petrol Supplies to Iran // Financial Times, 22.09.2009.
[274] Iran: Gasoline Sanctions Futile // Press TV, April 22, 2010.
[275] Iran's Non-oil Exports Up by %16 Last Year // IRNA, April 6, 2010.
[276] Iran sees 40% Rise in Exports to China // Tehran Times, 18.01.2010.
[277] Iran, China Have $50B Energy Deal // Iranian Labor News Agency, February 17, 2010; Iran Sees $200 Billion In Trade With China In 10 Years: Ambassador // Mehr News Agency, May 30, 2010.
[278] Borger J. China Sells Petrol to Iran While Talking at UN About Sanctions // Guardian, 14.04.2010; China Objects to US Sanctions Against Iran // Associated Press, July 6, 2010.
[279] The Associated Press, July 30, 2010.
[280] Reuters, July 23, 2010
[281] Bloomberg, 02.08.2010.
[282] Записано со слов посла России в Иране А.А.Садовникова, который, в свою очередь, ссылался на главу китайской дипмиссии.
[283] Iranian Parliamentary Delegation Leaves Tehran For Beijing // Fars News Agency, May 8, 2010.
[284] Iran sees 40% Rise in Exports to China // Tehran Times, 18.01.2010.
[285] Iran, China Sign Deals Worth $17 Billion // Press TV, May 18, 2009.
[286] China Keen To Invest in Titanium Mines in Iran's Kerman Province // Fars News Agency, April 28, 2008.
[287] Iran, China Sign Deals Worth $17 Billion // Press TV, May 18, 2009.
[288] Freemark Y. China Promotes Its Transcontinental Ambitions with Massive Rail Plan // The Transport Politic, 09.03.2010.
[289] Iran, China Discuss Rail Cooperation // Mehr News Agency, June 9, 2010.
[290] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington: Congressional Research Service, 9.11.2010. C. 24–26.
[291] Foreign Investment Conference To Be held In Iran // Islamic Republic News Agency, May 27, 2009; Iran, China Sign $5 Bln Gas Deal // Agence France-Presse, June 3, 2009.
[292] Iran Calls On Chinese To Enter Multi-billion-dollar Energy Deals // Mehr News Agency, July 10, 2009.
[293] Iran, China Sign Oil Deal // IRNA, August 4, 2009.
[294] Iran, China Sign Agreement On Drilling Rigs // Fars News Agency, July 29, 2009.
[295] Sinopec in $6.5 Billion Iran Refinery Deal: Iranian Media // Reuters, November 25, 2009.

[296] Blas J., Dombey D., Hoyos C., Chinese Begin Petrol Supplies to Iran // Financial Times, 22.09.2009.
[297] Erdbrink T. Sanctions slow development of huge natural gas field in Iran // The Washington Post, 23.07.2010.
[298] Katzman K. Iran Sanctions. Washington: Congressional Research Service, 9.11.2010. C. 26.
[299] Iran, China Sign $3.2B Gas Deal // Fox News, 15.03.2009.
[300] China Likely to Replace India in Iran-Pak Gas Pipeline Project // One India, 06.02.2010; Majority in Pakistan Wants China to Join IP Project // Zawya, 05.02.2010.
[301] Pomfret J. Chinese firms bypass sanctions on Iran, US says // Washington Post, 18.10.2010.
[302] U.S.: Penalize Chinese oil deals with Iran // United Press International, September 29, 2010; Butler D. Lawmakers urge penalties for Chinese company // Washington Post, 28.09.2010.
[303] U.S. Government Accountability Office, September 3, 2010. http://www.gao.gov/new.items/d10967r.pdf.
[304] Small shipping companies in Asia ferrying Iran's petrochemicals // Platts, 13.10.2010.
[305] U.S. lawmakers question Chinese firms' dealings with Iran // Global Security Newswire, 02.12.2010.
[306] CNOOC likely to get US nod for US$1bln deal despite opposition // Trading Markets, October 13, 2010; Global Business in Iran: CNOOC-NIOC North Pars Oil and Gas Field Development // American Enterprise Institute Critical Threats Project. http://www.irantracker.org/global-business-in-iran/projects/cnooc-nioc-north-pars-oil-and-gas-field-development
[307] Aizhu C., China halts oil work in Iran as U.S. ties grow // AFP, October 28, 2010.
[308] Там же.
[309] Importers of petrochemicals from Iran find ways around L/C problem // Platts, 18.10.2010.
[310] CNOOC likely to get US nod for US$1bln deal despite opposition // Trading Markets, October 13, 2010; Global Business in Iran: CNOOC-NIOC North Pars Oil and Gas Field Development // American Enterprise Institute Critical Threats Project. http://www.irantracker.org/global-business-in-iran/projects/cnooc-nioc-north-pars-oil-and-gas-field-development
[311] Iran Defence and Security Report. London, 2010. Q4. C. 5.
[312] Там же. С. 42–45.

[313] Fassihi F. Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation Fears Are Seen Four Month After U.N. Meassures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal, 12.10.2010.

[314] Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран, № 141, Абан 1389.

[315] Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/1/20. Техран, 1389. С. 4; Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/6/26. Техран, 1389. С. 4; Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/7/23. Техран, 1389. С. 4.

[316] Эгтесад-э иран. №139. Шахривар 1389.

[317] Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/6/26. Техран, 1389. С. 4; Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/7/23. Техран, 1389. С. 4.

[318] Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1389. Техран, 1389. С. 6.

[319] Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1388. Техран, 1388. С. 6; Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Фарвардинмах 1389. Техран, 1389. С. 6; Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1389. Техран, 1389. С. 6.

[320] Fassihi F., Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation Fears Are Seen Four Month After U.N. Meassures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal, 12.10.2010.

[321] Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран. № 141, Абан 1389.

[322] Fassihi F., Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation Fears Are Seen Four Month After U.N. Meassures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal, 12.10.2010.

[323] Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран. № 141, Абан 1389.

[324] Хотя, по некоторым оценкам, эта статистика не учитывает эмитируемые банковские чеки формально с ограниченным по времени сроком хождения, но фактически исполняющие в ИРИ функции крупных банкнот.

[325] Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран. № 141, Абан 1389.
[326] Эгтесад-э иран. № 134. Фарвардин 1389.
[327] Джавади Ш. Пишбини-йэ амалкард-э будже-йэ сал-э 1389 ва асар-э ан бар эегтесад-э мелли. – Техран. 1388.
[328] Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран No. 141, Абан 1389
[329] http://www.cbi.ir/
[330] Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1389. Техран, 1389. С. 6.
[331] Are Iran's Leaders Hiding a Severe Economic Downturn // Time, 03.03.2010.
[332] Iran Gasoline Capacity to «Keep Growing» // Tehran Times, 07.10.2010.
[333] Тутунчи-Малеки С., Хади-Мусавиник С. Эттебарат-э йаранеи ва асар-э таварроми-йэ ан. Техран. 1389.
[334] Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. C. 21–23.
[335] The Christian Science Monitor, 23.04.2010.
[336] Iran Oil and Gas Report. London, 2010. Q4. C. 46; Iran Gasoline Capacity to «Keep Growing» // Tehran Times, 07.10.2010.
[337] Джузийат-э тарх-э зарбати-йэ бензин ээлам шод // Econews, 1389/06/27.
[338] Джузийат-э тарх-э зарбати-йэ бензин ээлам шод // Econews, 1389/06/27; Сахмийе-йэ бензин-э мехрмах 60 литр тааин шод. // Econews, 1389/06/24.
[339] Сахмийе-йэ бензин-э мехрмах 60 литр тааин шод. // Econews, 1389/06/24.
[340] Там же.
[341] www.shana.ir
[342] Сахмийе-йэ бензин-э мехрмах 60 литр тааин шод. // Econews, 1389/06/24. http://www.econews.ir/fa/NewsContent.aspx?id=140305
[343] Iran Launches Economic Reform Plan // PressTV, December 19, 2010
[344] Special Report: Subsidies Reform Plan // Iran Investment Monthly. January 2011. Vol. 5, № 52. C. 7; Petroleum Product Usage Plummets Post-Subsidy Paring // Frontline. 29.12.2010.
[345] Гоманэзани-йэ геймат-э бензин баад аз хадафманди-йэ йаранеха // Econews, 1389/07/04; Джузийат-э тарх-э зарбати-йэ бензин ээлам шод. // Econews, 1389/06/27; Сахмийе-йэ бензин-э мехрмах 60 литр тааин шод. // Econews, 1389/06/24.
[346] Гоманэзани-йэ геймат-э бензин баад аз хадафманди-йэ йаранеха // Econews, 1389/07/04.
[347] Там же.

[348] Iran Defence and Security Report. London, 2010. Q4. C. 5, 7, 8, 42–45; Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. – Washington, 2010.
[349] Bozorgmehr N. Sanctions Hit Iran Oil Production // Financial Times, 23.05.2010; Pagnamenta R. Iran Supply Problems Add to Fears of Oil Hitting $200 a Barrel // The Times, 07.05.2008; Stern R. Iran Actually is Short of Oil // The New-York Times, 08.01.2007; Swartz S., Faucon B. Iran's Falling Oil Output Means Less Revenue, Clout // The Wall Street Journal, 26.06.2010.
[350] Указанный доклад центра стратегических исследований меджлиса был выложен в 2009 г. для общего доступа на официальном сайте центра, однако в скором времени он был убран. Приводимые цифры частично восстановлены по записям, сделанным автором, частично на основе статей других исследователей, использовавших в своих работах материалы Центра стратегических исследований меджлиса.
[351] Bozorgmehr N. Sanctions Hit Iran Oil Production // Financial Times, 23.05.2010; Pagnamenta R. Iran Supply Problems Add to Fears of Oil Hitting $200 a Barrel // The Times, 07.05.2008; Stern R. Iran Actually is Short of Oil // The New-York Times, 08.01.2007; Swartz S., Faucon B. Iran's Falling Oil Output Means Less Revenue, Clout // The Wall Street Journal, 26.06.2010.
http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704569204575328851816763476.html
[352] Bozorgmehr N. Sanctions Hit Iran Oil Production // Financial Times, 23.05.2010; Pagnamenta R. Iran Supply Problems Add to Fears of Oil Hitting $200 a Barrel // The Times, 07.05.2008; Stern R. Iran Actually is Short of Oil // The New-York Times, 08.01.2007; Swartz S., Faucon B. Iran's Falling Oil Output Means Less Revenue, Clout // The Wall Street Journal, 26.06.2010.
[353] Ansari Javid S. Imminent Breakthrough for Nabucco Pipeline Project // Tehran Times, 04.07.2009; Iran Floats Pars Pipeline Plan // Oil and Gas Insight, September 2008; Iran to Build Pars Pipeline // Iran Daily, 28.09.2008.
[354] Там же.
[355] Там же.
[356] Предполагалось, что 20% добытого на них газа (35–37 млрд. кубометров в год) пойдет на экспорт в ЕС.
[357] Сажин В. И. Иран: май 2010 г. Экономическая ситуация.
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html;
Чайкин Н.А. К первой годовщине победы М.Ахмадинежада на президентских выборах 2009 г. http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/30-05-10a.htm
[358] Iran Defence and Security Report. London, 2010. Q4. C. 42–45; Fassihi F. Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation

Fears Are Seen Four Month After U.N. Meassures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal, 12.10.2010.

[359] Именно с целью «оживления» банковской сферы руководство ИРИ накануне введения санкций заявило о возможном допуске иностранцев в этот традиционно закрытый для них сектор.

[360] Кроме того, что основные закупки бытовых товаров и некоторых видов техники для ИРИ традиционно осуществляются в ОАЭ, иранцы до 2010 г. активно использовали банковскую систему Эмиратов для финансового обеспечения внешнеторговых операций.

[361] По некоторым данным, уже имели место случаи, когда лишенные возможности полноценно использовать европейскую и американскую банковские системы (а вслед за ними и банковские системы многих других государств) иранцы в буквальном смысле были вынуждены возить с собой чемоданы денег.

[362] South Korea in deal with Iranian Central Bank to revive trade ties // International Business Times, 08.10.2010.

[363] Фактически выполняет функции стабилизационного фонда, фонда для покрытия возникающего дефицита и оплаты текущих расходов правительства (хотя по законодательству, средства, поступающие в его распоряжение, должны направляться только на нужды развития).

[364] Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. С. 28–29.

[365] Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010. P. 28–29; Iran Has Foreign Exchange Reserves Topping $100 Billion, Ahmadinejad Says // Bloomberg, 30.10.2010.

[366] Amuzegar J. The Real Problem // Foreign Policy, 11.02.2010.

[367] Там же.

[368] Там же.

[369] Там же.

[370] Iran Financial Services Forecast // Economist Intelligence Unit, 18.08.2008

[371] С точки зрения одного из бывших глав ЦБ ИРИ Т.Мозахери, схема кредитования и предоставления ссуд должна была выглядеть следующим образом: по истечении отведенного срока должник независимо от успеха реализации своего проекта возвращает «тело кредита», проиндексированное на существующий уровень инфляции, и вознаграждение за оказанные банком услуги (1–3% от кредита). При этом формально сохранялся принцип беспроцентности. Клиент как бы восстанавливает потери финансового

института от инфляции, плюс оплачивает затраты на оформление бумаг. Ни о каком доходе от «дачи денег в рост» речь не идет. Фактически же происходит сближение иранской и международной банковской систем. В мировой практике традиционно процентная ставка рассчитывается исходя из уровня инфляции с добавлением 1–3% составляющих прибыль банка.

[372] Банковский сектор, как и сельское хозяйство, в понимании духовенства должны функционировать исключительно на основе исламских принципов.

[373] First Foreign Bank Opened in Iran // Mehr News Agency, May 29, 2008; Iran Opens to Foreign Banks // UPI, April 20, 2009.

[374] Параллельно с перспективой открытия филиалов иранских банков за рубежом эти меры также до определенной степени могли позволить ИРИ обходить и наложенные санкции.

[375] Iran's Struggle. The regime tightens its belts and fists // The Economist, 15.01.2011. http://www.economist.com/node/17900396?story_id=17900396

[376] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010; Ottolenghi E. Iran. The Looming Crisis. London: Profile Books, 2010.

[377] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. P. 3.

[378] Ibid. C. 3.

[379] Цифры выглядят несколько завышенными, но автор сам на личном опыте может подтвердить, что количество демонстрантов измерялось десятками, а то и сотнями тысяч.

[380] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. C. 3–4.

[381] Ibid. C. 4.

[382] Ibid. C. 4.

[383] В частности, сторонниками оппозиции неоднократно заявлялось об участии в подавлении беспорядков представителей ливанской «Хизбаллы» и даже российского спецназа.

[384] Katzman K. Iran Sanctions. – Washington: Congressional research Center, 2010. C. 23–24.

[385] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for

Near East Policy, 2010; Ottolenghi E. Iran. The Looming Crisis. – London: Profile Books, 2010.

[386] Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg, 09.06.2010. http://www.bloomberg.com/news/2010-06-08/iran-opposition-struggles-as-nuclear-sanctions-wrangle-boosts-ahmadinejad.html

[387] Там же.

[388] Здесь не следует ставить знак равенства между традицией и религией.

[389] Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg, 09.06.2010.
http://www.bloomberg.com/news/2010-06-08/iran-opposition-struggles-as-nuclear-sanctions-wrangle-boosts-ahmadinejad.html

[390] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. C. 7.

[391] Mozgovaya N. Iran Opposition Figure: Sanctions will Only Make Regime Stronger // Haaretz, 17.10.2009.
http://www.haaretz.com/news/iran-opposition-figure-sanctions-will-only-make-regime-stronger-1.5955

[392] Dehghan S. K. Iran Sanctions Strengthen Ahmadinejad Regime – Kharroubi // Guardian, 11.08.2010.
http://www.guardian.co.uk/world/2010/aug/11/iran-elections-mehdi-karroubi-interview

[393] Там же.

[394] Mansourian H. The Human Cost of Sanctions on Iran // Muftah, 03.11.2010. http://muftah.org/?p=403

[395] Там же.

[396] Учитывая накопленный опыт проведения подобных мероприятий.

[397] LaFranchi H. Dissidents Say Iran Nuclear Sanctions are Helping Ahmadinejad // The Christian Science Monitor, 12.08.2010.
http://www.csmonitor.com/USA/Foreign-Policy/2010/0812/Dissidents-say-Iran-nuclear-sanctions-are-helping-Ahmadinejad?sms_ss=email

[398] Sanctions Can't Bring Democracy to Iran, Boost Government: Karroubi. // Reuters, 12.08.2010. http://www.worldbulletin.net/news_detail.php?id=62504

[399] Исполняет функции разведки и контрразведки.

[400] Iran's Struggle. The regime tightens its belts and fists // The Economist, 15.01.2011. http://www.economist.com/node/17900396?story_id=17900396

[401] Iran Forces "Raid" Office of Opposition Leader Mousavi. // BBC, 16.09.2010. http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-11331311

[402] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. С. 5; Speaker: Iran turns threats into opportunities // Fars News Agency, September 20, 2010.
http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8906291367;
Iran News Roundup // IranTracker, July 21, 2010,
http://www.irantracker.org/roundup/iran-news-roundup-july-21-2010.
[403] Раис-э маджма-йэ маслахат-э низам: зарбэхурдеган аз энгелаб, бара-йэ расидан бэ ахдаф-э ход хиз бардаштэ-анд. // ILNA, 29/4/1389
http://www.ilna.ir/newsText.aspx?ID=136654
[404] Раис-э маджма-йэ маслахат-э низам: зарбэхурдеган аз энгелаб, бара-йэ расидан бэ ахдаф-э ход хиз бардаштэ-анд. // ILNA, 29/4/1389
http://www.ilna.ir/newsText.aspx?ID=136654
[405] Iran's Struggle. The regime tightens its belts and fists // The Economist, 15.01.2011. http://www.economist.com/node/17900396?story_id=17900396
[406] Эттемад № 2061, 4.7.1388 С. 5; Эттемад № 2063, 6.7.1388. С. 5; Эттемад № 2076, 21.7.1388. С. 5; Эттемад № 2112, 4.9.1388. С. 1; Эттемад № 2134, 2.10.1388 С. 5; Эттемад № 2141, 13.10.1388. С. 5.
[407] Эттемад № 2061, 4.7.1388 С. 5; Эттемад № 2063, 6.7.1388. С. 5; Эттемад № 2076, 21.7.1388. С. 5; Эттемад № 2112, 4.9.1388. С. 1; Эттемад № 2134, 2.10.1388 С. 5; Эттемад № 2141, 13.10.1388. С. 5.
[408] Iran's Struggle. The regime tightens its belts and fists // The Economist, 15.01.2011. http://www.economist.com/node/17900396?story_id=17900396
[409] Там же.
[410] Faucon B., Fassihi F. Sanctions Force a Retreat in Iran // Wall Street Journal, 17.07.2010.
[411] Mansourian H. The Human Cost of Sanctions on Iran // Muftah, 03.11.2010. http://muftah.org/?p=403
[412] Там же.
[413] «Хатам-оль-Анбия» испытывала трудности с развитием этих блоков. В середине июля 2010 г. в прессе появилась информация о том, что указанная корпорация отказалась от участия в ряде связанных с месторождением «Южный Парс» проектов. Возможно, что имелись в виду именно 15-й и 16-й блоки (Faucon B., Fassihi F. Sanctions Force a Retreat in Iran // Wall Street Journal, 17.07.2010).
[414] Mansourian H. The Human Cost of Sanctions on Iran // Muftah, 03.11.2010. http://muftah.org/?p=403
[415] Канун-э асаси-йэ джумхури-йэ эслами-йэ иран. – Теhран, 1384.

[416] Tisdall S. Rafsanjani: Shark or Kingmaker // Guardian, 15.06.2009. http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jun/15/rafsanjani-iran-elections

[417] Интервью с одним из ведущих российских экспертов-аналитиков по Ирану. Решт. Май 2009.

[418] Klebnikov P. Millionaire Mullahs // Forbes, 21.07.2003. http://www.forbes.com/forbes/2003/0721/056_3.html

[419] В Иране существует слух о том, что изначально Асгаравлади были иудеями, принявшими ислам для собственной выгоды лишь несколько поколений назад. Судя по всему, это лишь один из традиционных «грязных» приемов, часто используемых иранцами в политической борьбе. В частности, подобная «достоверная» информация распространяется и о М.Ахмадинежаде.

[420] Klebnikov P. Millionaire Mullahs // Forbes, 21.07.2003. http://www.forbes.com/forbes/2003/0721/056_3.html

[421] Tisdall S. Rafsanjani: Shark or Kingmaker // Guardian, 15.06.2009. http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jun/15/rafsanjani-iran-elections

[422] Thaler D. E., Nader A., Chubin Sh., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads. – Washington: RAND, 2010. С. 109–111.

[423] Tisdall S. Rafsanjani: Shark or Kingmaker // Guardian, 15.06.2009. http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jun/15/rafsanjani-iran-elections

[424] Эттемад № 2061, 4.7.1388 С. 5; Эттемад № 2063, 6.7.1388. С. 5; Эттемад № 2076, 21.7.1388. С. 5; Эттемад № 2112, 4.9.1388. С. 1; Эттемад № 2134, 2.10.1388 С. 5; Эттемад № 2141, 13.10.1388. С. 5.

[425] Эттемад № 2061, 4.7.1388 С. 5; Эттемад № 2063, 6.7.1388. С. 5; Эттемад № 2076, 21.7.1388. С. 5; Эттемад № 2112, 4.9.1388. С. 1; Эттемад № 2134, 2.10.1388 С. 5; Эттемад № 2141, 13.10.1388. С. 5.

[426] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. С. 5.

[427] Там же. С. 11.

[428] Erdbrink Th. Iranian Opposition Warns Against Stricter Sanctions // The Washington Post, 01.10.2009. http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/09/30/AR2009093004244_pf.html;
Thaler D. E., Nader A., Chubin Sh., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads. Washington: RAND, 2010. С. 102–103.

[429] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. C. 11–12.
[430] Sanctions Can't Bring Democracy to Iran, Boost Government: Karroubi. // Reuters. August 12, 2010. http://www.worldbulletin.net/news_detail.php?id=62504
[431] UN Sanctions will Hurt Ordinary Iranians, Says Mousavi // The Telegraph, 23.05.2010
http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/7756576/UN-sanctions-will-hurt-ordinary-Iranians-says-Mousavi.html
[432] Karroubi says Guards Make "Astronomical Profits" from Sanctions // Al-Arabiya, 11.07.2010
http://www.alarabiya.net/articles/2010/07/11/113580.html
[433] Sanctions Can't Bring Democracy to Iran, Boost Government: Karroubi. // Reuters. August 12, 2010.
http://www.worldbulletin.net/news_detail.php?id=62504;
UN Sanctions will Hurt Ordinary Iranians, Says Mousavi // The Telegraph, 23.05.2010.
http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/7756576/UN-sanctions-will-hurt-ordinary-Iranians-says-Mousavi.html
[434] Iranian Opposition Leader Mousavi: Put the current destructive policies on referendum // Payvand, 06.10.2010.
http://www.payvand.com/news/10/oct/1039.html
[435] Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg, 09.06.2010.
http://www.bloomberg.com/news/2010-06-08/iran-opposition-struggles-as-nuclear-sanctions-wrangle-boosts-ahmadinejad.html
[436] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. C. 11.
[437] Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg, 09.06.2010.
http://www.bloomberg.com/news/2010-06-08/iran-opposition-struggles-as-nuclear-sanctions-wrangle-boosts-ahmadinejad.html
[438] Cohen R., Pothier F., Sadjadpour K. Iran: After the Sanctions, What Next? http://www.carnegieendowment.org/events/index.cfm?fa=eventDetail&id=3027
[439] Iranian economy booming despite sanctions: Ahmadinejad // Tehran Times, 24.11.2010.
http://www.tehrantimes.com/Index_view.asp?code=230867; Sanctions most ridiculous act against Iran: Ahmadinejad // AFP, October 31, 2010.

[440] Erdbrink T. Transcript of interview with Ahmadinejad adviser Mojtaba Samareh Hashemi // Washington Post, 23.11.2010. http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/11/23/AR2010112305058.html; Iran VP: Sanctions done away with // Press TV, October 22, 2010. http://www.presstv.ir/detail/147775.html

[441] Iranian Supreme Leader Urges Unity Among Basiji Forces. Vision of the Islamic Republic of Iran Network 1. Tehran, 24 June 2010. http://www.irantracker.org/us-policy/sanctions-iran-reactions-and-impact

[442] Speaker dismisses US ban on Iranian officials as "childish" game // Fars News Agency, October 3, 2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8907111201; Top legislator calls new sanctions on Iran 'childish // Tehran Times, 25.12.2010. http://www.tehrantimes.com/Index_view.asp?code=232793

[443] Iran slams West carrot, stick policy // Press TV, July 27, 2010, http://www.presstv.ir/detail.aspx?id=136408&sectionid=351020101.

[444] MP: Punishment Waiting For Supporters Of US Sanctions Against Iran // Fars News Agency, August 10, 2010.

[445] Basij Commander: Colonialists Collapsing // Fars News Agency, September 27, 2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8907051599

[446] Defense Minister says US sanctions cannot hurt Iran // News.Az, December 9, 2010. http://www.news.az/articles/iran/28061

[447] IRGC official: Sanctions caused technological growth blossoming // Zawya, December 9, 2010. http://www.zawya.com/story.cfm/sidZAWYA20101209060417

[448] Daragahi B. Iranian officials call latest US sanctions desperate // Los Angeles Times, 01.10.2010. http://articles.latimes.com/2010/oct/01/world/la-fg-iran-sanctions-20101002

[449] Iran: Sanctions will not stop insertion of fuel rods into "peaceful" Bushehr // World Tribune, 28.10.2010. http://www.worldtribune.com/worldtribune/WTARC/2010/me_iran1066_10_28.asp

[450] Iran's medicine production growing // Press TV, September 26, 2010. http://www.presstv.ir/detail/144089.html

[451] Iran produces own petrol to counter sanctions // Today, 29.11.2010. http://www.todayonline.com/World/Worldinbrief/EDC101129-0000078/Iran-produces-own-petrol-to-counter-sanctions; Iran produces 1bn liters of gasoline // Press TV, November 27, 2010. http://www.presstv.ir/detail/152844.html; Iran won't wait for foreigners to develop oilfield // Reuters, November 13, 2010. http://af.reuters.com/article/metalsNews/idAFMOS34481720101113

[452] Oil Minister: Iran to Export Gasoline in 3 Years // Fars News Agency, July 28, 2010.
[453] Ahmadinejad: Forex reserves exceed 100 bln USD // Xinhua, October 31, 2010. http://news.xinhuanet.com/english2010/world/2010-10/31/c_13584236.htm; Official: Iran exports gasoline to Iraq, Afghanistan, Armenia // Fars News Agency, October 27, 2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8908050905; Iran adds 108 passenger aircraft to fleet // Press TV, October 24, 2010. http://www.presstv.ir/detail/147965.html; Official: Implementation of Iran Sanctions Hard for West // Fars News Agency, August 23, 2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8906011587
[454] Chamber chief: sanctions add 15-30% to import cost // Iran Times International, 05.11.2010.
[455] Ahmadinejad Obliges Government To Continue 20 Percent Enrichment // Iranian Student News Agency, August 16, 2010.
[456] Там же.
[457] Iran warns of retaliation if fuel banned // Press TV, 08.07.2010, http://www.presstv.ir/detail.aspx?id=133919&sectionid=351020101.
[458] Iran says to drop trade in 'filthy' dollar, euro // AFP, August 10, 2010, http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5iJ0elHd-dKl2XcrDwbx2KZPTMBtQ.
[459] Iran To Draw Out Assets From Countries Imposing Sanction // Mehr News Agency, July 24, 2010.
[460] Iran "always ready" for nuclear talks: Ahmadinejad // Al Arabiya, November 18, 2010. http://www.alarabiya.net/articles/2010/11/18/126484.html
[461] Sanctions not affecting Iran relations // Press TV, October 18, 2010. http://www.presstv.ir/detail/147218.html; Labott E. Iran has grown stronger from sanctions, finance minister says // CNN International, October 9, 2010. http://articles.cnn.com/2010-10-09/world/iran.sanctions_1_iranian-interests-sanctions-shamseddin-hosseini?_s=PM:WORLD
[462] Wroughton L. Iran blasts World Bank for refusing loans // Reuters, October 8, 2010. http://af.reuters.com/article/worldNews/idAFTRE6975L420101008?sp=true
[463] Iran pulls assets from European banks // TradeArabia, August 29, 2010. http://www.tradearabia.com/news/newsdetails.asp?Sn=BANK&artid=185080.
[464] Chamber chief: sanctions add 15-30% to import cost // Iran Times International, November 5, 2010.

[465] Donya-ye Eqtesad, 29.09.2010.
[466] Sanctions sped Iran's self-sufficiency // Press TV, October 28, 2010. http://www.presstv.ir/detail/148627.html
[467] Key to Talks Is to Show Iran the Cost of Nuclear Ambition // The Wall Street Journal, 26.11.2010.
http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703678404575636440366896042.html?KEYWORDS=Gates+Iran
[468] Erdbrink Th. Transcript of interview with Ahmadinejad adviser Mojtaba Samareh Hashemi // Washington Post, 23.11.2010.
http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/11/23/AR2010112305058.html
[469] Thaler D. E., Nader A., Chubin Sh., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads. – Washington: RAND, 2010. P. 102–107.
[470] Там же. С. 104.
[471] Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2010. С. 7.
[472] Sanctions sped Iran's self-sufficiency // Press TV, October 28, 2010.
http://www.presstv.ir/detail/148627.html;
Supreme Leader hails Islamic Republic's political power // Fars News Agency, October 25, 2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8908031395
[473] Thaler D. E., Nader A., Chubin Sh., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads. – Washington: RAND, 2010. С. 102–107.
[474] Unpaid workers go on strike in Iran // Radio Free Liberty/Radio Europe, October 10, 2010.
http://www.rferl.org/content/Unpaid_Workers_Go_On_Strike_In_Iran/2185911.html
[475] Special Report: Subsidies Plan Reform // Iran Investment Monthly. January 2011, № 52. С. 6.
[476] Ханлу М. Пардахт-э 52,4 хезар милйард рийал йаране-йэ калаха-йе асаси дар сал-э 1386. // Барнаме. 1386. №204. С. 15.
[477] Там же.
[478] Мохаммад-Хани Х. Р. Таасир-э мостагим-э афзайеш-э геймат-э хамелха-йэ энержи быр хазине-йэ тоулид-э махсулат-э саннати ва хамл о нагл. – Техран, 1388; Тутунчи-Малеки С. Барраси-йэ мосаввабат ва эстедлалха-йэ таваджохи-йэ камисийун-э вижэ-йэ тарх-э тахаввол-э эгтесади дар моуред-э лайехэ-йэ хадафманд кардан-э йаранэха. – Техран, 1388.
[479] Subsidies Plan Reform // Iran Investment Monthly. January 2011, Vol. No 52. P. 6; Szorm Ch. Structural Patronage in Iran. Implications of Subsidies Reform for Iran and US Policy. – Washington, 2010. С. 6–12.

[480] Выплаты составляют 80 долл. США в месяц.
[481] Мохаммадхани М. Р. Сахм-э масраф-э йаранеха-йэ энержи дар бахш-ха-йэ мохталеф. Техран, 1389. С. 4.
[482] Мохаммадхани М.Р. Таасир-э мостагим-э афзайеш-э кеймат-э хамел-ха-йэ энержи бар хазине-йэ тоулид-э мухсулат-э санати ва хамл-о-нагл. Техран, 1388.
[483] Katzman K. Iran U.S. Concerns and Policy Responses. – Washington, 2010; Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg. June 9, 2010. http://www.bloomberg.com/news/2010-06-08/iran-opposition-struggles-as-nuclear-sanctions-wrangle-boosts-ahmadinejad.html;
Nikou S. N. The Subsidies Conundrum.
http://iranprimer.usip.org/resource/subsidies-conundrum;
Ottolenghi E. Iran: the Looming Crisis. London, 2010.
[484] Тутунчи-Малеки С., Хади-Мусавиник С. Эттебарат-э йаранеи ва асар-э таварроми-йэ ан. – Техран, 1388.
[485] Special Report: Subsidies Plan Reform // Iran Investment Monthly. January 2011, Vol. 52. С. 6.
[486] Там же. С. 7.
[487] За исключением куриного мяса и яиц, а также риса.
[488] Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/10/24. Техран, 1389. С. 1–4.
[489] Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Нафтэ-йэ монтахи бэ 1389/9/26. Техран, 1389. С. 3–4; Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Нафтэ-йэ монтахи бэ 1389/10/3. Техран, 1389. С. 3–4; Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэ-форуши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/11/8. Техран, 1389. С. 3–4.
[490] Special Report: Subsidies Plan Reform // Iran Investment Monthly. January 2011, Vol. 52. С. 9.
[491] Iranian President Mahmoud Ahmadinejad has announced the launch of his economic reform plan aimed at overhauling the country's economy by shelving energy and food subsidies http://www.presstv.ir/detail/156109.html
[492] Mattair T. R. The United States and Iran: Diplomacy, Sanctions and War. // Middle East Policy, Vol. XVII, № 2, Summer 2010. С. 52–61; Szorm Ch. Structural Patronage in Iran. Implications of Subsidies Reform for Iran and US Policy. – Washington, 2010.

[493] Ситуация, когда правительство «покупает» верность отдельных слоев населения через выделение им госсубсидий, является характерной для авторитарного государства в условиях применения против него санкций. Подробнее см. Escriba-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers. // International Studies Quarterly. 2010, № 54. С. 335–359.

[494] Iranian Parliamentary Delegation Leaves Tehran For Beijing // Fars News Agency, May 8, 2010.

[495] Интервью с сотрудником посольства Португалии в ИРИ. Тегеран. Сентябрь 2009.

[496] Garver J. W., Is China Playing a Dual Game in Iran? // The Washington Quarterly. Winter 2011, № 34. С. 75–88.

[497] В 2008–2009 гг. автор сам был свидетелем этого процесса.

[498] Местная фирма-посредник является более предпочтительной, т.к. если филиал или дочерняя компания той или иной фирмы все же будут уличены в нарушении санкционного режима, то это может иметь определенные последствия. В частности, новые американские меры в отношении ИРИ, принятые летом 2010 г., достаточно четко оговаривают возможности и ограничения, накладываемые на торгово-экономическое взаимодействие с Ираном с территории третьих стран.

[499] Интервью с представителем «Статойл Гидро». Тегеран. Апрель 2009.

[500] Suppliers Vying to Sell Gasoline to Iran // Fars News Agency, 17.08.2010. http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8905261594.

[501] Khaitous T. Arab Reactions to a Nuclear Armed Iran. // Policy Focus. – Washington, 2009. № 94.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы

1. Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 г. S/RES/1696 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1696.htm
2. Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. S/RES/1737 (2006) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1737.htm
3. Резолюция 1747 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5647-м заседании 24 марта 2007 г. S/RES/1747 (2007) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1747.htm
4. Резолюция 1803 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5848-м заседании 3 марта 2008 г. S/RES/1803 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1803.htm
5. Резолюция 1835 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5984-м заседании 27 сентября 2008 г. S/RES/1835 (2008) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/res1835.htm
6. Резолюция 1887 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6191-м заседании 24 сентября 2009 г. S/RES/1887 (2009) http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2009/res1887.htm
7. Резолюция 1929 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 г. S/RES/1929 (2010) http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20(2010)
8. Amended Iran-Iraq Arms Nonproliferation Act of October 23, 1992.
9. Annual Review. 1387 (2008/2009). Central Bank of the Islamic Republic of Iran. – Tehran, 1388.
10. Antiterrorism and Effective Death Penalty Act of 1996.
11. Antiterrorism and Effective Death Penalty Act of 24 April 1996.
12. Burns W. J. Iran Policy in the Aftermath of UN Sanctions. Statement before the Senate Foreign Relations Committee. Washington, DC, 22.06.2010. http://www.state.gov/p/us/rm/2010/136721.htm
13. Economic Focus. The Official Publication of the Brittish-Iranian Chamber of Commerce. Winter 2009, № 10.

14. EU Relations with the Islamic Republic of Iran. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. – Brussels, 2001.
15. Hickenlooper Amendment Expansion Act of 30 April 1994.
16. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2008/15. 26 May 2008.
17. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2008/38. 15 September 2008.
18. International Security and Development Cooperation Act of 8 August 1985.
19. Iran Freedom Support Act of 2006.
20. Iran. House of Commons Foreign Affairs Committee. Third Report of Session 2003–2004.
21. Islamic Republic of Iran: Industrial Sector Survey on the Potential for Non-oil Manufactured Exports. UNIDO. – Washington, 1999.
22. Nuclear Proliferation Prevention Act of 30 April 1994.
23. The Financial Restriction (Iran) Order 2009.
24. The Impact of Economic Sanctions. U.K. House of Lords – Economic Affairs Committee. 09.05.2007.
25. The International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) of 28 October 1977.
26. The Iran (European Community Financial Sanctions) Regulations 2007.
27. The Iran (Financial Sanctions) Order 2007.
28. The Iran–Libya Sanctions Act (ILSA) of 5 August 1996.
29. The Operation of the WMD End-Use Control: Guidance. – London, 2006.
30. Trading With the Enemy Act of October 6, 1917.
31. US House Bills No 12170 (14.11.1979).
32. US House Bills No 12205 (7.04.1980).
33. US House Bills No 12211 (17.04.1980).
34. US House Bills No 12276–12284 (23.01.1981).
35. US House Bills No 12294 (26.02.1981).
36. US House Bills No 12613 (30.10.1987).
37. US House Bills No 12957 (17.03.1995).
38. US House Bills No 12959 (9.05.1995).
39. US House Bills No 13059 (19.08.1997).

40. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/1/20. – Техран, 1389.
41. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/6/26. – Техран, 1389.
42. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/7/23. – Техран, 1389.
43. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/9/26. – Техран, 1389.
44. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Хафтэ-йэ монтахи бэ 1389/10/3. – Техран, 1389.
45. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Нафтэ-йэ монтахи бэ 1389/11/8. Техран, 1389.
46. Гозареш-э хафтэги-йэ мотавассэт-э геймат-э хордэфоруши-йэ бархи аз мавад-э хораки дар Техран. Нафтэ-йэ монтахи бэ 1389/10/24. – Техран, 1389. С. 1–4.
47. Гозареш-э сандуг-э байналмиллали-йэ пул аз 9 шахес-э кулан-э эгтесад-э иран дар сал-э 2010 // Эгтесад-э иран, № 141, Абан, 1389.
48. Джузийат-э тарх-э зарбати-йэ бензин ээлам шод // Econews, 1389/06/27.
49. Канун-е асаси-йе джумхури-йе эслами-йе иран. – Техран, 1384.
50. Рахнама-йэ сармайегозари-йэ хареджи дар иран. – Техран, 1388.
51. Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1389. – Техран, 1389.
52. Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Мурдад мах 1388. – Техран, 1388.
53. Шахес-э баха-йэ калаха ва хадамат-э масрафи дар манатэг-э шахри-йэ иран. Фарвардинмах 1389. – Техран, 1389.

Литература

54. Агаев С. Л. Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках. – М., 1986.

55. Арабаджян А. З. Исламская Республика Иран. Экономический потенциал. – М., 2002.
56. Кожанов Н. А. О проблеме присоединения Ирана к ВТО // Мировое и национальное хозяйство. – М., 2010. – № 2 (13).
57. Орлов Е. А. Внешняя политика Ирана после Второй мировой войны. – М., 1975.
58. Afrasiabi K. L. Iran Sanctions as Good as "used tissue" // The Asia Times, 11.06.2010.
59. Aizhu C. China halts oil work in Iran as U.S. ties grow // AFP, 28.10.2010.
60. Alikhani H. Sanctioning Iran. Anatomy of a Failed Policy. – London, 2000.
61. Amuzegar J. The Real Problem // Foreign Policy, 11.02.2010.
62. Ansari Javid S. Imminent Breakthrough for Nabucco Pipeline Project // Tehran Times, 04.07.2009.
63. Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Case Studies of U.S. Economic Sanctions: The Chinese, Cuban, and Iranian Experience. – Westport, 2003.
64. Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. – Westport, 2003.
65. Blas J., Dombey D., Hoyos C. Chinese Begin Petrol Supplies to Iran // Financial Times, 22.09.2009.
66. Booth R. Shell increases oil trade with Iran – despite sanctions // The Guardian, 27.09.2010.
67. Borger J. China Sells Petrol to Iran While Talking at UN About Sanctions // Guardian, 14.04.2010.
68. Bozorgmehr N. Sanctions Hit Iran Oil Production // Financial Times, 23.05.2010.
69. Butler D. Lawmakers urge penalties for Chinese company // Washington Post, 28.09.2010.
70. Castle St. Europe Imposes New Sanctions on Iran // The Washington Post, 27.07.2010.
71. Chang A. After Iran Sanctions Vote, China Wants More Dialogue on Iran Nuclear Issue // CNSNews, 10.06.2010.
72. Chanlett-Avery E., Cooper W. H., Manyin M. E. Japan – U.S. Relations: Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2010.
73. Clawson P. (ed.) Engaging Iran. – Washington, 2009.
74. Clawson P. Much Traction from Measured Steps. The Iranian Opposition, the Nuclear Issue, and the West. – Washington, 2010.

75. Cortright D., Lopez G. A. (ed.) Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder, 1995.
76. Daragahi B. Iranian officials call latest US sanctions desperate // Los Angeles Times, 01.10.2010.
77. Deckstein D., Schepp M. Was Siemens Involved in Dubious Trade? // Der Spiegel, 09.08.2010
78. Dehghan S. K. Iran Sanctions Strengthen Ahmadinejad Regime – Kharroubi // Guardian, 11.08.2010.
79. Erdbrink T. Transcript of interview with Ahmadinejad adviser Mojtaba Samareh Hashemi // Washington Post, 23.11.2010.
80. Erdbrink T., Sanctions slow development of huge natural gas field in Iran // The Washington Post, 23.07.2010
81. Erdbrink Th. Iranian Opposition Warns Against Stricter Sanctions // The Washington Post. 01.10.2009.
82. Escriba-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers. // International Studies Quarterly. 2010, No 54.
83. Fassihi F. Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation Fears Are Seen Four Month After U.N. Meassures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal, 12.10.2010.
84. Fathi N. Iran Offers "Dialogue with Respect" with US // The New-York Times, 10.02.2009.
85. Faucon B., Fassihi F. Sanctions Force a Retreat in Iran // Wall Street Journal, 17.07.2010.
86. Freemark Y. China Promotes Its Transcontinental Ambitions with Massive Rail Plan // The Transport Politic, 09.03.2010.
87. Freilich Ch. Speaking About the Unspeakable. US-Israeli Dialogue on Iran's Nuclear Program. // Policy Focus. Washington, 2007, № 77.
88. Fritsch P. Small Bank in Germany Tied to Iran Nuclear Effort // Wall Street Journal, 18.07.2010.
89. Garver J. W. Is China Playing a Dual Game in Iran? // The Washington Quarterly. Winter 2011, № 34.
90. Guy D., Bozorgmehr N. Barker A. EU Trio Targets Tougher Iran Sanctions // Financial Times, 25.02.2009
91. Herzog M. The Middle East Security Agenda: an Israeli Assessment // Proceedings of the 2009 Soref Symposium. The Obama Administration and the Middle East: Setting Priorities, Defining policies. – Washington, 2009.
92. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. – Washington, 2007.

93. Ilias Sh. Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues. – Washington, 2010.
94. Johnson F., SEC Writing Disclosure Rules in Wake of Iran Sanctions Law // Automated Trader, 20.07.2010.
95. Katzman K. Iran Sanctions. – Washington, 2010.
96. Katzman K. Iran Sanctions. – Washington, 2010.
97. Katzman K. Iran: US Concerns and Policy Responses. – Washington, 2010.
98. Katzman K. The Iran Sanctions Act. – Washington, 2007.
99. Khaitous T. Arab Reactions to a Nuclear Armed Iran. // Policy Focus. – Washington, 2009, № 94.
100. Khaitous T. Arab Reactions to a Nuclear Armed Iran. // Policy Focus. – Washington, 2009, № 94.
101. Kirk D., South Korea Sanctions Iran – Under the US Pressure // Christian Science Monitor, 08.09.2010.
102. Klebnikov P. Millionaire Mullahs // Forbes, 21.07.2003.
103. Labott E. Iran has grown stronger from sanctions, finance minister says // CNN International, 09.10.2010.
104. LaFranchi H. Dissidents Say Iran Nuclear Sanctions are Helping Ahmadinejad // The Christian Science Monitor, 12.08.2010.
105. Makinsky M. French Trade and Sanctions against Iran // MERIA Journal. – March 2009. – Vol. 13, № 1.
106. Mansourian H. The Human Cost of Sanctions on Iran // Muftah. 03.11.2010.
107. Mattair T. R. The United States and Iran: Diplomacy, Sanctions and War. // Middle East Policy. – Summer 2010. – Vol. XVII, № 2.
108. Meridor D. Israel: the Search for Peace and Security // Proceedings of the 2009 Weinberg Founders Conference Beyond a "New Beginning". Obama Administration Middle East Policy. – Washington, 2009.
109. Mozgovaya N. Iran Opposition Figure: Sanctions will Only Make Regime Stronger // Haaretz. 17.10.2009.
110. Nasseri L. Iran Opposition Struggles as Ahmadinejad Gets Boost // Bloomberg. 09.06.2010.
111. Noorbakhsh S., Eye on Trade: More Than Just Pistachios // Japan Inc., 04.11.2008.
112. Ottolenghi E., Iran: the Looming Crisis. – London, 2010.
113. Pagnamenta R. Iran Supply Problems Add to Fears of Oil Hitting $200 a Barrel // The Times, 07.05.2008.
114. Pletka D. Congress's Ill-Timed Iran Bills // Washington Post, 28.08.2007.

115. Pomfret J. Chinese firms bypass sanctions on Iran, US says // Washington Post, 18.10.2010.
116. Sands D. Analysis: Iran Gas to Europe a problem // UPI, 13.08.2007.
117. Schirazi A. Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran. – London, 1993.
118. Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. – Washington, 2010.
119. Shayerah I. Iran's Economy. CRS Report for Congress. – Washington, 2008.
120. Simons G. Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool? – London, 1999.
121. Simpson G. R., Solomon J., Fresh Clues of Iranian Nuclear Intrigue // The Wall Street Journal, 16.01.2008.
122. Stern R., Iran Actually is Short of Oil // The New-York Times, 08.01.2007.
123. Swartz S. Another company cuts ties with Iran // Wall Street Journal, 10.09.2010.
124. Swartz S., Faucon B. Iran's Falling Oil Output Means Less Revenue, Clout // The Wall Street Journal, 26.06.
125. Szorm Ch. Structural Patronage in Iran. Implications of Subsidies Reform for Iran and US Policy. – Washington, 2010.
126. Tarr D. (ed.) Iran. Trade and Foreign Exchange Policies in Iran. Reform Agenda, Economic Implications and Impact on the Poor. Washington, 2001.
127. Thaler D. E., Nader A., Chubin Sh., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads. – Washington: RAND, 2010.
128. Tisdall S. Rafsanjani: Shark or Kingmaker // Guardian, 15.06.2009.
129. Tran M. Ahmadinejad Demands US Apology for “Crimes” against Iran // Guardian, 28.01.2009.
130. Varner B., Zacharia J. Obama's UN Nuclear Summit Sidesteps Iran, North Korea Disputes // Bloomberg, 22.09.2009.
131. Wallensteen P., Staibano C. (ed.) International Sanctions: Between Words and Wars in the Global System. – London, 2005.
132. Wroughton L. Iran blasts World Bank for refusing loans // Reuters, 08.10.2010.
133. Джавади Ш. Пишбини-йэ амалкард-э будже-йэ сал-э 1389 ва асар-э ан бар эегтесад-э мелли. Техран, 1388.
134. Мохаммадхани М. Р. Сахм-э масраф-э йаранеха-йэ энержи дар бахшха-йэ мохталеф. Техран, 1389.

135. Мохаммадхани М.Р. Таасир-э мостагим-э афзайеш-э keймат-э хамелха-йэ энержи бар хазине-йэ тоулид-э мухсулат-э санати ва хамл-о-нагл. Техран, 1388.
136. Тутунчи-Малеки С. Барраси-йэ мосаввабат ва эстедлалха-йэ таваджохи-йэ камисийун-э вижэ-йэ тарх-э тахаввол-э эгтесади дар моуред-э лайехэ-йэ хадафманд кардан-э йаранэха. Техран, 1388.
137. Тутунчи-Малеки С., Хади-Мусавиник С. Эттебарат-э йаранеи ва асар-э таварроми-йэ ан. Техран, 1389.
138. Тутунчи-Малеки С., Хади-Мусавиник С. Эттебарат-э йаранеи ва асар-э таварроми-йэ ан. Техран, 1388.
139. Ханлу М. Пардахт-э 52,4 hезар милйард рийал йаране-йэ калаhа-йе асаси дар сал-э 1386. // Барнаме. – 1386. – № 204.

Периодика

140. Iran Defence and Security Report. London, 2010. Q4.
141. Iran Oil and Gas Report. London, 2010. Q4.
142. AIC Update. October 2005. Vol. 2. № 33.
143. Official Journal of the European Union. L 61. 28.2.2007; L 106. 23.4.2007; L 106. 24.4.2007; L 163. 24.6.2008; L 213. 8.8.2008; L 303. 18.11.2009; C 83. 30.3.2010; L 195. 27.7.2010.
144. Emirates Business 24/7, 07.09.2010.
145. The Oil Daily, 07.08.2008.
146. Oil and Gas Insight, September 2008.
147. Iran Daily, 28.09.2008.
148. Financial Times, 15.12.2009.
149. Kuwait Times, 02.01.2010.
150. The Wall Street Journal, 20.10.2009; 09.01.2010; 11.08.2010; 23.08.2010; 25.08.2010; 26.11.2010.
151. Daily Times, 12.01.2010.
152. Tehran Times, 20.04.2009; 04.07.2009; 18.01.2010; 19.01.2010; 21.02.2010; 19.07.2010; 07.10.2010; 24.11.2010; 25.12.2010.
153. The New York Times, 20.09.2007; 02.02.2010; 09.02.2010; 17.02.2010; 13.08.2010; 21.09.2007.
154. Time, 03.03.2010.
155. The Christian Science Monitor, 23.04.2010.
156. The Telegraph, 23.05.2010.
157. Haaretz, 27.06.2010.
158. The Daily Telegraph, 30.06.2010.

159. Jerusalem Post, 11.08.2010.
160. JoongAng Daily, 26.08.2010.
161. The National, 28.07.2010; The National, 07.09.2010.
162. Korea Herald, 29.07.2010; 17.09.2010.
163. Donya-ye Eqtesad, 29.09.2010.
164. Payvand, 06.10.2010.
165. International Business Times, 08.10.2010.
166. Platts, 13.10.2010; 18.10.2010.
167. World Tribune, 28.10.2010.
168. Iran Times International, 05.11.2010.
169. Al Arabiya, 11.07.2010; 18.11.2010.
170. Today, 29.11.2010.
171. Global Security Newswire, 02.12.2010.
172. Gulf News, 08.12.2010.
173. Frontline, 29.12.2010.
174. Iran Investment Monthly. January 2011, Vol. 52.
175. The Economist, 15.01.2011.
176. Хабарнамэ-йэ энержи. № 77. Ардибихешт 1389.
177. Эгтесад-э иран. № 134. Фарвардин 1389; № 139. Шахривар 1389.
178. Эттемад, № 2061, 4.7.1388; № 2063, 6.7.1388; № 2076, 21.7.1388; № 2112, 4.9.1388; № 2134, 2.10.1388; № 2141, 13.10.1388.

Summary.

ECONOMIC SANCTIONS AGAINST IRAN: AIMS, SCALE AND POSSIBLE CONSEQUENCES

During the summer of 2010, the UN Security Council, the US government and the European Union adopted new sanctions against Iran. Despite statements by Iranian officials about the "unreasonable" and "inefficient" nature of these sanctions, the major part of international expert community consider them to be one of the most severe punitive measures ever adopted against Iran. Moreover, these steps of the US and EU authorities were supported by a relatively large number of countries which followed the example of the Americans and Europeans and adopted their own unilateral sanctions against the Islamic Republic of Iran (the IRI).

All in all, new punitive measures against Iran have the following two main goals:

1. the limitation of Tehran's capabilities to finance its nuclear and rocket programs;
2. the compulsion of the Iranian authorities to continue the talks about the nuclear issue and, subsequently, to change their position concerning the perspectives of the development of Tehran's nuclear researches.

According to initial plans, both aims were to be reached by means of hampering the processes of the development and modernization of the petrochemical, oil and gas sectors of the Iranian economy which traditionally provide the budget of the IRI with the main bulk of income.

As stated by some researchers, the American and European sanctions also have another goal. It is less voiced aloud, but, nevertheless, its importance should not be undermined. This aim implies the change of the balance of the political powers inside Iran through the support of the liberal (and, thus, more loyal to the West) forces with the subsequent increase of their role in the political life of the IRI. Like in the case of those first two goals men-

tioned above, this third aim should be achieved by decreasing the government abilities to gain money from the hydrocarbons exports, limiting its capabilities to import gasoline and, thus, to satisfy the domestic demand in it, as well as through the restriction of the access to the international trade markets and banking system for the Iranian business circles.

Since the summer of 2010, leading Western analytical agencies have been carefully monitoring the socio-economic and political situation in Iran. Their experts consider that measures adopted by the U.S. and the EU, as opposed to the UN Security Council Resolution 1929 (which was "diluted by the efforts of Russia and China"), undoubtedly have impacted Iran. In their opinion, the sanctions adversely affected the ability of Iran to import gasoline and significantly limited its access to foreign investments, which are badly needed by the Iranian energy sector.

However, despite all prognoses, Iran appeared to be able to stand up to the Western blow. Its government demonstrated the ability to secure the control over domestic political situation, and the country's economy was damaged but not shattered. Tehran, although it was not successful in the complete offset of the negative impact of the sanctions, managed to mitigate their effect and save time in order to wait till the wave of international political anger subsides.

Under these circumstances, we consider that this research devoted to the issue of the influence of the unilateral sanctions adopted by the US and EU on Iran could arouse interest. All in all, this topic deserves attention due to a number of the following reasons:

First of all, it is important to understand to which extent the sanctions are able to influence Iran and how their weaknesses could be corrected or compensated so that the punitive measures would be able to achieve their goals. It is necessary to remember that if sanctions fail to be successful and the uranium enrichment of up to 20% remains unpunished the nuclear non-proliferation regime in the region will be under the threat. Moreover, this threat will not necessarily come from Iran. In order to strengthen their regional positions, Saudi Arabia, Egypt and Jordan may follow the Iranian example. Moreover, as stated by some experts, even American promises to deploy a protective "nuclear and rocket umbrella" upon these countries will not persuade their governments to stop the process of the creation of the Weapons of Mass Destruction if the IRI makes its own nuclear bomb.

Second, it is necessary to say that the real picture of the sanctions influence on Iran is often distorted by researchers. Trying to demonstrate the effectiveness of the adopted punitive measures, some analysts obviously exaggerate the negative effects of the sanctions on the Iranian economy and, thus, misrepresent the facts. For instance, the current difficulties suffered by financial sector of Iran are often mistakenly attributed only to the influence of the existing sanctions. In other cases, Western experts try to prove the success of the sanctions by referring even to those problems of the Iranian economy which are apparently caused by its own inherent structural problems. In this situation, the lack of alternative and less prejudiced assessments of the overall situation is obvious.

Third, Iran represents an example of a semi-pariah state which has been leaving under the sanctions for the last three decades. Moreover, during this period, the IRI experienced the revolutionary turmoil and its aftermath, the war with Iraq, economic turbulences of the 1990es and the financial crisis of 2008–2009. Despite all of this trials and ordeals, Iran not only gradually followed its own independent way of development but managed to preserve a specific type of a political regime (a so called “Islamic republic”) which was not initially given a year of existence after its emergence. This phenomenon of the Iran’s durability and endurance against external challenges (and the international sanctions are definitely one of them) deserves a special study.

Within the framework of the research we show that the sanctions adopted by the US and EU in 2010 are partially failed to achieve their goals. We attempt to explain this failure by a number of external and internal reasons which include the following factors:

1. Capabilities of some countries (such as China, Malaysia, India, Turkey, Turkmenistan, Brazil and Venezuela) to replace the EU members and their allies as major trade and investment partners of Iran;
2. Unwillingness of some of the allies of the US and EU (for instance, the UAE) to support the sanctions regime and to observe its requirements in practice;
3. Attempts of a number of European and American companies to use existing loopholes in the judicial base of the current sanctions regime to continue their cooperation with Iran;
4. Potential economic losses which the European countries would suffer if the sanctions were properly implemented;

5. Capabilities of the Iranian economy to mitigate the negative influence of the punitive measures adopted against it;
6. The undemocratic nature of the Iranian political regime which allows the local authorities to use a wide range of measures (both suppressive and incentive[1]) to control the situation in the country;
7. Unwillingness of the Iranian opposition to support the sanctions and to use the opportunities given by the punitive measures as a political leverage to improve the positions of the Green movement.

These goals are achieved through the analysis of the following issues:
1. existing theoretical approaches to the problem of sanctions effectiveness;
2. reasons which led to the formation of the existing regime of the sanctions against the IRI;
3. influence of the sanctions on the macroeconomic situation in Iran and main socio-economic indicators;
4. effect of the punitive measures adopted against the IRI on the development of Iranian energy sector and petrochemical industry;
5. influence of the sanctions on the development of the banking sector of the IRI;
6. change of the balance of political powers in Iran under the influence of the sanctions;
7. abilities of the government to retain control over the country;
8. options to bypass trade and investment limitations imposed by sanctions.

In the first place, our research is based on the analysis of a wide range of the primarily sources which include relevant laws and acts of the US and EU as well as statistical data and reports provided by Iranian official organizations (such as the Central Bank of Iran, ministry of oil and statistic centre of Iran) and international

[1] Under "incentive measures" we understand the abilities of the regime to buy the loyalty of the population (for example, through the direct or indirect subsidies given to the low-classes).

structures (for example the IMF, the World Bank, the UN and the UNIDO). This special focus on primary sources could be partly explained by the absence of recent profound monographic researches devoted to this issue. Moreover, even during the last decade, there were few deep studies which directly addressed the topic of the Iranian sanctions regime. Among them we can name *Sanctioning Iran. Anatomy of a Failed Policy* by Alikhani, *Economic Sanctions: The Chinese, Cuban, and Iranian Experience* by Askari, Forrer, Teegen, and Yang, *Iran's Economic Conditions: U.S. Policy Issues* by Ilias, *Iran Sanctions* and *The Iran Sanctions Act* by Katzman as well as *Iran's Economy* by Shayerah. Under these circumstances, in terms of literature sources, our research is mainly based on recent journal and newspaper articles. Thus, the most informative and adequate publications on the topic are usually found in *The Economist, Iran Defence and Security Report*, *Iran Oil and Gas Report*, *The Wall Street Journal*, *The New York Times*, *The Christian Science Monitor* and *The Telegraph*. However, to avoid one-sided approach to the situation we also actively used the materials provided by the reliable Iranian periodicals such as *Iran Daily*, *Tehran Times*, *Donya-ye Eqtesad*, *Payvand*, *Iran Times International*, *Khabarname-ye energy*, *Eqtesad-e iran* and *Ettemad*[2].

[2] Newspaper *Ettemad* was banned by the Iranian authorities in 2009. However, its publications are essential for the understanding of the underground political and economic processes in Iran of that time which, later on, influenced the domestic situation after the adoption of the sanctions in 2010.

ОБ АВТОРЕ

Кожанов Николай Александрович (1982 г.р.). В 2006 г. закончил Восточный и Экономический факультеты СПбГУ. С 2006 по 2009 гг. работал секретарем-референтом, а затем атташе Посольства России в Иране. Занимался вопросами социально-экономического развития ИРИ, внешней политики Тегерана и проблемой иранской ядерной программы. В 2010 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук (Экономический факультет СПбГУ). На данный момент проходит обучение по программе регионоведа-ближневосточника в Институте арабских и исламских исследований университета Эксетера (Великобритания). Автор двадцати статей. Владеет английским и персидским языками.
e-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

Nikolay A. Kozhanov. BA History of Iran and Afghanistan (2004), MA Oriental Studies (2006), MA Economy (2006), PhD Economy (2010). BA, MA and PhD degrees were gained at the faculty of Oriental Studies and the faculty of Economics of the Saint-Petersburg State University. From October 2006 to November 2009, Nikolay Kozhanov worked as an assistant-attaché and, later on, as an attaché of the Political section of the Russian Embassy in Tehran. During his work at the Embassy he was responsible for gathering the information in order to analyze the current socioeconomic situation in the country and assess the prognosis of its further development. Nikolay Kozhanov was also obliged to prepare periodical reports on the nuclear program of Tehran and the relations of Iran with Europe, the Middle East and East Asia. After the expiration of his contract with the Russian Ministry of Foreign Affairs, Nikolay Kozhanov applied for a one year MA program (Middle East Studies) at the University of Exeter (the UK) and currently studies there.

Nikolay Kozhanov is the author of 20 articles. He speaks fluent English and Persian.
E-mail: n_a_kozhanov@mail.ru

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

Н.А. Кожанов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАНА: ЦЕЛИ, МАСШТАБЫ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ

Подписано в печать 15.06.2011 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 16,75 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 64

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12